

**ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ
И ИСКУССТВ**

**ЖУРНАЛ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ
И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Журнал издается с 2006 года № **15/2011**
Выходит 4 раза в год

Учредитель

ФГБОУ ВПО «Кемеровский
государственный университет
культуры и искусств»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Е. Л. Кудрина, доктор педагогических наук,
профессор, ректор КемГУКИ

Зам. главного редактора

А. В. Шунков, кандидат филологических
наук, доцент, проректор по научной и иннова-
ционной деятельности КемГУКИ

Ответственный секретарь

Е. А. Кагакина, кандидат педагогических
наук, доцент

Редактор *Н. Ю. Мальцева*

Перевод *С. А. Золотарева*, кандидат
культурологии, доцент, ведущий научный
сотрудник научного отдела

Компьютерная верстка *М. Б. Сорокиной*
Дизайн *А. В. Сергеев*

Адрес редакции:

650029, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17.

Журнал «Вестник КемГУКИ»

Тел.: (3842)73-30-64. Факс: (3842)73-28-08

E-mail: nir@kemguki.ru

Электронная версия журнала:

<http://vestnik.kemguki.ru/>

ISSN 2078-1768

© ФГБОУ ВПО «Кемеровский
государственный университет
культуры и искусств», 2011

**BULLETIN OF KEMEROVO STATE
UNIVERSITY
OF CULTURE AND ARTS**

**JOURNAL OF THEORETICAL
AND APPLIED RESEARCH**

Journal is published since 2006 № **15/2011**
Published quarterly

Founder

Federal State-Funded Educational Institution
of Higher Professional Education
(FSFEI HPE) «Kemerovo State University
of Culture and Arts»

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

E. L. Kudrina, Doctor of Pedagogical
Sciences, Professor, Rector of KemGUKI

Assistant Chief Editor

A. V. Shunkov, Candidate of Philological
Sciences, Docent, Vice-Rector for Research
and Innovation of KemGUKI

Administrative Secretary

E. A. Kagakina, Candidate of Pedagogical
Sciences, Docent

Editor *N. Yu. Maltseva*

Translation *S. A. Zolotareva*, Candidate
of Culturology, Docent, Senior Specialist
of KemGUKI Science Department

Computer layout *M. B. Sorokina*
Design *A. V. Sergeyev*

Address of the Publisher:

650029, Kemerovo, 17 Voroshilov Street.

Journal «Bulletin of KemGUKI»

Tel.: (3842)73-30-64. Fax: (3842)73-28-08

E-mail: nir@kemguki.ru

Web Journal link:

<http://vestnik.kemguki.ru/>

ISSN 2078-1768

© FSFEI HPE «Kemerovo State
University of Culture and
Arts», 2011

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА ЖУРНАЛА

Председатель совета:

Коллин К. К., доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, действительный член Международной академии наук высшей школы, главный научный сотрудник Института проблем информатики РАН (г. Москва)

Члены совета:

Абдулатипов Р. Г., доктор философских наук, профессор, ректор Московского государственного университета культуры и искусств, заслуженный деятель науки РФ (г. Москва)

Ариарский М. А., доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой социально-культурной деятельности СПбГУКиИ (г. Санкт-Петербург)

Астафьева О. Н., доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой культурологии и деловых коммуникаций Российской академии государственной службы при Президенте РФ (г. Москва)

Быховская И. М., доктор философских наук, профессор, заведующая сектором культурологических проблем социализации Российского института культурологии (г. Москва)

Волк П. Л., доктор культурологии, профессор, директор Томского областного колледжа культуры и искусств (г. Томск)

Волощенко Г. Г., доктор культурологии, доцент кафедры социально-культурной деятельности Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, заведующий сектором региональной культурной политики Сибирского филиала Российского института культурологии (г. Омск)

Гавров С. Н., доктор философских наук, профессор, ведущий специалист сектора социокультурных процессов и систем Российского института культурологии, профессор кафедры социологии и социальной антропологии МГУДТ (г. Москва)

Гениева Е. Ю., доктор педагогических наук, генеральный директор Всероссийской библиотеки иностранной литературы (г. Москва)

Долженко О. В., доктор философских наук, профессор, действительный член Международной академии наук высшей школы, профессор Национального института бизнеса Московского гуманитарного университета (г. Москва)

EDITORIAL COUNCIL OF THE JOURNAL

Chairman of editorial council:

Kolin K. K., Doctor of Technical Sciences, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, Current Member of International Higher Education Academy of Sciences, Chief Scientist of the Institute for Informatics Problems of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Members of council:

Abdulatipov R. G., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Rector of Moscow State University of Culture and Arts, Honoured Scientist of the Russian Federation (Moscow)

Ariarskiy M. A., Doctor of Culturology, Professor, Head of the chair of Socio-cultural Activity of St. Petersburg State University of Culture and Arts (St. Petersburg)

Astafieva O. N., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Deputy Head of the chair of Culturology and Business Communication of Russian Academy of State Service for the President of the Russian Federation (Moscow)

Bykhovskaya I. M., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Head of the Sector of Culturologic Problems of Socialization at Russian Institute of Culturology (Moscow)

Volk P. L., Doctor of Culturology, Professor, Director of Tomsk Regional College of Culture and Arts (Tomsk)

Voloschenko G. G., Doctor of Culturology, Docent of the Chair of Socio-cultural Activity of F. M. Dostoevsky Omsk State University, Head of the Sector of Regional Cultural Politics of Siberian Branch of Russian Institute of Culturology (Omsk)

Gavrov S. N., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, senior specialist of the Sector of Socio-cultural Processes and Systems of Russian Institute of Culturology, Professor of the Chair of Social Science and Social Anthropology of Moscow State University of Design and Technology (Moscow)

Genieva E. Y., Doctor of Pedagogic Sciences, General Director of the All-Russia Library for Foreign Literature (Moscow)

Dolzhenko O. V., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Current Member of International Higher Education Academy of Sciences, Professor of the National Institute of Business of Moscow Humanitarian University (Moscow)

Донских О. А., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Новосибирского государственного университета экономики и управления (г. Новосибирск)

Игумнова Н. П., доктор педагогических наук, главный научный сотрудник Российской государственной библиотеки (г. Москва)

Иконникова С. Н., доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, заслуженный деятель науки РФ (г. Санкт-Петербург)

Кинелев В. Г., доктор технических наук, профессор, академик РАО, руководитель кафедры ЮНЕСКО «Общество знаний и новые информационные технологии» Российского нового университета (г. Москва)

Луков В. А., доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, проректор по научной и издательской работе, директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета (г. Москва)

Сонинтогос Э., ректор Монгольского государственного университета культуры и искусств (г. Улан-Батор, Монголия)

Сунь Юйхуа, доктор педагогических наук, профессор, ректор Даляньского университета иностранных языков (г. Далянь, КНР)

Тарчиньски Вальдемар, доктор экономических наук, профессор, ректор Щецинского университета (г. Щецин, Польша)

Урсул А. Д., доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик АН Республики Молдовы, директор Центра исследований глобальных процессов и устойчивого развития Российского государственного торгово-экономического университета (г. Москва)

Чешев В. В., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Томского государственного архитектурно-строительного университета (г. Томск)

Чжао Цзиминь, профессор, ректор Чанчуньского государственного педагогического университета (г. Чанчунь, КНР)

Янашек Кристина, доктор филологических наук, профессор, директор Института славянских языков Щецинского университета (г. Щецин, Польша)

Donskikh O. A., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Head of the chair of Philosophy of Novosibirsk State University of Economy and Administration (Novosibirsk)

Igumnova N. P., Doctor of Pedagogical Sciences, Chief Scientist of the Russian State Library (Moscow)

Ikonnikova S. N., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Head of the chair of Theory and History of Culture of St. Petersburg State University of Culture and Arts, Honoured Scientist of the Russian Federation (St. Petersburg)

Kinelev V. G., Doctor of Technical Sciences, Professor, Academician of the Russian Author's Society, UNESCO Chair «Knowledge Society and New Information Technologies» of the Russian New University (Moscow)

Lukov V. A., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, Vice-rector for Science and Publishing, Director of the Institute of Fundamental and Applied Research of Moscow Humanitarian University (Moscow)

Sonintogos E., Rector of Mongolian State University of Culture and Arts (Ulan-Bator, Mongolia)

Sun Yuhua, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Rector of Dalian University of Foreign Languages (Dalian, China)

Tarczynski Waldermar, Doctor of Economic Sciences, Professor, Rector of Szczecin University (Szczecin, Poland)

Ursul A. D., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, Academician of Academy of Sciences of Moldova, Director of the Centre for Research into Global Processes and Sustainable Development of the Russian State Trade Economic University (Moscow)

Cheshev V. V., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Head of the chair of Philosophy of Tomsk State University of Architecture and Construction (Tomsk)

Zhao Jimin, Professor, Rector of Changchun State Pedagogical University (Changchun, China)

Janaszek Krystyna, Doctor of Philological Sciences, Professor, Director of Slavic Languages Institute in Szczecin University (Szczecin, Poland)

СОСТАВ НАУЧНОЙ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

Гендина Н. И., доктор педагогических наук, профессор, директор НИИ информационных технологий социальной сферы

Миненко Г. Н., доктор культурологии, профессор, директор Центра исследований духовной антропологии

Балабанов П. И., доктор философских наук, профессор

Кулемзин А. М., доктор культурологии, профессор, заведующий лабораторией музееведения, заведующий кафедрой музейного дела

Пономарев В. Д., доктор педагогических наук, доцент, проректор по творческой и международной деятельности

Прокопова Н. Л., доктор культурологии, доцент, заведующая лабораторией теоретических и методических проблем искусствоведения, директор Института театра

Умнова И. Г., кандидат искусствоведения, доцент, заведующая кафедрой теории и истории искусств

Трусова Н. М., кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой экономики социальной сферы

Коргожа Н. С., кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой социально-культурной деятельности

Араева Л. А., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой стилистики и риторики Кемеровского государственного университета

Егле Л. Ю., кандидат культурологии, доцент, начальник научного отдела

SCIENTIFIC EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL

Gendina N. I., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Director of Research Institute of Informational Technologies in Social Sphere

Minenko G. N., Doctor of Culturology, Professor, Director of Research Centre of Spiritual Anthropology

Balabanov P. I., Doctor of Philosophic Sciences, Professor

Kulemzin A. M., Doctor of Culturology, Professor, Head of Laboratory of Museology, Head of the chair of Museology

Ponomaryov V. D., Doctor of Pedagogical Sciences, Docent, Vice-Rector for Creative and International Activity

Prokopova N. L., Doctor of Culturology, Docent, Chief of Laboratory of Theoretical and Methodic Problems of Art Research, Director of Theatre Institute

Umnova I. G., Candidate of Art History, Docent, Head of the chair of Theory and History of Arts

Trusova N. M., Candidate of Economical Sciences, Docent, Head of the chair of Economics of Social Sphere

Korgozha N. S., Candidate of Pedagogical Sciences, Head of the chair of Socio-cultural Activity

Araeva L. A., Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the chair of Stylistics and Rhetoric in Kemerovo State University

Egle L. Yu., Candidate of Culturology, Docent, Head of Science Department

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии.....	7
ФИЛОЛОГИЯ	
Коллин К. К. Информационное пространство культуры: проблема многоязычия в информационном обществе...	8
Суй Жань Вопросы лингвосемантики и формализации речевого мышления.....	17
Бочкарев А. А. Проблема минимума лингвистических знаний в процессе преподавания русского языка китайским студентам.....	24
Антипов А. Г., Рыбникова Е. Е. Русская грамматика в зеркале ЕГЭ.....	31
Шунков А. В. Проект «Русский язык в пространстве межкультурных коммуникаций» и его реализация в КемГУКИ.....	36
Ханзина В. И. Механизм восприятия этнокультурных языковых феноменов в художественном тексте. (На материале результатов психолингвистического эксперимента).....	41
Марьяк Христина Проба історіографічного переліку польських прислів'їв і приказок. Хронологія пареміологічних збірок.....	47
Алпеева Л. В. Атрибутивные глагольные формы в лирике Игоря Северянина.....	52
Шарифова Салида Шаммед кызы Смещение романа с драматическими жанрами.....	59
Пономарев В. Д. Творчество как язык межкультурной коммуникации: проектный подход.....	66
ИСКУССТВО. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ	
Степанская Т. М. Слово и кисть художника.....	73
КУЛЬТУРОЛОГИЯ	
Хилько Н. Ф. Духовно-нравственные аспекты зрительской культуры в пространстве детского кино советского периода (проблемно-тематический анализ).....	78
Киселев А. В. Цивилизационная объяснительная модель концепта «край» – «краеведение».....	85
Черняк М. В. Условия формирования толерантности в пространстве современной городской культуры.....	97
ПЕДАГОГИКА И СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	
Касаткина Н. Э. Образование в эпоху перемен. <i>Интервью</i>	102
Пилко И. С. О приоритетах компетентностного подхода к высшему профессиональному образованию.....	110
Казарина Т. Ю. Организация учебного процесса в Институте визуальных искусств КемГУКИ в условиях перехода на ФГОС ВПО третьего поколения.....	116
Сбитнева Г. И. Формирование профессиональных компетенций в курсе «Отраслевые информационные ресурсы».....	125
Жегульская Ю. В. Факторы учебной адаптации студентов первого курса (на примере Кемеровского государственного университета культуры и искусств).....	130
Хижняк Н. Л. Художественная одаренность личности: научно-методические основания оценки конкурентоспособности образовательных учреждений сферы культуры и искусства.....	138
ФИЛОСОФИЯ	
Барышников С. Г. Исторический предел военного способа осуществления государственной политики: социально-философский аспект.....	147
РЕЦЕНЗИИ	
Марков В. И. Мир информации: новый взгляд. Рецензия на монографию К. К. Колина «Философские проблемы информатики».....	155
ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ	
Астахов О. Ю. Итоги Международного научно-практического форума «Слово и образ в русской художественной культуре».....	157
Золотарева С. А. Ежегодная Межрегиональная студенческая научно-практическая конференция «Культура и искусство: поиски и открытия».....	161
Лапинкова Е. Н. Межрегиональная научно-практическая конференция аспирантов, соискателей и преподавателей «Актуальные проблемы социокультурных исследований».....	163
Марков В. И. Международная научная конференция «Философия – философия культуры – культурология: новые водоразделы и перспективы взаимодействия».....	166
Марков В. И. Журнал «Философия образования». Юбилейная конференция.....	169
Пилко И. С. 16-я конференция Российской библиотечной ассоциации «Российское библиотечное сообщество: цели и перспективы».....	171
ПАНОРАМА	
Обзор книжных новинок (монография В. Д. Пономарева) и планируемых изданий (монографии К. К. Колина, А. Д. Урсула; А. В. Шункова).....	174
Сведения об авторах.....	176

CONTENTS

Editor's word.....	7
PHILOLOGY	
Kolin K. K. Information space of culture: problem of multi-language in information society.....	8
Sui Zhan Some issues of linguistic semantics and speech thinking formalization.....	17
Bochkarev A. A. Problem of linguistic knowledge minimum in the process of teaching Russian to Chinese students...	24
Antipov A. G., Rybnikova E. E. Russian grammar in the mirror of Russian state exam.....	31
Shunkov A. V. «Russian language in the space of intercultural communication» project and its implementing in Kemerovo State University of Culture and Arts.....	36
Hanzina V. I. The mechanism of perception of ethno-cultural linguistic units in a literary text. (Based on results of psycholinguistic experiments).....	41
Maryak Khristina Chronological collection of Polish proverbs.....	47
Alpeeva L. V. Attributive verbal forms in the lyrics by Igor Severyanin.....	52
Sharifova Salida Shammed kızı Mixing the novel and dramatic genres.....	59
Ponomarev V. D. Creative work as a language of cross-cultural communication: project approach.....	66
ART AND ART STUDIES	
Stepanskaya T. M. An artist's word and brush.....	73
CULTUROLOGY	
Hilko N. F. Spiritual and moral aspects of spectators' culture in the space of children's cinema of the Soviet period (the problem-thematic analysis).....	78
Kiselev A. V. Civilization explanation model for «native land» and «local history» concept.....	85
Tchernyak M. V. Conditions for tolerance formation in the space of a modern urban culture.....	97
PEDAGOGICS AND SOCIO-PEDAGOGIC ACTIVITY	
Kasatkina N. E. Education in the age of changes. <i>Interview</i>	102
Pilko I. S. About priorities of the competent approach to higher professional education.....	110
Kazarina T. Yu. Organization of educational process at Visual Arts Institute in KemGUKI in the transition to the GEF HPE.....	116
Sbitneva G. I. Forming professional competences for the course «Information resources for special fields».....	125
Zhegulskaya Yu. V. Factors of learning adaptation of the first-year students (as in Kemerovo State University of Culture and Arts).....	130
Khizhnyak N. L. Artistically gifted person: scientific and methodological basement for culture and art educational institutions competitiveness assessment.....	138
PHILOSOPHY	
Baryshnikov S. G. The historical limit of the military way of the state policy implementation: a socio-philosophical aspect.....	147
REVIEWS	
Markov V. I. Information world: new view. Review for K. K. Kolin's monograph «Informatics Philosophy Problems»	155
SCIENTIFIC LIFE CHRONICLES	
Astakhov O. Yu. The results of «Word and Image in Russian artistic Culture» international scientific and practical forum.....	157
Zolotareva S. A. «Culture and Arts: Research and Discoveries» annual inter-regional students' scientific and practical conference.....	161
Lapinkova E. N. «Topical problems of socio-cultural researches» inter-regional scientific and practical conference of postgraduate students, seekers and teachers.....	163
Markov V. I. International scientific conference «Philosophy – philosophy of culture – culture studies: new borderlines and prospects of interaction».....	166
Markov V. I. «Philosophy of Education» journal. Anniversary conference.....	169
Pilko I. S. 16 th Russian library association conference: «Russian library community: aims and prospects».....	171
PANORAMA	
Contains review for the new books (V. D. Ponomarev's monograph), and books which are going to be published in the nearest future (K. K. Kolin's and A. D. Ursul's monograph, A. V. Shunkov's monograph).....	174
Information about the authors.....	176

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Уважаемые читатели! Очередной, пятнадцатый, выпуск «Вестника Кемеровского государственного университета культуры и искусств», включенного с этого номера ВАК РФ в Перечень рецензируемых научных журналов, открывается разделом, в котором представлены статьи ученых, посвященные проблемам функционирования русского языка в современном культурном пространстве. Какими аргументами руководствовалась редколлегия при формировании нового номера журнала, значительный объем которого составляют исследования в области русистики, межкультурных коммуникаций? Ответом на поставленный вопрос может служить высказывание нашей коллегингвиста, доцента Е. Е. Рыбниковой, прозвучавшее на конференции, прошедшей в рамках Международного научного форума «Слово и образ в русской художественной культуре» в Кемеровском государственном университете культуры и искусств в мае 2011 года: «На современном этапе развития наук проблема человека стала общей проблемой научного познания. Языковая личность сегодня оказывается тем стержневым понятием, вокруг которого разворачивается дискуссия по общим и частным проблемам гуманитарных наук. И это не случайно, поскольку язык, если обратиться к высказыванию Эдварда Сепира, “настолько глубоко коренится во всем человеческом поведении, что остается очень немногое в функциональной стороне нашей сознательной деятельности, где язык не принимал бы участия”». И именно сегодня, в эпоху глобализации, остро поставлен вопрос сохранения народом своей культурной, национальной и языковой идентичности. Эта же проблема не обходит стороной и русскую культуру. Поэтому исследования ряда современных отечественных и зарубежных ученых (лингвистов, культурологов) заставляют иначе посмотреть на проблему языка, составляющего основу культуры как отдельного человека, так и нации в целом. Любое событие, зафиксированное историей и ставшее частью культуры, на новом этапе предстает посредством его языковой вербализации, тем самым формируя и вполне определенную культурную (языковую) картину мира.

Таким образом, статьи авторов (различные на первый взгляд), представленные в разделе «Филология», объединяет общая идея: рассмотрение языка как особой системы, изучать которую следует не только как замкнутое автономное образование, но и как часть среды, в которой живет и действует человек.

Редколлегия журнала, публикуя авторские материалы, стремилась к созданию продуктивного объединяющего диалога между различными сообществами ученых. При этом коллектив, работавший над выпуском, прекрасно понимает, что некоторые статьи вызовут возражение или критику со стороны читателя. Но противоположность взглядов как раз и поможет в дальнейшем организовать на страницах журнала диалог-дискуссию по основным направлениям интересующих всех проблем.

ФИЛОЛОГИЯ

PHILOLOGY

УДК 81

К. К. Колин

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ: ПРОБЛЕМА МНОГОЯЗЫЧИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Рассматривается современная структура социально-культурологической проблемы обеспечения многоязычия в новом информационном пространстве глобального информационного общества. Показана ее связь с проблемами социально-экономического развития страны, ее конкурентоспособности, национальной и международной безопасности. Отмечена важная роль русского языка, который может стать базовым языком создаваемой в России принципиально новой многоязычной системы машинного перевода текстов.

Ключевые слова: информационная бедность, информационная культура, информационное неравенство, лингвистическая культура, машинный перевод, национальная безопасность, устойчивое развитие.

К. К. Kolin

INFORMATION SPACE OF CULTURE: PROBLEM OF MULTI-LANGUAGE IN INFORMATION SOCIETY

The modern structure of the problem of providing of multiplicity of language inside new information space of Global Information Society is considered. There has been shown its relation to problems of socio-economic development of the country, its competitiveness, national and international security. The author has noted the important role of the Russian language which can become a basic language of the new multilingual system of machine translation now being developed in Russia.

Keywords: information poverty, information culture, information inequality, linguistic culture, machine translation, national security, stable development.

1. Актуальность проблемы

На рубеже XX и XXI веков ЮНЕСКО введено новое понятие – «*информационной бедности*». Оно характеризует положение информационно отсталых стран в мировом информационном пространстве и является одной из характеристик уровня их социального развития, а также качества жизни в этих странах. Борьба

с информационной бедностью становится одной из глобальных проблем мирового сообщества. Решение этой проблемы видится на пути развития системы образования и его опережающей информатизации. Только это может развить у людей новые информационные потребности, которые и должны послужить стимулом формирования новой информационной культуры общества.

Исследования показывают, что в ближайшие годы будет возрастать значение *лингвистических аспектов информационной культуры личности*, способностей человека получать и передавать информацию на тех языках, на которых представлены глобальные знания, а также осуществляются информационные коммуникации в деловой и повседневной жизни. Поэтому лингвистические аспекты проблемы информационного неравенства, вероятнее всего, будут обостряться и потребуют принятия специальных мер на уровне государственной политики развития отдельных стран и мирового сообщества в целом.

Современная информационная культура общества предполагает достаточно высокий уровень развития его *лингвистической культуры*. Прежде всего, необходимо отметить широкое распространение в мире английского языка, который в последние годы не только становится самым распространенным языком международного общения, но также и *базовым языком глобального информационного общества*.

На английском сегодня представлено 27 % всей мировой книжной продукции, около 90 % научных знаний и более 80 % электронных баз данных. Поэтому без хорошего знания английского языка любой специалист в информационном обществе будет чувствовать себя человеком второго сорта, а ученый или общественно-политический деятель просто не сможет эффективно работать.

По данным ЮНЕСКО, сегодня в мире английским свободно владеют около 750 млн. человек. Для половины из них он является родным языком, а другая половина владеет им как вторым языком. Если прибавить к этому еще 750 млн. человек, которые говорят на английском как на иностранном языке, то общее количество говорящих на английском составит внушительную цифру, порядка

1,5 миллиарда человек. А это уже почти четверть населения нашей планеты.

В ближайшие десятилетия, благодаря развитию процессов глобализации и информатизации общества, тенденция к дальнейшему распространению английского языка, вероятнее всего, сохранится и, возможно, даже будет нарастать. Исходя из этого, можно сделать вывод, что для формирования современной информационной культуры, отвечающей основным тенденциям процессов мирового развития, в российской системе образования необходимо *усилить внимание к изучению английского языка*, и, прежде всего, на уровне общеобразовательной школы.

Это требование является вполне обоснованным и уже сегодня внимательно изучается педагогическим сообществом ряда стран Запада. В Германии, например, проводится педагогический эксперимент по изучению основ английского языка в системе дошкольной подготовки детей младшего возраста. Немецкие педагоги считают, что такая подготовка позволит уменьшить количество учебных часов, которые затрачивают на изучение английского языка студенты университета, и таким образом высвободить им дополнительное время для научно-исследовательской работы. Нам представляется, что над результатами этого эксперимента стоило бы призадуматься и российским руководителям сферы образования.

2. Русский язык как фактор обеспечения национальной и международной безопасности

Одной из актуальных проблем формирования современной информационной культуры общества в России в последние годы становится проблема формирования у ее граждан *хорошего знания русского языка*. Уровень его изучения в общеобразовательной школе за последнее десятилетие значительно снизился и продолжает

падать. Несмотря на беспокойство, которое уже давно проявляют по этому поводу ученые и преподаватели общеобразовательных школ России, количество часов на изучение русского языка и русской литературы в программах российских школ неуклонно снижается.

Вместо этого в программу школьного образования включается большое количество второстепенных предметов, не являющихся необходимыми для формирования фундаментальных основ образования. Кроме того, в ряде национальных республик Российской Федерации изучение языка коренной национальности осуществляется именно за счет сокращения программы изучения русского языка, что и приводит, в конечном итоге, к снижению общего уровня русскоязычной лингвистической культуры населения России.

Все это свидетельствует о том, что в органах законодательной и исполнительной власти нашей страны еще не сложилось четкого понимания *стратегической значимости сохранения высокой лингвистической культуры российского общества*. Но ведь это не только важнейшее условие сохранения его самобытности и традиционной культуры, но также и необходимое условие выполнения тех новых требований, которые выдвигает информационное общество к интеллектуальному развитию личности.

Именно богатство русского языка, его метафоричность и образность стали основой формирования у русскоязычного населения хороших способностей к творческому мышлению, что и явилось одним из факторов успешного развития отечественной науки. В то же время сегодня мы видим, что и в нашей стране, и во многих республиках бывшего СССР уже выросло новое поколение, гораздо хуже владеющее русским языком, чем их родители, и поэтому имеющее существенно худшие

перспективы для получения образования и профессиональной деятельности в научной или же в информационной сфере.

Именно это является еще одним фактором формирования на постсоветском пространстве принципиально новой проблемы развития общества в XXI веке – *проблемы информационного неравенства*. Она была одной из главных при обсуждении перспектив формирования глобального информационного общества на международном саммите, который состоялся в конце 2005 года в Тунисе и проходил под эгидой ООН.

Исследования показывают, что проблема информационного неравенства не является инструментально-технологической и не должна сводиться к проблеме так называемого «цифрового разрыва», суть которого состоит в неравенстве доступа к информационным технологиям. Эта проблема гораздо шире. Она самым тесным образом связана с информационной культурой личности, в том числе – и с ее лингвистическими аспектами.

3. Структура проблемы многоязычия в глобальном информационном обществе

Проблема сохранения и развития многоязычия в новой высокоавтоматизированной среде информационного общества является составной частью более общей проблемы – проблемы *сохранения культурного разнообразия в информационном обществе*. Данную проблему следует рассматривать в следующих четырех аспектах: коммуникативном, когнитивном, личностном и технологическом.

Коммуникативный аспект проблемы состоит в том, чтобы обеспечить более широкие возможности для информационного взаимодействия представителей различных культур с использованием новых информационных и коммуникационных технологий. Такое взаимодействие может

осуществляться как внутри той или иной культуры, так с представителями других культур. Для решения этой проблемы необходимо, чтобы средства и технологии информационного общества обеспечивали возможность представления, поиска, передачи и анализа текстов на различных языках мира, что сегодня реализуется далеко не в полной мере.

Так, например, операционные системы компьютеров в настоящее время во многих странах за пределами России, как правило, не поддерживают кириллицу. Поэтому их пользователи не имеют возможности работать с русскоязычными текстами. Даже электронную почту из-за рубежа приходится отправлять в Россию с применением латиницы. А ведь русский язык – это один из шести международных языков ООН, и поэтому современная ситуация в данной области, которая дискриминирует более 300 млн. русскоязычного населения мирового сообщества, явно является ненормальной и требует радикального и скорейшего изменения.

Справедливости ради, следует отметить, что в последние годы в этой области намечились определенные сдвиги к лучшему. Многие современные модели мобильных телефонов уже поддерживают кириллицу и позволяют их абонентам получать и передавать текстовые сообщения на русском языке даже за пределами России.

Когнитивный аспект проблемы многоязычия в информационном обществе связан с необходимостью представления цифрового контента на различных языках, как в сети Интернет, так и в электронных библиотеках и архивах. Это должно содействовать решению проблемы сохранения коллективной памяти человечества в новом электронном пространстве, а также распространению в нем тех новых знаний и технологий, которые создает развитие научно-технического прогресса.

Сегодня становится все более ясным, что монополии английского языка в глобальном информационном обществе, как это предполагалось ранее, не будет. Хотя он по-прежнему останется наиболее распространенным средством общения в киберпространстве. Многие страны мира создают цифровой контент на своих государственных языках, и в ближайшие годы эта тенденция, вероятнее всего, сохранится. Наглядным примером здесь может служить информационная политика Китая, который планомерно осуществляет формирование цифрового контента на китайском языке. И, если не будут приняты специальные меры, то этот контент будет недоступен для представителей многих других культур, не владеющих китайским языком.

Таким образом, в самом ближайшем будущем возникнет еще одна крупная культурологическая проблема в развитии глобального информационного общества. К сожалению, она еще не привлекла к себе внимания ни политиков, ни ученых.

Лингвистические проблемы технологической безопасности. Еще один важный аспект рассматриваемой проблемы связан с необходимостью обеспечения технологической безопасности сложных энергетических, промышленных и других объектов, аварии на которых могут иметь катастрофические последствия для отдельных стран и даже регионов мира.

Характерными примерами таких объектов являются атомные электростанции, которые в последние годы активно строятся в различных странах Азии и Латинской Америки. Понятно, что уровень сложности и потенциальной опасности таких объектов довольно высок. Поэтому и уровень подготовки обслуживающего эти АЭС персонала должен быть высоким. Однако, по оценкам специалистов, обеспечить такую подготовку могут всего лишь две страны – Россия и США. Но для этого обучающимся

специалистам нужно, прежде всего, хорошо владеть русским или английским языком. Причем, владеть так, чтобы не только получить необходимые базовые и специальные знания, но и чтобы суметь принять правильные решения в критических ситуациях, возможно, с помощью консультаций более опытных специалистов из других стран, создавших данную АЭС.

Последние аварии на японских атомных станциях лишь подтверждают серьезность и глобальное значение этой проблемы.

Многоязычие и проблема устойчивого развития. Важный когнитивный аспект проблемы многоязычия в современном обществе тесно связан также и с проблемой преодоления надвигающегося глобального экологического кризиса и обеспечения дальнейшего устойчивого развития цивилизации. Необходимо принимать во внимание, что, помимо глобальных знаний, накопленных современной наукой, существует также и большое количество «региональных знаний», т. е. того научного и практического жизненного опыта, который тысячелетиями накапливался различными культурами и обеспечивал выживание представителей этих культур в характерной для них среде обитания.

В эпоху новых испытаний, которые уготовила нам история, этот опыт, безусловно, будет востребован, и поэтому его сохранение и передача новым поколениям также является одной из стратегически важных проблем развития цивилизации. А это, в свою очередь, требует, прежде всего, сохранения в новом информационном пространстве и языков различных этнических культур, и тех знаний, которые на этих языках сегодня имеются.

Технологический аспект проблемы многоязычия в информационном обществе заключается, главным образом, в проблеме создания и широкого распространения *технологий автоматизированного пере-*

вода текстов. Сегодня такие технологии существуют в нескольких видах: переводческие сервисы в сети Интернет, отдельные пакеты переводческих программ для индивидуальных пользователей и специализированные компьютеры – переводчики текста и речи. Эти средства быстро входят в состав современной информационной культуры, однако все они обладают общим и весьма существенным недостатком – обеспечиваемое ими качество перевода оставляет желать много лучшего. И это является одной из актуальных и стратегически важных проблем развития информационной культуры в глобальном информационном обществе, которая уже давно привлекает к себе внимание ряда международных организаций.

4. Деятельность ЮНЕСКО в решении проблемы многоязычия в киберпространстве

ЮНЕСКО уделяет большое внимание проблеме многоязычия в глобальном информационном пространстве, считая это необходимым условием обеспечения доступности информации для всех граждан и ее использования в целях развития. Свою политику в этой области ЮНЕСКО осуществляет в рамках межправительственной программы «Информация для всех», которая была принята в 2001 г. на 31-й Генеральной конференции ЮНЕСКО.

В Стратегическом плане этой программы на 2008–2013 гг. выделены следующие приоритеты национальной информационной политики в области знаний:

- Информация в целях развития.
- Информационная грамотность.
- Сохранение информации.
- Информационная этика.
- Доступность информации.

Одна из задач программы заключается в том, чтобы разъяснить правительствам и обществу важность информации в ре-

шении вопросов развития общества. Ценность развития человеческого потенциала и обеспечения доступа к социально значимой информации и знаниям общепризнана, однако необходимы дальнейшие усилия для того, чтобы разъяснить руководителям, принимающим ответственные решения, те преимущества, которые могут дать вложения средств в эти ресурсы. И развитие информационной культуры общества должно сыграть здесь решающую роль.

В настоящее время одним из важных направлений реализации программы «Информация для всех» является долгосрочная программа «Многоязычие в киберпространстве». По своему содержанию эта программа является комплексной, так как она тесно связана с решением задач по другим приоритетным направлениям деятельности ЮНЕСКО. Поэтому в 2003 г. ЮНЕСКО была принята *Рекомендация о развитии и использовании многоязычия и всеобщем доступе к киберпространству*. Она направлена на содействие сохранению многоязычия и достижению сбалансированности между интересами обладателей прав на информацию и интересами общества.

Практическая деятельность в этой области включает содействие разработке и использованию многоязычных средств поиска информации в сети Интернет, а также разработке и использованию средств автоматизированного перевода.

В 2008 г. по инициативе Российского комитета программы «Информация для всех» был подготовлен и опубликован специальный обзор «Переводческие технологии для Европы». В нем проведен подробный анализ ситуации в данной области и показано, что сегодня Европа – это один из самых передовых рынков для переводческих технологий и машинного перевода. Европейская комиссия стремится обеспечить равный доступ к информации для всех граждан Европы.

Эта цель была сформулирована как основное задание в инициативе 2010 года и сохраняет свое значение в Стратегическом плане программы ЮНЕСКО «Информация для всех» на 2008–2013 гг.

По мнению Ж. Марьяни, директора Департамента Министерства научных исследований Франции, для современной Европы, где в 25 странах-членах ЕС говорят более чем на 20 языках, многоязычие крайне важно. Помимо экономического аспекта, который делает многоязычие совершенно необходимым, существуют также политический, культурный и общественный аспекты этой проблемы.

Что же касается доли мировой книжной продукции на других языках мира, то здесь самым распространенным является английский язык (27 %), затем китайский (13 %), немецкий (12 %), французский (8 %) и испанский (7 %). По 5 % книжной продукции занимают японский, русский и португальский языки, а по 4 % – корейский и итальянский.

Однако, по уровню так называемого «мирового влияния» главнейших языков мира ситуация выглядит несколько иначе. По данным экспертных исследований, выполненных двумя независимыми американскими и европейскими компаниями, наибольшим влиянием в мире сегодня обладает английский язык, на котором говорят почти 1,5 миллиарда человек. Хотя родным или вторым языком его признают лишь около 750 млн. человек.

Вторым по значимости является немецкий язык, хотя говорят на нем лишь около 100 млн. человек. Далее следуют французский, японский и испанский и лишь затем – китайский, хотя говорят на нем уже более 1 млрд. человек. На арабском, португальском, малайском и русском говорят сегодня (по разным данным) от 155 до 288 млн. человек.

Приведенные данные показывают, что количество носителей того или ино-

го языка сегодня напрямую не определяет его значимость в мировом сообществе с учетом многих геополитических факторов современного быстро глобализующегося мира. И с этим феноменом объективной реальности необходимо считаться.

5. Новые концепции для решения проблемы обеспечения многоязычия в информационном обществе

Одной из наиболее актуальных задач в решении проблемы обеспечения многоязычия в информационном обществе является задача существенного повышения качества автоматизированного, иначе говоря – человеко-машинного, перевода текстовой информации, которой все более интенсивно обмениваются между собой разноязычные жители нашей планеты.

Современное состояние проблемы машинного перевода. Языковой барьер становится в XXI-м веке главным тормозом на пути дальнейшего развития международного экономического, научного и культурного сотрудничества. Задача эта осознается, над ней интенсивно работают уже много лет, но полученные результаты пока нельзя признать удовлетворительными. Так, например, компания SYSTRAN – лидер европейского рынка в области создания программ и решений для настольных, корпоративных и сетевых систем машинного перевода – работает в этой области более 30 лет. Созданные ею продукты сегодня облегчают информационную коммуникацию на 20 языковых парах в 40 направлениях перевода в 20 областях применения.

Это облегчает многоязычную коммуникацию и повышает производительность труда пользователей, главным образом, в сфере бизнеса. Однако когда возникает необходимость качественного перевода дипломатических документов, научных работ или значимых материалов технологической и другой подобной информации, существующие технологии машинного пе-

ревода оказываются недостаточно эффективными и используются лишь в качестве вспомогательного средства, облегчающего работу человека-переводчика.

В упомянутой выше работе о переводческих технологиях подчеркивается, что для Европейского союза, с его двадцатью официальными языками и еще множеством разговорных языков, быстрый, надежный и дешевый перевод совершенно необходим. Поэтому создание эффективной технологии машинного перевода рассматривается ЕС как стратегическая задача. По имеющимся прогнозам, спрос на эти технологии быстро возрастает и за пределами европейского рынка. Особенно большим он ожидается в Японии, Китае, Корее и Индии.

Технология машинного перевода как семантическая проблема. В исследованиях российских ученых показано, что системы машинного перевода текстов с одних естественных языков на другие по существу *моделируют работу человека-переводчика*. Поэтому их эффективность зависит от того, в какой степени в них учитываются объективные законы функционирования языка и мышления. К сожалению, эти законы пока еще недостаточно изучены.

Иначе говоря, *проблема машинного перевода по своему содержанию является не инструментально-технологической, а семантической проблемой*. Поэтому бытовавшие ранее надежды, что с развитием средств вычислительной техники и компьютерной лингвистики эта проблема будет быстро и успешно решена, практически не оправдались. Она оказалась значительно сложнее, чем представляли ее себе первопроходцы машинного перевода в конце 50-х и начале 60-х годов XX-го века. В работе А. А. Хорошилова приведен следующий вывод из доклада, опубликованного в 1966 г. Консультативным комитетом по автоматической обработке текстовой информации, созданным при Национальной академии наук и Национальном ис-

следовательском комитете США: «Хотя в настоящее время и имеются системы, осуществляющие перевод обычных текстов с использованием машины, реального машинного перевода нет. Более того, *нет никаких оснований считать, что он возникнет в недалеком будущем или вообще в какие-либо реально планируемые сроки*». К сожалению, этот прогноз в значительной степени оправдался.

Необходимо отметить, что еще в самом начале работ по машинному переводу выдающийся российский математик, один из основоположников кибернетики А. А. Ляпунов предлагал решать эту проблему *путем извлечения смысла переводимого текста и его представления на другом языке*.

Итак, несмотря на значительные усилия, предпринимавшиеся научными зарубежными и отечественными коллективами разработчиков систем машинного перевода, а также Международной федерацией IFIP – мировым сообществом ученых в области обработки информации, в полном объеме эта проблема не решена до сих пор. Реальные надежды на ее решение появились лишь в последние годы в России именно на основе семантического подхода к этой проблеме.

Российская концепция построения систем фразеологического машинного перевода. В 2006 г. в Институте проблем информатики РАН была успешно защищена докторская диссертация А. А. Хорошилова, специально посвященная принципиально новому подходу к созданию систем машинного перевода. Идея этого подхода принадлежит профессору Г. Г. Белоногову, который еще в 1975 г. сформулировал *концепцию фразеологического перевода текстов*.

Суть этой концепции состоит в том, что при переводе текстов в качестве основных единиц смысла, в первую очередь, следует рассматривать не отдельные слова,

а фразеологические сочетания, которые выражают понятия, отношения между ними и типовые ситуации. При этом отдельные слова также нужно использовать, но во вторую очередь. Ведь именно понятия и являются теми *элементарными мыслительными образами*, опираясь на которые можно строить более сложные мыслительные образы, соответствующие переводимому тексту.

Принципиальное отличие нового российского подхода к созданию высокоэффективных систем машинного перевода состоит в отказе от концепции *преимущественно пословного* семантико-синтактического перевода и замене ее концепцией *преимущественно фразеологического* семантико-синтактического перевода, которая позволяет получить практическое решение этой стратегически важной проблемы развития информационной культуры мирового сообщества.

Исследования российских ученых показали, что в развитых языках мира количество фразеологических словосочетаний в сотни раз превосходит количество слов, используемых в этих языках. И именно это и составляет ключевую проблему получения качественного машинного перевода.

Современное состояние и перспективы создания промышленной системы машинного перевода на новых концептуальных принципах. В настоящее время в России создана и с 2005 года практически используется *русско-английская* версия системы фразеологического машинного перевода текстов (RETRANS). Она включает политематические (базовые) словари общей лексики (общим объемом более порядка 5 млн. фраз), а также более 140 тематических словарей (общим объемом более 2 млн. фраз).

В 2010 г. начаты работы по созданию *русско-немецкой* версии этой системы и уже созданы политематические словари объемом 700 тыс. фраз.

В дальнейшем планируются работы по созданию *русско-французской* и *русско-испанской* версий этой системы. Планируется также создание и двух трехязычных (русско-англо-немецких) версий системы для индивидуального и корпоративного использования (MetaFraz Personal ML-3, MetaFraz Corporate ML-3).

Необходимо отметить, что российская концепция фразеологического перевода принципиально позволяет осуществлять автоматизированный перевод текстов, представленных на любых языках. Однако необходимо учесть, что многоязычная система на этих принципах *создается впервые и не имеет аналогов в мире*. Кроме того, обсуждается также возможность создания версий этой системы для некоторых восточных языков. Как известно, перевод с многих восточных языков не обеспечивает даже широко распространенная система трансляции Google, которая осуществляет сегодня перевод с 58 различных языков мира.

Известно также, что попытки японских ученых создать многоязычную систему автоматизированного перевода на базе *искусственного промежуточного языка* оказались безуспешными. Российская концепция построения такой системы тоже использует промежуточный язык, но им является *естественный русский язык*, который, как и некоторые другие языки промышленно развитых стран мира, имеет богатую понятийную систему и широкие коммуникативные возможности.

Кроме того, на русском языке сегодня представлено большое количество социально значимой информации в области науки, техники, технологий, образования и культуры. Русский язык также исторически является средством общения народов стран СНГ. Этот язык уже есть, его не нужно создавать заново, и его знают около 300 млн. человек в современном мире.

Как отмечено выше, принципиальное отличие российской концепции машинного перевода заключается в том, что в ней используется принцип не пословного, а фразеологического перевода, который позволяет получить более высокое качество перевода, так как семантика текста в значительной степени определяется не словами, а их сочетаниями, т. е. контекстом, минимальным фрагментом которого является фраза. При этом переводятся не столько значения слов и их последовательностей, сколько мыслительные образы, порождаемые в сознании переводчика под их воздействием.

Еще одно важное преимущество российской концепции построения системы машинного перевода состоит в том, что в ней используется *иерархическая структура словарей*: политематические (базовые) словари общей лексики, тематические (отраслевые) словари, а также настраиваемые пользовательские словари (индивидуальные и коллективные). Это создает дополнительные возможности для повышения *качества перевода* текстов в определенной области знаний, а также — для учета индивидуальных информационных потребностей пользователей. Однако, для использования этих возможностей необходимо на этапе разработки тематических словарей привлечение *квалифицированных экспертов*, а также организация определенного консалтинга пользователей. Кроме того, при формировании тематических словарей могут возникнуть достаточно сложные *проблемы терминологического характера*, связанные с отсутствием в восточных языках необходимых аналогов некоторых научных и технических терминов.

Тем не менее имеющийся сегодня в России научный и технологический задел программного обеспечения, словарной базы и опыта практического использования созданной системы машинного перевода в целом ряде различных организаций

позволяет утверждать, что *основное ядро многоязычной системы автоматизированного перевода текстов* для стран ЕЭС может быть создано и введено в эксплуатацию в период 2012–2016 годов.

Иначе говоря, при условии выделения необходимых финансовых средств, за 5–10 лет может быть создана принципиально новая перспективная многоязыч-

ная система перевода текстов, не имеющая аналогов в мире.

Создание этой системы может стать крупным международным гуманитарным проектом, заслуживающим внимания и поддержки со стороны не только правительств отдельных стран, но также и межправительственных организаций, таких как ЕЭС и ЮНЕСКО.

Литература

1. Белоногов Г. Г. Теоретические проблемы информатики. – Т. 2: Семантические проблемы информатики. – М.: КОС*ИНФ, 2008.
2. Колин К. К. Русский язык и актуальные проблемы национальной безопасности России и стран Евразии // *Alma mater* (Вестник высшей школы). – 2007. – № 7. – С. 3–12.
3. Переводческие технологии для Европы. – М.: МЦБС, 2008. – 64 с.
4. Стратегический план Программы ЮНЕСКО «Информация для всех» (2008–2013 гг.). – М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2009. – 48 с.
5. Хорошилов А. А. Теоретические основы и методы построения систем фразеологического машинного перевода: автореф. дис. ... д-ра тех. наук. – М., 2006. – 51 с.

УДК 81

Суй Жань

ВОПРОСЫ ЛИНГВОСЕМАНТИКИ И ФОРМАЛИЗАЦИИ РЕЧЕВОГО МЫШЛЕНИЯ

Исследование человеческого мышления посредством формализации естественного языка затрагивает вопросы структуры вычислительной способности интеллектуальной деятельности человека. В таком случае значение естественного языка в ранге центрального концепта лингвистики должно быть всесторонне описано не только субъективным образом, но и объективным, со всей строгостью научности.

Ключевые слова: естественный язык; логический язык; речевое мышление; формальная семантика.

Sui Zhan

SOME ISSUES OF LINGUISTIC SEMANTICS AND SPEECH THINKING FORMALIZATION

Researching human thinking by means of natural language formalization covers the issues of the calculating ability structure of human intellectual activity. In this case the natural language significance in the range of linguistics central concept must be thoroughly described not only in a subjective, but in an objective way, too, with all scientific exactness.

Keywords: natural language; logic language; speech thinking; formal semantics.

1. Введение

Язык – это структурная система знаний (информации), основанная на общей биологии и психологии человека, что определяет методологию лингвистического исследования языковых знаков. В системе этих знаков модель дедукции теснейшим образом связана со значением языка, служащим в обычном понимании инструментом для передачи информации. Отсюда и вопрос функции языка, отражаемой структурой и формой языка и в свете которой язык может быть понят надлежащим образом. Поскольку изучение значения языка до сих пор остается не совсем разрешенным вопросом, оно все же мешает лингвистике стать полноценной «строгой наукой» за исключением высокой степени строгости языковых звуков и форм. Почти во всех естественных языках мира для обозначения содержания языковых выражений существует не один, а два концепта «значение» и «смысл», соответствующие двум ипостасям сущности, которая нерасчлененно обозначается как «содержание» языкового выражения или «информация», передаваемая этим выражением [1, с. 303]. В этом контексте лингвисты сталкиваются с традиционным вопросом в философии – язык и мышление человека.

2. Логический язык и формализация естественного языка

Если возвести значение языка в ранг центрального концепта лингвистики, то необходимо всесторонне его описать, не субъективным образом, а объективным, со всей строгостью научности. Эта работа давно началась и развернулась в настоящее время, но она настолько сложная, что требует серьезных исследований и огромных усилий. При этом методология занимает чрезвычайно важное место.

Еще в XVII–XVIII вв. Лейбниц (G. W. Leibniz) уже сомневался в атрибуте

естественного языка, от которого не выходят совершенно ясная концепция, точное предвычисление и теоретизирование для философии в связи с его национальностью, региональностью, неточностью и иррегулярностью. Немецкий философ выступил за замену естественного языка логическим в философском контексте. Хотя эта его идея не полностью осуществилась, но она показала интеллектуальное познание естественного языка человеком. Различие между логическими структурами человеческого мозга и компьютера, носителями которых являются языковые формы, заключается именно в существенном различии между естественным языком и искусственным языком. Хотя эти два языка в общем имеют при себе ту или иную логическую структуру, но для последнего характерна точная логическая структура. Таким образом, средством коммуникации между человеческим мозгом и компьютером может служить только логический язык, а не естественный. Компьютер принимает только высокоформализованный язык за исключением коренного изменения концепции компьютерного проектирования.

То, что человеческое мышление рассматривается как процесс вычисления, является гипотезой, выдвинутой современной психологией. Когнитивная наука считает логической операцией знаний человеческое познание, т. е. человеческое мышление – это и есть компьютерация. Для языкового или речевого понимания нужны не только такие лингвистические знания, как синтаксические, семантические и т. д., но и другие необходимые знания человеческого мира. Если эти знания будут формализованы в виде системы знакового выражения, т. е. ограниченной и согласованной совокупности пропозиций, тогда в качестве когнитивного процесса естественной и рациональной экстенсив-

ности когнитивного исследования языка выступает компьютерный анализ языка. Итак, логически формализованное и компьютерное выражение правил естественного языка становится очередным шагом для исследования понимания и познания естественного языка, характерного для компьютерации. При этом когнитивная наука, в центре внимания которой находится мыслительное выражение и его компьютерация, стремится к материальному воплощению человеческого интеллекта, что в конце концов приведет лингвистику к сфере естественных наук.

В последние 50 лет исследование формализации естественного языка получило важное развитие, концепция и методология научной лингвистики постепенно формируются, полученные результаты уже признаны и приняты компьютерной наукой, что становится фундаментальной теорией логической лингвистики для компьютерации.

Исследование формализации естественного языка затрагивает вопрос структуры вычислительной способности интеллектуальной деятельности человека. В процессе глубокого исследования понимания и познания естественного языка, характерного для компьютерации, проблема, стоящая перед человеком, переходит от «мыслит ли компьютер» к «вычисляет ли человеческий мозг». Если же суть человеческого мозга заключается в компьютерации, что идентифицировано в смысле научной методологии, то вопрос понимания и познания естественного языка, связанный с памятью, восприятием, ощущением, сознанием, понятием человека, стал бы предметом исследования компьютерного программирования, и с помощью информационной обработки рекурсивности, комбинации, категоризации и т. д. является мыслительный процесс. Техника компьютерности естественного языка прилагает усилие к созданию выполняемого программирования взамен обычной ин-

терпретации обыденной речи. Так что это и есть техника логической формализации естественного языка.

Для формального анализа естественного языка требуется дальнейшее теоретическое прослеживание. Формализация, подобная компьютерации, зависит от априорного языка, т. е. глубокой формулировки принципов, систематизации, непрестанного выдвижения новых концептов и категорий и т. д. Цель формализации или компьютерации заключается в строгости и точности описания естественного языка логическим языком и усовершенствовании этого процесса. Современное компьютерное программирование включает в себя обычно два фактора – машинное эмулирование и эмулирование соображения, при этом первый фактор, представляющий собой технику формализации, пока намного превышает второй. Любой компьютерный анализ естественного языка в основном зависит от логического выражения этого анализа. В настоящее время высокоформализованное описание естественного языка крайне необходимо для машинного эмулирования компьютерного программирования.

То, станет ли предстоящая компьютерная запрограммированность подходящей моделью эмулирования соображения человека, остается сомнением. Эмулирование соображения отличается от машинного, их различие очень похоже на различие между формальным оперированием и смысловым оперированием в естественном языке. Машинное эмулирование имеет формальный характер, а эмулирование соображения – квазисемантический. Эти два типа эмулирования обычно смешанно сосуществуют в компьютерном программировании, но эмулирование соображения все еще очень слабое. Нынче компьютер, в большинстве случаев основанный на машинном эмулировании, посредством логического языка ведет диалог с естественным языком человека, что рассматривается как компьютер-

ное понимание и познание естественного языка человека в некоторой степени. К сожалению, на этом далеко не уедешь. Современные логики разграничили особенности и свойства синтаксиса и семантики в логических отношениях, но для концепции логической формализации пока имеющийся логический язык (метаязык или искусственный язык), обозначающий синтаксические и семантические особенности и свойства естественного языка, изолирован от чувственного сознания, игнорирует или исключает интенциональное значение, условие истинности, эквивалентность в двуязычном переводе и тому подобное сложное интуитивное интеллектуальное оперирование человека, в результате чего многие факторы естественного языка, такие как пресуппозиционные знания, неконвенциональные предположения и т. д., не могут включиться в компьютерное программирование, что в большой степени ограничивает компьютерное понимание и познание естественного языка.

3. Формальная семантика и «формализованная семантика»

Одна из главных задач лингвистического исследования – это выделить общее для всех естественных языков ядро и построить на этой основе «естественный семантический язык». А «общее ядро всех языков может рассматриваться как множество изоморфных мини-языков, которые могут быть использованы как лингвоспецифичные версии одного и того же универсального Естественного Семантического Метаязыка (ЕСМ)» [2, с. 29]. Однако «за время, прошедшее с начала зарождения теории ЕСМ в середине 60-х годов, ее основные допущения и цели остались неизменными: поиски универсальных семантических элементов, отказ от искусственных «признаков» и «маркеров», неприятие логических систем репрезентации значения» [2, с. 39].

При этом остается и сомнение: без логических систем репрезентации значения языка может ли быть научная лингвистическая семантика или когнитивная семантика, особенно характерная для восприятия компьютера – скажем, «второго мозга человека» (а не экстенсивности этого мозга!)? Традиционное базисное рассмотрение проблемы «язык и мышление» предполагает, прежде всего, выяснение его различных основных и вспомогательных функций в получении и выражении знания. В этом случае на первый план выходят вопросы терминов когнитивной теории, отношения чувственного опыта к эмпирическим понятиям, выявления способов и предназначений в употреблении языка, в частности, для передачи информации (коммуникации), эмоций, выражения не только индивидуального, но и общего знания, социальных функций – ведения дел с внешним миром посредством знаков, наконец, осуществления самого мышления. Всякое человеческое мышление отталкивается от опыта и возвращается к нему. Это справедливо даже относительно математики, хотя и в особом смысле. Вопрос в том только, с какого рода опытом человек сталкивается в науке или других видах деятельности. Что касается лингвистики, то свойственный ей опыт носит на первый взгляд парадоксальный характер – это «опыт мышления». В когнитивной теории принято различать мышление и опыт, идею и факт. Лингвистика, как всем известно, есть «мышление о форме мышления», или «мышление второго порядка». Так что в лингвистике данные опыта уже есть мысли. С точки зрения всецелостной относительности факт – это мысль, вырванная из контекста ее возникновения, т. е. обоснования, и представленная в виде обособленной единичности, наподобие обычной вещи, с которой человек сталкивается на каждом шагу в обыденной

жизни. Отвещественная идея и есть факт. В лингвистике существует различие между опытом и мышлением, фактами и объясняющей теорией, но это различие заключается в стихии самого мышления, внутри мышления и для него действует. Факт — это всего лишь законченная мысль, как бы затвердевшая в виде определенной сентенции, т. е. это всегда прошлая мысль, мысль, изреченная и потерявшая способность самодвижения.

Следовательно, в естественной науке мысль движется от незнания к знанию, и новое знание добавляется к прежнему, а в лингвистической науке задача заключается в том, чтобы развить, углубить, расширить и систематизировать знание уже имеющееся, но пребывающее в самом жалком виде спутанных и разношерстных, смутно понимаемых и дурно сформулированных мыслей или фактов. Отсюда и полная относительность различия между опытом и теорией, фактической данностью и интеллектуальной конструкцией, призванной прояснить и упорядочить опыт. Конечно, и немудрено, что теория сама становится опытом, как только получает относительное завершение и превращается в исходный материал для новых усилий лингвистической мысли. Лингвистика формулирует парадигму языкового развития, не выдумывая из себя, но, отыскивая и анализируя уже сложившиеся, готовые формы высшего и низшего, устанавливая между ними связь, которая, как правило, скрыта от глаз самого субъекта речевой деятельности.

Итак, элементы «научности» и «теоретичности» лингвистики часто выступают, по существу, в функции собственно научного лингвистического, исторического знания, но со своими правилами и типом языковых игр и способами легитимации, отличными от естественных наук. Это должно найти свое выражение в кри-

териях оценки «научности» и признании ее различных типов. Однако, это вовсе не означает, «что филология, история, историография культуры и другие близкие к ним науки не могут развиваться под сенью идеалов «научности» и объективности естественно-научного и тем более формализованного знания» [3, с. 499]. Очевидно, что подобное мнение или определение пока господствует в сфере почти всех гуманитарных наук, для которых характерна традиционная субъективность, как в прошлом, так и в настоящее время, и, кажется, в обозримом будущем. Но человеком еще не совсем забыто, какая была субъективность в естественных науках в не так далеком прошлом.

В течение нескольких последних десятилетий желание лингвистов основать лингвистику как науку становится все сильнее. Такое желание было у американского лингвиста Блумфилда (L. Bloomfield), которого затруднила проблема «значение не может изучаться с той же степенью строгости, как языковые звуки и формы», в результате чего создавалась так называемая «лингвистика без значения», т. е. значение лежит вне сферы научного исследования и определение разных значений является уязвимым звеном в науке о языке.

Лингвистику из такого положения вывела когнитивная наука, благодаря которой традиционная проблема мышления и значения вновь стала центральным предметом интереса философии вообще и лингвистики в частности. Она, наконец, вошла в ранг центрального концепта психологии. С появлением генеративной грамматики Хомского (N. Chomsky) лингвистический подход, связанный с формальными системами, обратил на себя небывалое внимание ученых во многих научных сферах. Эта грамматика впервые по-серьезному заговорила о процессе порождения речи и его механизмах. В структуре языка она особо выделила роль грамматического

строю или, точнее, синтаксиса, разгадав в нем особого рода автоматическое устройство, способное порождать предложения из лексических единиц. То, что генеративная грамматика отделяет синтаксис от семантики и языковую способность от внешних когнитивных способностей, это, конечно, ее естественная погрешность, но не столько страшная, так как она с небывалой силой побудила лингвистический круг к заполнению семантической пустоты, образованной так называемым «синтаксическим фундаментализмом хомскианской грамматики».

Безусловно, семантическая пустота не была заполнена и так называемой «формальной семантикой» или «теоретико-модельной семантикой». Такая семантика стремится переводить определенные типы предложений в форму логического исчисления и интересуется логическими свойствами предложений, что четко показано в «грамматике Монтегю» (Montague grammar). Несомненно и то, что без изучения значения языка невозможно исследование мышления человека, а без исследования концептуальных структур мышления человека также невозможно и изучение значения языка. Но вопрос формализации все равно приводит к вопросу научности, что является большой заслугой в лингвистической науке.

Теперь актуальной задачей лингвистического исследования является то, что акцент стал бы перемещаться от «формальной семантики» к «формализованной семантике». Это, конечно, довольно сложная задача. «Формальная семантика» и «формализованная семантика» – это глубоко различные вещи. Ключевым фактором, участвующим в названном сдвиге, является введение компьютеризации как господствующей метафоры и компьютеризованности как необходимого свойства современной теоретической модели. Обработка информации компьютеризации связана со значением

языка в самом широком смысле. В «формализованной семантике», сопровождаемой динамическим развитием функциональной лингвистики, когнитивной лингвистики, прагматики и т. д., необходимо и неизбежно разрешение вопроса формализации естественного языка и его значения, основанных на чистой логике, без вмешательства чего бы то ни было столь же путаного, как двусмысленность и интенциональность в речевом общении человека, т. е. разрешение вопроса формализации речевого мышления человека. Это кажется невыполнимой задачей, но в лингвистической науке стремление и приближение к этой цели должно быть допущено и в определенной степени возможно.

Следует особо заметить, чтобы приспособить логический язык ко всестороннему описанию и выражению значения естественного языка, понадобится многовековая работа грамматиков и логиков, после чего он превращается в «символизм», допускающий автоматическое манипулирование своими элементами, но именно потому, что эти элементы – функции, заранее созданные для такой цели.

4. Заключение

С точки зрения метафоры лингвистического исследования постмодернизма и самой системы фактов в естественном языке можно прийти к выводу, что интенциональность – главная часть человеческой сущности, что объясняется формой и средством приобретения значения человеком в нравственной и материальной жизни. А человек и открытость его речевого акта, а также финальность его интенциональности обнаруживают свою антиномию, они во многих аспектах – сознательном и биотическом – оказывают сложное взаимодействие и вызывают транзицию. В ситуации этой транзиции при исследовании речевой деятельности человека коммуникативность и интенциональность более экспли-

цитны по сравнению с другими системами. Дуализм «замкнутость языковой системы и открытость речевой системы» неизбежно приведет к переосмыслению средства определения речевой деятельности человека и способствует инверсии формы познания дуализма, от чего выходит новая платформа, на которой замкнутость языка и открытость речи взаимозависимы друг от друга. Основная речевая деятельность, память, чувство и сознание человека соблюдают так называемую «одноблочную картинную последовательность». С одной стороны, человеческий мозг – «хаотический», но, с другой стороны, он – совершенно точный и представляющий собой весьма сложную модель. Эти две стороны не могут заменить одна другую и не могут

друг друга упростить, а взаимно дополняют, находятся в одном единстве. Для формализованного исследования естественного языка, соответствующего сложной структуре и модели человеческого мозга, необходимо учитывать факторы градации шкалы, функциональности единства и взаимодополнения, а также определенного моделирования и т. д. Все это не позволяет лингвистам рассматривать естественный язык человека только в смысле орудия или инструмента для передачи информации. Исследование формализации естественного языка человека – значит исследование формы жизненного уклада и формы мышления человека, что никак не должно выпасть из поля зрения серьезных лингвистов.

Литература

1. Кобозева И. М. Две ипостаси содержания речи: значение и смысл. Язык о языке: сб. статей / под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. – М.: Языки русской культуры, 2000.
2. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. А. Д. Шмелева; под ред. Т. В. Булыгиной. – М.: Языки русской культуры, 1999.
3. Микешина Л. А. Философия познания. – М.: Прогресс-Традиция, 2002.
4. Блинов А. Л. Формальная онтология действий. Логический анализ языка. Модели действия / Ин-т языкознания РАН. – М.: Наука, 1992.
5. Звегинцев В. А. Мысли о лингвистике. – М.: Изд-во МГУ, 1996.
6. Иванов Н. В. Проблемные аспекты языкового символизма (опыт теоретического рассмотрения). – Минск: Пропилеи, 2002.
7. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. – 2-е изд., стереотипное. – М.: Эдиториал УРСС, 2002.
8. Киссель М. А. Метафизика в век науки. – СПб.: Искусство-СПБ, 2002.
9. Потапова Р. К. Речь: коммуникация, информация, кибернетика. – 2-е изд., доп. – М.: Эдиториал УРСС, 2001.
10. Кронгауз М. А. Семантика. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001.
11. Мельчук И. А. Русский язык в модели «Смысл-Текст». – Москва-Вена: Школа «Языки русской культуры»: Венский славистический альманах, 1995.
12. Carnap R. The Nature and Application of Inductive Logic: University of Chicago Press, 1951.
13. Mayr E. Toward a New Philosophy of Biology: Observations of An Evolutionist. – Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press, 1988.
14. Pattee H. (Ed.). Hierarchy Theory. – New York: George Braziller, 1973.
15. Salmon W. Scientific Explanation and the Causal Structure of the World: Princeton University Press, 1984.
16. Shaper D. Scientific Theories and Their Domains. – 2nd Ed.: University of Illionis Press, 1977.

УДК 81

А. А. Бочкарев

ПРОБЛЕМА МИНИМУМА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КИТАЙСКИМ СТУДЕНТАМ

В настоящей статье ставится проблема необходимости отбора минимума лингвистических знаний и внедрения данной суммы знаний в практику преподавания русского языка в аудитории китайских учащихся. Противоречие между невозможностью передать учащимся всю систему знаний по различным аспектам теории языка и необходимостью обучить учащихся основным закономерностям функционирования языковой системы определяет актуальность разработки данной проблематики. В работе также предлагается модель комплекса лингвистических знаний для китайских студентов-русистов.

Ключевые слова: методика преподавания иностранных языков, лингвистические знания, содержание обучения, методы обучения, этапы обучения.

A. A. Bochkarev

PROBLEM OF LINGUISTIC KNOWLEDGE MINIMUM IN THE PROCESS OF TEACHING RUSSIAN TO CHINESE STUDENTS

This article brings up the question of the need to select a minimum of linguistic knowledge and introducing this amount of knowledge into the process of teaching Russian to Chinese students. There is a contradiction between the impossibility to convey the whole system of knowledge in different aspects of the theory of language and the need to teach the students the main rules of the language system functioning, which makes this question topical. The article also presents a model of linguistic knowledge complex for Chinese learners of Russian.

Keywords: methods of teaching foreign languages, linguistic knowledge, content of teaching, methods of teaching, stages of learning.

1. К постановке проблемы

На современном этапе своего развития методика преподавания иностранных языков переживает период всеобъемлющего увлечения коммуникативным, психолингвистическими и лингвокультурным подходами. Подавляющее большинство исследовательских работ подчеркивает необходимость активизировать речевую деятельность учащихся, формировать коммуникативную компетенцию, вводить их в контекст иноязычной культуры, формировать вторичную языковую личность и т. п. Не отрицая несомненной правиль-

ности в постулировании важности всех современных подходов к обучению иностранного языка, мы с сожалением хотели бы отметить, что чрезмерное увлечение концептуальными методическими новациями привело к значительному снижению исследовательского интереса к собственно лингвистическим вопросам в методическом контексте. Между тем в процессе преподавания иностранного языка в русле любого методического подхода невозможно обойтись без передачи учащимся знаний о базовых категориях лексики, грамматики и прочих уровней языковой системы.

Данная точка зрения возникла еще на заре появления методики преподавания иностранных языков как науки. Так, один из классиков методической науки Е. М. Рыт еще в 1930 году писал о сущности методики обучения ИЯ как практического приложения выводов лингвистики [1]. В ходе развития науки произошла значительная трансформация исследовательских интересов; в последние 20 лет лингвистические аспекты преподавания иностранных языков устойчиво находились на научной периферии. Тем не менее в последние годы происходит своеобразное возрождение данного исследовательского направления, в том числе и со стороны ученых, которые являются сторонниками современных методических концепций. В своей работе «Язык и межкультурная коммуникация» С. Г. Тер-Минасова утверждает: «Обучение языку как реальному и полноценному средству общения возможно лишь на фундаментальной теоретической базе. Для создания такой базы необходимо приложить результаты теоретических трудов по филологии к практике преподавания иностранных языков» [2, с. 26]. Следовательно, реальная практика преподавания иностранного языка невозможна без внедрения в процесс обучения в том или ином виде той или иной суммы лингвистических знаний. Определение объема данной суммы лингвистических знаний и методических аспектов ее включения в процесс обучения, на наш взгляд, являются принципиальными проблемами, которые стоят перед методикой преподавания иностранных языков сегодня. К сожалению, несмотря на тщательные разыскания, нам не удалось обнаружить сколько-нибудь фундаментальных работ, рассматривающих данные вопросы, среди методических исследований последних лет. В свете доминирования в методической науке «компетентностного подхода», объявленного наиболее соответствующим целям и задачам образования в эпоху модернизации [3], [4], проблема-

тика, поднимаемая в настоящей статье, отнюдь не занимает центральных позиций. Более того, некоторые современные исследователи доходят до объявления языковых знаний вообще помехой изучению иностранного языка: «компетентностный подход в языковом образовании развивается как альтернатива знаний, умений и навыков, ограничивающих цели обучения и воспитания узким предметным образованием и недостаточно учитывающих сущность компетентности современного человека в условиях конкуренции свободного рынка» [5, с. 31]. К сожалению, ни одна из многочисленных работ в русле «компетентностного подхода», тщательно исследующих трудноуловимые и весьма абстрактные понятия «компетенции» и «компетентности», не дает ответа на насущные вопросы, которые поднимает реальная практика преподавания иностранных языков. Одним из наиболее принципиальных вопросов является проблема методического обеспечения изучения иностранного языка в наиболее неблагоприятных образовательных условиях: при отсутствии всяких предварительных филологических знаний, в условиях полного несоответствия языковых систем изучаемого и родного языков, при недостаточном количестве учебных часов и недостаточном обеспечении учебно-методическими пособиями.

Следует отметить, что в методической науке существует понятие «стандарта языковых знаний», который, как правило, закрепляется в образовательной программе. Подробно перечисляя все комплексы языковых знаний, определяя уровень их освоения в зависимости от этапа обучения, стандарт языковых знаний выполняет важнейшую организующую роль в процессе преподавания иностранного языка (к сожалению, необходимо констатировать снижение исследовательского интереса и к содержанию стандартов языковых знаний; впрочем, это несколько иной

сюжет). Тем не менее стандарт языковых знаний описывает совокупности языковых частных; он не включает в себя требований к уровню понимания языковых закономерностей, не затрагивает проблему навыка решения лингвистических задач, нередко встающих перед учащимися в процессе аудиторной или самостоятельной работы.

Мы полагаем, что важным шагом к решению указанной проблемы может и должно стать определение границ минимально необходимой учащимся (в зависимости от условий обучения) суммы лингвистических знаний. Под данными знаниями мы подразумеваем освоенные учащимися закономерности лексикологии (в различных ее аспектах, особенно в аспектах семантики и словообразования), теоретической грамматики и синтаксиса, теоретической фонетики, функциональной и текстовой стилистики. Несмотря на универсальный характер этих закономерностей, мы полагаем принципиально важным рассматривать их именно на примере системы русского языка. Мы обозначим данный комплекс знаний как «*минимум лингвистических знаний*». Отметим, что применяемое нами понятие «минимума» используется в его исконном смысле; речь идет об отборе лишь самых необходимых теоретических построений, овладение которыми даст значительный эффект, как в аудиторной коммуникативной практике учащегося, так и в его самостоятельной работе.

2. Проблема минимума лингвистических знаний в контексте преподавания русского языка в КНР

Мы рассмотрим интересующую нас проблему на реалиях преподавания русского языка в системе китайского высшего профессионального образования. Студенты, поступающие на факультеты русского языка китайских вузов (срок обучения 4 года), никакой предварительной языковой подготовки не имеют. Более того, не-

малая часть студентов обучалась в высшей средней школе по программе естественнонаучного профиля, следовательно, на момент начала получения высшего филологического образования не имеет даже самых базовых представлений о системе языка. Значит, в большинстве случаев для учащихся затруднительно даже решение простейших лингвистических вопросов, в частности, определение принадлежности к той или иной части речи или разделение слова на слоги. Возникающие затруднения тормозят процесс освоения иностранного языка, потому существуют различные попытки их преодоления. К сожалению, данные попытки не всегда приносят желаемый эффект. Так, курс «Теория языка», читаемый в первом семестре студентам на родном языке, основывается на языковой системе китайского языка и является по сути своей лишенным всякой связи с изучаемым иностранным языком. Курс «Введение в языкознание», читаемый в пятом семестре студентам, проходящим стажировку в российских вузах, оказывается малопродуктивным, так как перенасыщен терминами и предполагает уверенное владение лингвистическими знаниями на материале русского языка в рамках средней школы. Таким образом, единственным каналом знакомства с теоретическими сведениями о системе русского языка оказываются практические предметы: основной курс, грамматика, фонетика. Тем не менее объективные трудности, которые встают на пути интеграции теоретических лингвистических знаний в практические курсы приводят к тому, что учащиеся оказываются лишенными возможности сформировать сколько-нибудь устойчивую систему знаний о структуре и уровнях русского языка и, в этой связи, вынуждены тратить значительное время и энергию на механическое заучивание огромного количества языковых явлений, воспринимаемых как бессвязные частные случаи.

Как нам представляется, одним из возможных путей преодоления сложившегося противоречия может стать методическая система, основанная на постепенном внедрении минимума лингвистических знаний в процесс практического освоения языка. В настоящей статье мы выдвигаем ряд конкретных предложений в плане разработке данной методической системы, как в отношении ее содержания, так и в отношении механизмов ее реализации.

3. Минимум лингвистических знаний на различных уровнях языковой системы в зависимости от этапа обучения языку

Мы полагаем очевидным тезис о том, что работа по освоению минимума лингвистических знаний будет проводиться в строгой зависимости от этапа обучения языку. На начальном этапе обучения вводится сравнительно небольшая по объему сумма знаний; тем не менее необходимо обеспечить максимально возможный уровень ее усвоения, так как на данном этапе лингвистические знания являются необходимым условием для эффективного изучения иностранного языка.

Как известно, на начальном этапе закладывается артикуляционно-интонационная база изучаемого языка, значит, необходимые сведения по теоретической фонетики следует вводить как можно раньше. Надо сказать, что студенты получают некоторую сумму знаний в данном отношении, изучая теорию интонационных комплексов, явления редукции и ассимиляции на основе частных случаев.

1. Понятие о логическом ударении и изменении в связи с ним интонационного строя фразы.

2. Понятие о фонетическом слове, проклитиках и энклитиках.

3. Понятие о фонетической синтагме и паузе в связи с синтагматическим членением предложения.

4. Понятие о процессе редукции как языковой закономерности (включая количественный аспект редукции в предударных и заударных слогах).

5. Понятие о процессе ассимиляции как языковой закономерности.

6. Понятие об активных и пассивных органах артикуляции (в отношении отдельных артикуляционных комплексов).

Данные пять мини-комплексов лингвистической теории отобраны нами в соответствии с наиболее насущными потребностями студента в плане самостоятельной работы, особенно в плане актуализации речевых умений. Первые три из перечисленных понятий необходимы для правильного фонетического оформления любого связного текста на русском языке; следующие три мини-комплекса необходимы для предотвращения фонетических ошибок, возникающих во множестве в связи с иным фонетическим строем китайского языка. Последний из перечисленных пунктов вызывает некоторые споры в среде преподавателей-практиков, где встречается мнение о бесполезности данной суммы знаний в связи с тем, что основная работа по формированию артикуляционных навыков должна проводиться в имитативном ключе; вопрос о сравнительной эффективности того или иного подхода должен стать темой отдельного исследования. Следует отметить, что в отличие от формирования артикуляционных навыков формирование языковых знаний не требует столь же существенных временных и методических затрат, но приносит вполне ощутимые результаты в плане фонетической правильности порождаемой речи.

Лексикологические знания вводятся в практику обучения иностранному языку постепенно в ходе всего срока обучения. Как нам представляется, введение части элементов минимума лексикологических знаний на начальном этапе целесообразно в связи с активным процессом расшире-

ния словарного запаса учащегося; особую актуальность приобретают знания по словообразованию, которым следует уделить наибольшее внимание. На продвинутом этапе обучения дополнительные знания в сфере семантики помогут учащимся лучше понять парадигматические отношения в словарном составе русского языка, что создаст предпосылки для непрерывного расширения собственного словарного запаса на основе уже имеющихся знаний.

Итак, на начальном этапе обучения в необходимый минимум лингвистических знаний на уровне лексики входят следующие элементы:

1. Понятие о лексической и грамматической валентности лексической единицы (включая практические навыки определения лексической валентности слова по словарям).

2. Сведения о лексическом значении морфем (префиксов и аффиксов).

3. Сведения об основных продуктивных словообразовательных моделях русского языка (аффиксации и сложении основ).

4. Базовые понятия лексической стилистики.

5. Базовые понятия фразеологии (в первую очередь, понятие о неделимости и неизменяемости устойчивых выражений).

6. Понятие о синонимии (в отношении стилистических синонимов, а также синонимов, отличающихся степенью интенсивности).

7. Понятие об антонимии.

8. Понятие о тематическом членении словарного состава языка.

Отметим, что представления учащихся о лексикографии должны формироваться исключительно в прикладном аспекте.

На продвинутом этапе обучения наиболее целесообразно введение следующих комплексов лингвистических знаний:

1. Более обширное представление о синонимических рядах, понятие доми-

нанты синонимического ряда и идеографических синонимов.

2. Базовые понятия этимологии лексики русского языка. Понятие о стилистическом расслоении заимствованной и исконной лексики.

3. Более обширные знания в области словообразования. Понятие о словообразовательных моделях конверсии (соответствующих морфологическим изменениям, характерных для русского языка) и сокращения.

4. Понятие о лексике ограниченного употребления (стилистически сниженной, жаргонной, устаревшей).

5. Понятие об эмоционально-оценочных коннотациях.

Лингвистические знания на уровне грамматики занимают в отношении рассматриваемой нами проблематики особое место: студенты достаточно подробно осваивают грамматические языковые знания, однако данное освоение зачастую происходит на уровне механического запоминания. Распространению уже известного студенту грамматического правила на аналогичный случай часто мешает недостаточное понимание сущности грамматической системы языка и языковых категорий. Введение основных лингвистических знаний должно проводиться уже на начальном этапе обучения параллельно изучаемому курсу практической грамматики в зависимости от практических затруднений, с которыми встречается преподаватель. Нам хотелось бы остановиться на перечислении ряда грамматических явлений, которые, в силу кардинальных различий грамматических систем русского и китайского языков, должны занять в минимуме лингвистических знаний приоритетные позиции.

1. Понятие о грамматическом значении вида глагола.

2. Категория исчисляемости имени существительного и связанная с ней категория числа.

3. Понятие о модели сравнения имен существительного и прилагательного.

4. Феномен согласования времен главного и придаточного предложение.

5. Категории рода и числа имен существительных и прилагательных.

Особое место в минимуме грамматических знаний занимает изучение частей речи русского языка и их формальных признаков.

Знания на уровне теоретического синтаксиса имеют принципиальное значение, поэтому вводятся на всех уровнях изучения русского языка. В минимум синтаксических знаний на начальном этапе обучения входят следующие мини-комплексы знаний:

1. Понятие о членах предложения (в функциональном аспекте).

2. Понятие о порядке слов в предложении.

3. Понятие о типах вопросительных предложений.

4. Понятие о сложносочиненных и сложноподчиненных предложениях.

Значение синтаксических знаний многократно возрастает на продвинутом этапе обучения в связи с началом развития навыков письменной речи. На продвинутом этапе к данной сумме знаний целесообразно присовокупить следующие элементы:

1. Различные виды осложнения простого предложения (с особым вниманием на ряды однородных членов, обращение, приложение, распространенные определения и обстоятельства).

2. Виды неполных и односоставных предложений.

3. Синтаксические инверсии и их функциональная нагрузка.

Минимум стилистических знаний можно подразделить на два комплекса: базовые представления о функциональных стилях языка (официально-деловом, научном, публицистическом и разговорном)

и базовые представления о средствах художественной выразительности (прежде всего, о тропах – метафоре, перифразе, гиперболе). Оба данных комплекса необходимо вводить на завершающих этапах обучения иностранному языку.

4. Минимум лингвистических знаний и его интеграция в практику преподавания иностранного языка

Как мы уже отмечали, предложенная нами выше модель минимума лингвистических знаний представляет ценность и значимость лишь при условии ее интеграции в практическую реальность преподавания иностранного языка. Конкретные методические механизмы интеграции такого рода будут зависеть от многочисленных факторов, связанных с условиями обучения (количеством учебных часов, интенсивностью аудиторных занятий, доступностью времени и средств самостоятельной подготовки и т. д.); описание механизмов такого рода неизбежно потребовало бы рассмотреть слишком большое количество частных случаев. Данные частности, как нам представляется, найдут свое воплощение в последующих работах прикладного характера. Тем не менее мы не вправе полностью проигнорировать вопрос практической реализации минимума лингвистических знаний. В качестве определенного компромисса мы предложим несколько основополагающих принципов, которые могут стать направляющими векторами для непосредственной разработки занятий и учебных курсов с включенными элементами в рамках минимума лингвистических знаний.

1. Принцип последовательности: всякая сумма лингвистических знаний должна вводиться только после и на основе базовой суммы лингвистических знаний. Так, учащиеся должны знакомиться с базовыми сведениями по функциональной стилистике только при условии прочного усвоения знаний по лексической стилистике.

2. Принцип приоритета практики: несмотря на всю важность лингвистических знаний, в ходе практической работы преподаватель должен предпосылать всякому теоретическому обобщению достаточное количество частных примеров. Эффективное освоение лингвистических закономерностей возможно не только при условии интеграции теории с практикой, но и при условии соблюдения приоритетного положения практики.

3. Принцип немедленного комплексного закрепления: всякий мини-комплекс лингвистических знаний, вводимый в практику обучения, должен сопровождаться закреплением на трех последовательных уровнях: на уровне конкретных примеров; на уровне тренировочных упражнений непродуктивного характера и, наконец, на уровне самостоятельной работы.

4. Принцип органичности: никакой комплекс лингвистических знаний не может рассматриваться как внешнее явление по отношению к основному направлению учебного курса. Необходимо изыскивать все возможности для интеграции лингвистических знаний в систему изучаемого языкового и тематического материала.

5. Принцип доступности: в случае затруднений со стороны учащихся в плане усвоения минимума лингвистических знаний не следует отказываться от применения данных знаний вообще. В описываемом случае необходимо внести коррективы в систему применяемых форм и методов; прибегнуть к упрощенным формам работы на хорошо знакомом языковом материале.

6. Принцип регулярного повторения: необходимо помнить, что изученные студентами лингвистические закономерности не являются частями полноценной филологической компетенции и, следовательно, требуют значительное количество времени для формирования соответствующих автоматизированных навыков на их основе. Для ускорения данного процесса необхо-

димо регулярно возвращаться к изученному лингвистическому материалу на основе нового, более сложного, языкового материала.

Для конкретной реализации задачи минимума лингвистических знаний в контексте преподавания русского языка в системе высшего образования существует несколько возможных вариантов создания интегрированной методической модели, из которых мы бы хотели выделить три, наиболее заслуживающие внимания: 1) разработка отдельного полноценного интегрированного учебного курса объемом не менее 30 учебных часов; 2) разработка интегрированного краткого спецкурса в объеме 6–10 учебных часов; 3) интеграция минимума лингвистических знаний в систему работы в рамках уже существующей учебной дисциплины. Практический опыт преподавателя подсказывает нам, что в вопросе выбора наиболее эффективной формы работы отсутствует раз и навсегда данная закономерность. Так, перспективным представляется разработка и внедрение в учебный процесс интегрированного курса «Словообразование русского языка» (объемом 34 академических часа), включающего в себя элементы минимума лингвистических знаний при значительном количестве упражнений и заданий на основе разнообразного языкового и речевого материала (например, изучение некоторых продуктивных суффиксов русского языка можно объединить с изучением лексики тематической группы «профессии»). Тем не менее решение аналогичных методических задач было бы возможно и в рамках 6–8-часового спецкурса при условии значительного сокращения практической составляющей. Знания по функциональной стилистике можно вводить как в рамках отдельного учебного курса, так и в рамках предмета «Практика письменной речи». Знания по теоретической фонетике имеют значительный потенциал в плане

интеграции в работу по курсу практической фонетики, но достаточно целесообразным было бы введение в учебный план отдельного спецкурса, посвященного изучению интонационных и просодических особенностей русской речи.

Разработка проблемы минимума лингвистических знаний, как нам представля-

ется, должна найти свое отражение и на уровне аудиторной работы, и в создании новых учебных пособий, и в исследовательской методической деятельности в отношении поиска наиболее эффективных путей интеграции теоретических лингвистических знаний с практикой использования изучаемого языка.

Литература

1. Рыт Е. М. Основы методики преподавания иностранных языков в свете науки о языке. — М.: Работник просвещения, 1930.
2. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. — М.: SLOVO, 2000.
3. Мильруд Р. П. Компетентность в изучении языка // Иностр. яз. в shk. — 2004. — № 7. — С. 30–36.
4. Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, преподавание, оценка. — М.: МГЛУ, 2003. — С. 123–125.

УДК 81

А. Г. Антипов, Е. Е. Рыбникова

РУССКАЯ ГРАММАТИКА В ЗЕРКАЛЕ ЕГЭ

В статье рассматриваются активные процессы, происходящие на грамматическом уровне современного русского языка, обусловленные демократизацией всех сфер бытия и, как следствие, приводящие к нарушению сложившихся литературных норм. В центре внимания в статье оказались тексты ЕГЭ, которые наиболее полно и объективно отражают языковую ситуацию нашего времени.

Ключевые слова: языковая ситуация, семантика, грамматическая форма, деривация, де-грамматизация.

A. G. Antipov, E. E. Rybnikova

RUSSIAN GRAMMAR IN THE MIRROR OF RUSSIAN STATE EXAM

The article studies the active processes happening on the grammar level of the modern Russian language which is caused by democratization in all spheres of life and, as a result, causing violation of the established spelling norms. In the centre of attention there are texts used in the texts of Russian state exam fully and objectively reflecting the modern language situation.

Keywords: language situation, semantics, grammar form, derivation, de-grammatization.

К единому государственному экзамену и его результатам можно относиться по-разному. Но если оставить в стороне политические дебаты, явно ни к чему

не обязывающие любую из оппозиций, очевидным остается одно — следует признать позитивный научный характер этого очередного эксперимента современной

России. Именно экспериментальность ЕГЭ (естественно – в научном, а ни в каком другом смысле) позволяет обозревать его результаты в нейтральной тональности, лишенной ненужного пафоса дискуссионных оценок и сентенций.

Очень показательны в этом плане материалы ЕГЭ по русскому языку: их содержание не только дает определенный срез русской речевой культуры XXI века, но и предоставляет бесценные данные по функционированию системы языка и коммуникативной компетенции русской языковой личности. В этом – коммуникативном – направлении культурно-речевого анализа выпускных работ школьников Кемеровской области мы и попытались сделать некоторые обобщения относительно активных процессов в области русской грамматики.

Школьные сочинения, конечно, всегда привлекали внимание русистов как оригинальный материал исследования динамики норм литературного языка, их речевой вариативности и особой аномальной выразительности. Действительно, какой еще жанр дискурса может сравниться с письменной работой школьника в своей разнообразной палитре непреднамеренно комических уловок языка и стиля. Ср.: *«Горцы в произведениях Лермонтова все гордые, как пернатые орлы»*, *«Хороша русская поговорка – не лезь вперед батьки в пекло!»* и т. п. Однако помимо спонтанных игровых практик работы учеников особенно интересны в аспекте отражения в них изменений, отличающих русский язык наших дней.

1. Изменения лингвокультурных стереотипов

Постмодернизм современных дискурсов, отличающий русский язык конца XX – начала XXI века, не только предопределил крушение норм официального языка новояза (усредненной, клишированной подсистемы языка советской про-

паганды), но и привел к рождению новых речевых стереотипов, на которые ориентируется в своем построении современный молодежный дискурс. И если в додемократической России функции свободной, естественной речи выполняли произведения русской классической литературы, самиздат и разговорная речь, то теперь им на смену пришли новые речевые практики: различные типы медиадискурса, рекламы, интернет-коммуникации, народных форм письменной и устной речи (вроде граффити, жаргонов и сленгов). Эти функциональные зоны современного русского языка влияют на тексты ЕГЭ, и по ним можно проследить некоторые изменения, происходящие в русской лингвокультуре.

Так, известной нормой письменной медиаречи стало совмещение кириллицы и латиницы по образцу рекламных слоганов *«ВлиWИся!»* или *«Тульский PRяник»*. Это приводит к появлению слов-гибридов, мотивированность которых соотносит разные лингвокультурные традиции, например, субкультурных кодов молодежной коммуникации, как в зафиксированном нами случае графогибридизации *«челобрак»*: *«Челобрак – это звучит гордо!»*. Подобные прецедентные высказывания, искажая каноническую русскую модель, довольно ярко иллюстрируют постмодернизм внутренней формы русского словесного знака. Иная ментальность и ее роль в познании мира русскими уже не просто влияют на рождение новых стереотипов культуры, но способны влиять на структуру языка и в подвижных сферах нормы, и в инновационных сферах лексикона, включая правила словопроизводства. Подобные примеры межкультурной коммуникации, разумеется, во многом сложны для экспертной оценки, однако само по себе их включение учащимися в экзаменационные работы свидетельствует о влиянии современных моделей речевого общения на языковое сознание.

2. Аналитизм русской языковой формы

В области русского формообразования и словесной деривации сохраняется продуктивность аналитических конструкций как важнейшая динамическая тенденция функционирования структуры русского языка XX века. К структурно-функциональным проявлениям аналитизма обычно относят:

- рост агглютинативности в семантике и структуре производного слова (устранение многозначности словообразовательных морфем; ослабление чередований на стыке морфем; рост интерфиксации и интерференции (наложения) в морфемной структуре слова);
- потенциальное сокращение кода (уменьшение набора единиц: морфем и их вариантов);
- усиление регулярности словообразовательных типов (возможность образования от основ определенного типа производной единицы, имеющей аффикс со стандартным значением);
- изменение состава и характера парадигм разных частей речи (увеличение парадигм, объединяющих разные части речи);
- изменение характера некоторых словообразовательных оппозиций (преобразование оппозиций, в которых оба члена маркированы, в оппозиции, один из членов которых не маркирован);
- рост экспрессивности словообразовательных средств [4].

Отражение данных процессов в выпускных работах школьников охватывает случаи, типичные для молодежного дискурса, с его особой экспрессивностью и смелой раскрепощенностью. Аналитичность структуры слова становится своеобразной фигурой речевого акта, как в номинации «*Супермегазажигалово*»: каждый из компонентов экспрессивной внутренней формы слова усиливает в пред- и посткорневой части деривата образность мотивирующей семантики глагола «*зажигать*»

в сленговом значении ‘*жечь / зажигать / отжигать на вечеринке*’. Суперморфемный характер словообразовательной структуры подобных производных слов не противоречит структуре русского языка, экспансия подобных полиморфемных структур поддерживает появление аналитических многочисленных конструкций, не характерных для структуры русского языка, типа: «*комет чистящий порошок антиржавчина*»; «*комет чистящий порошок лимон*».

На уровне слова эта закономерность ярко проявляется при создании поликорневых композитов неинтерфиксального типа (ср.: советское «*Первомай*» и новообразование «*Миртрудмай*»).

Речевое пространство новообразований ЕГЭ отражает инновационные сферы лексикона в целом. Например, высказывание «*Я уже сейчас работаю баристом*» может получить разную экспертную оценку вследствие низкой степени узуальности новой профессиональной номинации. С одной стороны, узуализация лексемы затрудняется явной словообразовательной омонимией с узуальной номинацией «*бармен*». С другой стороны, системно-нормативный характер потенциального слова и устойчивый характер функционирования в текстах объявлений «*Требуются горничные, официанты, баристы*» приводит к семантической дифференциации моделей словопроизводства и постепенной узуализации заимствованной лексемы в значении: «специалист по приготовлению кофе эспрессо в кофейнях, барах, ресторанах, умеющий на вкус определять вид кофе, соотношение сортов зерен в смеси и даже место произрастания зерен». Освоению потенциального слова способствует и появление синонимических дериватов: *кофейщик, эспрессист, бармен-барист*. Ср. текст объявления: «*Вакансия бармен-бариста! Обслуживание посетителей: прием заказа, приготовление кофе на кофе-машине, приготовление без алкогольных напитков, соков и десертов,*

подача клиентам заказа, расчет гостей, поддержание порядка на рабочем месте!».

Из неканонической орфографии этого контекста обращает на себя внимание вариант аналитического функционирования приставки *без-* – случай, типичный в ЕГЭ при написании иноязычных префиксов радиоксидного типа: «*супер автор*», «*супер роман*», «*книга супер*», «*мега супер ребенок пианист*» и др.

3. Жаргонизация языкового сознания

Демократизация русского языка конца XX века, приведшая к изменению продуктивности ряда словообразовательных моделей, повлияла на рост индивидуального словопроизводства, а также предопределила усиление роли оценочных и количественных значений и перемещение в центральные сферы коммуникации явлений периферийных (сниженной разговорной лексики, просторечных форм, уголовного и молодежного жаргонов) [1]. Ср., например, экспрессивное «на грани фола» формообразование глагола «ксерокопировать» в молодежном дискурсе: «*ксерить*», «*отксерить*», «*ксерануть*», «*отксерачить*».

В современных текстах ЕГЭ жаргонизация связана в основном с функционированием так называемого «олбанского языка», нормы которого влияют на русское формообразование типа «*превед*», «*блондинко*», «*девушко*».

4. Потенциальное и окказиональное словообразование

С динамическими процессами в русском словообразовании начала XXI века, обусловленными развитием электронных средств массовой информации и коммуникации, обычно связывают:

- ослабление нормативных правил образования и употребления языковых единиц;
- расширение сферы употребления разговорно-сниженных языковых элементов и жаргонизацию современного русского языка;

- расцвет языковой игры;
- резкое увеличение потока английских заимствований [3].

Этого рода изменения в системе и норме, характерные для всех современных славянских языков, приводят к росту потенциальной деривации.

Данный класс производной лексики, построенной по высокопродуктивным деривационным моделям, требует самой осторожной экспертной оценки по шкале системно-нормативных или системно-ненормативных образований. От явных грамматических ошибок в сфере словообразования типа «*антисемист*» (*антисемит*), «*публицистиска*» (*публицистка*), «*оптимичные*» (*оптимистичные*), «*богатысть*» (*богатство*), «*читание*» (*чтение*) следует отличать системно-нормативные и системно-ненормативные потенциальные дериваты.

1. Системно-нормативные потенциальности обычно проходят основные этапы узуализации, пополняя инновационные сферы лексикона, т. е. становятся узуальными (реальными) словами (при условии выполнения ими номинативной функции): «*барист*».

2. Системно-ненормативные потенциальные дериваты, образованные чаще всего по активным моделям, дублируют уже имеющиеся в языке наименования: «*целеустремление*» (*целеустремленность*), «*упрямственность*» (*упрямство*), «*парадер*» (*парадист*).

В текстах ЕГЭ такие дериваты часто заполняют лексические лакуны номинативной системы русского языка, поэтому не могут не передавать творческий характер автора выпускной работы. Ср.: «*прифантазировать*», «*оборонительность*», «*беспризорничество*», «*разнотематический*», «*прозаичка*», «*комплиментарный*», «*сверхлюбимый*» и др.

Как и нарушение грамматической нормы, потенциальное словообразование –

это всегда некоторая тенденция, не всегда отражающая лингвистическую некомпетентность сознания. Более того, нарушения системных норм обусловлены моделью функционирования правил деривации. Так, в проведенном выше примере «публицистика» отражается типологический для структуры современных индоевропейских языков процесс аффиксальной редупликации (нанизывания аффиксов), являющийся базовым при формировании новых более выразительных деривационных суперформантов. В тексте такие форманты выполняют важные стилистические функции прагматической оценки ситуации, как это и видно в оценочном контексте ЕГЭ: «Какая-то там публицистика!»

Примеры, подобные «антисемист», связаны с ремотивацией заимствованной лексемы, а образования типа «парадер» объясняются конкуренцией словообразовательных моделей, обусловленной активностью иноязычного аффикса в производстве новообразований по модели *геймер, лузер*.

Рождение новых номинаций отражают и процессы деривационной игры, очевидные при создании окказионализмов. По нашим данным, в работах выпускников продуктивны все ведущие модели русской деривации окказиональных слов, произведенных с нарушением законов системной или эмпирической продуктивности словообразовательных типов.

В нашем материале зафиксирован удивительный по своему значению для русской

лингвокультуры окказионализм «фашистская зверепость» (*звери, свирепость*), представляющий собой пример контаминации по конкретному образцу простого и производного слов. В структуре и семантике данной лексемы запечатлен образ целой эпохи, переданы те истинные ценности, по которым можно судить о преемственности поколений и сохранности чувств русской культуры, выстраданных в истории государства и судьбе каждого человека. Ср., например, образность песен военных лет: «От фашистской черной своры отстоим мы край родной», «И фашистской кровожадной своре не собрать вовек своих костей», «Прочь с пути, орда немецкая! Прочь с пути, разбойничья орда!», «На наш народ трудовой и веселый напала черных злодеев орда», «Вперед, друзья, смелее в бой, фашистской банде смерть несем», «С бандой фашистской сразиться Родина смелых зовет» и др.

Подобные примеры ЕГЭ убеждают в одном: какие бы потрясения ни охватывали русского человека, его язык всегда был и будет тем маяком в жизни, который направляет, помогая обрести себя. И поскольку, если воспользоваться метафорой М. В. Панова, русский язык сегодня «уже не озеро, не море, а океан», именно «сохранение языковых ценностей» как «важнейший результат истории русского литературного языка» не позволит социальным бурям его разрушить [2, с. 16, 17, 21].

Литература

1. Земская Е. А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / под ред. Е. А. Земской. – М., 1996.
2. Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. – М., 1990.
3. Петрухина Е. В. Возможности, функции и конкуренты словопроизводства в современном русском языке // Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование. – М., 2010.
4. Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка / под ред. М. В. Панова. – М., 1968.

УДК 81

*А. В. Шунков***ПРОЕКТ «РУССКИЙ ЯЗЫК В ПРОСТРАНСТВЕ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ» И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В КЕМГУКИ**

В статье представлен анализ реализации проекта, его промежуточные результаты, определяются дальнейшие перспективы в развитии.

Ключевые слова: межкультурные коммуникации, диалог культур, лингвокультурология.

*A. V. Shunkov***«RUSSIAN LANGUAGE IN THE SPACE OF INTERCULTURAL COMMUNICATION» PROJECT AND ITS IMPLEMENTING IN KEMEROVO STATE UNIVERSITY OF CULTURE AND ARTS**

The article presents an analysis of the project realization, its interim results, future trends in development are defined.

Keywords: intercultural communication, dialogue of the cultures, cultural linguistics.

Актуальность проблем, связанных с изучением культуры в разных аспектах, возрастает из года в год, демонстрируя значимость проблемы осмысления культуры как первоосновы бытия человечества в эпоху информатизации и глобализации. В сложившихся условиях острее, чем когда-либо, встает вопрос о необходимости поиска путей к установлению диалога между представителями разных культур, традиций.

Наступивший XXI век современными исследователями определяется «веком межкультурной коммуникации как на уровне делового, так и быденного общения. Люди различных национальностей, говорящие на разных языках, характеризующиеся различными культурными ценностями, различными формами вербального и невербального этикета, начинают взаимодействовать между собой, прежде всего, в силу экономической потребности» [1].

В связи с этим возникает объективная необходимость изучения разных культур и

сопоставления их с целью предотвращения возможных коммуникативных неудач, поскольку представителю определенной культуры свойственна «своя» культурная (в том числе и языковая) картина мира.

По определению профессора МГУ им. М. В. Ломоносова С. Г. Тер-Минасовой, культурная (понятийная) картина мира – «это отражение реальной картины через призму понятий, сформированных на основе представлений человека, полученных с помощью органов чувств и прошедших через его сознание, как коллективное, так и индивидуальное. Это образ мира, преломленный в сознании человека, то есть мировоззрение человека, создавшееся в результате его физического опыта и духовной деятельности» [2, с. 23].

Реальным «зеркалом», в котором отражается культурная картина мира, является язык. Давно отмечена способность языка в процессе своего исторического развития «накапливать, хранить и отражать факты и явления культуры народа – носителя язы-

ка» [3, с. 79]. Картина мира, окружающего носителя языка, не просто отражается в языке, она формирует и сам язык, и его носителя, а также определяет особенности речепотребления. Вот почему без представления о культурной картине мира, имеющей языковую вербализацию, невозможно освоить и сам язык. Изучение мира носителей языка направлено на то, чтобы помочь понять особенности речепотребления, дополнительные смысловые нагрузки, политические, культурные, исторические коннотации единиц языка и речи.

Начало реализации проекта «Русский язык в пространстве межкультурных коммуникаций» было положено в 2008 году во время открытия в КемГУКИ НИИ толерантности и межкультурных коммуникаций. Чем это решение было обосновано? С одной стороны, общегосударственными задачами, сформулированными правительством РФ в федеральной целевой программе «Русский язык» (2006–2010 гг.), предусматривавшей обеспечение эффективного функционирования языка как государственного, укрепление его позиций как языка межнационального общения народов Российской Федерации; обеспечение и распространение изучения русского языка и литературы за рубежом. С другой стороны, объективными процессами, происходящими в самом университете.

В настоящее время КемГУКИ является динамично развивающимся университетом культуры и искусств в Западно-Сибирском регионе, который активно сотрудничает как с вузами, так и с представителями научных центров, школ Европы, Азии (Польша, Германия, Китай, Монголия и др.). Результатом сотрудничества является участие в международных научных проектах, организация собственных конференций, форумов, направленных на изучение во-

просов межкультурных коммуникаций, информационной культуры личности, «диалога культур», сохранения национальных традиций.

Кроме того, в университете обучаются студенты из республик Российской Федерации (Алтай, Тыва, Хакасия), принадлежащих к иной культурной традиции, для которых характерна и иная ментальность, и иное видение мира. В совокупности названные факторы и обусловили необходимость разработки проекта, представляющего *мир русского языка и язык русского мира**.

Какие научные направления были определены при реализации проекта?

Первое направление: «Изучение языковых вопросов, связанных с межкультурной коммуникацией», ориентирующее на одновременное изучение языка и культуры. Всем хорошо известна ситуация, когда в процессе диалога представителей разных культур нередко возникают «коммуникативные неудачи, т. е. вид прагматического непонимания в ходе реализации типовой цели диалогического взаимодействия» [4]. Какие аспекты данного направления нашли свое освещение в исследованиях преподавателей и научных сотрудников университета? В поле внимания лингвистов, культурологов находятся *вопросы современного состояния русского языка и культуры, исследуются архетипы национального сознания и особенности национальных картин мира* (их своеобразие, сходство и различия).

В рамках направления «диалога культур» (заметим сразу, в указанном выше пособии С. Г. Тер-Минасовой данное словосочетание определяется как эвфемизм, заменяющий другой вариант – «конфликт культур») происходит *изучение стереотипных пластов языкового сознания, взаимо-*

* В данном случае позволим себе перефразировать название доклада Л. А. Вербицкой «Мир русского слова и русское слово в мире», представленного на **XI конгрессе МАПРЯЛ, прошедшем в сентябре 2007 года в Болгарии.**

действия мировоззрений разных народов, сопоставительное изучение концептов и различных отношений между ними на материале русского, английского, польского и др. языков. Результаты данных исследований неоднократно представлялись на научных семинарах и конференциях, проводившихся в КемГУКИ в 2008, 2009, 2010 гг.: «Толерантность в межкультурных коммуникациях: проблемы и перспективы» [5], «Глобализация и пути сохранения традиционной культуры» [6], «Русское слово в культурно-историческом и социальном контексте» [7] и др.

В рамках представленного направления проекта с 2008 года профессором Института лингвистики РГГУ (г. Москва) Г. Е. Крейдлиным для студентов КемГУКИ ведется практический курс «Семиотика невербального общения», цель которого познакомить с языком жестов и их ролью в межкультурной коммуникации, раскрыть особенности невербального диалогического поведения людей в современной русской и западноевропейской культуре.

Проблема перевода и его роль в современных условиях диалога культур – это еще один аспект реализации проекта, осуществляемого преподавателями кафедры иностранных языков КемГУКИ, и активно обсуждаемый на научных конференциях вопрос. Примером может служить направление «Русское слово: лингвистические и культурологические проблемы перевода», осуществленное в рамках конференции «Русское слово в культурно-историческом контексте» 22 октября 2010 года в КемГУКИ.

Участниками конференции была еще раз отмечена необходимость учитывать при переводе в первую очередь различие культур в процессе их постижения и дальнейшей вербализации. «Мы видим мир по-разному, и разные языки отразили это разное *видение*. У каждого народа – свой взгляд на мир, свое «воззрение» на мир, свое *мировоззрение* и своя картина мира,

навязанная родным языком. Вырваться из плена родного языка невозможно, но можно увидеть мир по-новому, изучая другие языки» [2, с. 65].

И опять-таки задача, которую ставят перед собой преподаватели университета, занимаясь исследованием данной проблемы: перевод должен помочь человеку перейти с помощью языка в мир той культурной среды, в пространстве которой функционирует сам язык. И одним из способов осуществления этой задачи является изучение языковых стереотипов, составляющих основу межнационального, межкультурного общения.

Интеграционный процесс глобального масштаба становится возможным в силу того, что минимальные ментально-языковые структуры знания (пропозиции) едины для современной цивилизации, проявляя дискурсивный характер мыслительной деятельности человека. Поэтому еще одним важным и перспективным шагом в дальнейшей реализации проекта может стать разработка и создание электронного многоязычного словаря лингвокультурологического типа – второе направление проекта.

Когнитивная лингвистика сегодня представляет совершенно другую точку зрения на изучение языка. Если традиционная лингвистика взяла на вооружение основные постулаты своего идеолога Фердинанда де Соссюра, изучая только внутрисистемные связи в языке, в отвлечении от человека, то современная, антропоцентричная, лингвистика выявляет особенности связи языка с мыслительной деятельностью человека. Именно такой подход в изучении языка в свое время был разработан А. А. Потебней, И. А. Бодуэном де Куртене, Н. В. Крушевским, Г. Г. Шпетом.

Согласно результатам проводимых исследований по когнитивной лингвистике, в России на рубеже XX–XXI веков вновь вернулись к анализу языка через человека. Сегодня вновь приобрела свою акту-

альность фразы А. А. Потебни: «Язык – это человек». Постигая мир, человек постоянно сравнивает один предмет с другим, обнаруживая при этом сходство либо различие познаваемых предметов. Предмет один, без его связи с другими, похожими или различными предметами, познать в принципе невозможно. В итоге человек на основании какого-либо, иногда достаточно далекого, сходства объединяет вещи в одну категорию. Таким образом, слово, именующее вещь, может входить в разные категории, ассоциативные ряды. «Слово отражает не сам предмет реальности, о то его *видение*, которое навязано носителю языка имеющимся в его сознании понятием об этом предмете» [2, с. 23]. Продолжая идеи профессора С. Г. Тер-Минасовой, можно заметить, что одновременно одно и то же слово может в пределах одной категории соединяться с самыми различными лексическими единицами. В разных языках эти категории могут наполняться и отличными друг от друга смыслами, но принцип связи вещей для всего человечества един. Данный подход и кладется в основу словаря нового типа.

Придерживаясь традиции когнитивного подхода в современной лингвистике, профессор Л. А. Араева, руководитель Кемеровской научной школы «Дериватологические исследования: языковая личность – производное слово – текст», высказала идею создания принципиально нового типа словаря [1, с. 209–213]. В своей научной концепции Л. А. Араева, применяя пропозиционально-фреймовый анализ словообразовательных процессов, констатирует факт единства языковых пропозиций для всего человечества. Однако, реализуясь в языке, пропозиции «падают в плен» этого языка, тех грамматических, фонетических, семантических правил, которые веками существуют в языке. Таким образом, пропозиционально-фреймовый подход эксплицирует своеобразие ассоциативных (метонимических и метафори-

ческих) связей, актуализованных в языке и обусловленных им.

Понимание этих особенностей соотношения языка, мышления и культурного поведения позволило осознать необходимость создания словаря нового типа, лексические единицы в котором представлены в их пропозиционально-фреймовой связи.

Электронный словарь, в отличие от изданного в типографии бумажного варианта, имеет ряд достоинств:

1) человек может параллельно изучать несколько языков, просматривая контекстную репрезентацию одного и того же фрейма. При этом он выявляет специфику ассоциативных связей в каждом из языков; особенности пропозиционального строения фраз (то есть тех ролевых функций, которые выполняют слова в высказывании); структурно-семантическую и пропозициональную организацию производных единиц;

2) электронный словарь дает возможность слушать, как произносятся слова и фразы в различных языках, усваивая не только артикуляционные и акустические особенности произношения гласных и согласных звуков в разных позициях, но и особенности фразовой интонации, специфичной для каждого языка.

Согласно научной гипотезе, высказанной проф. Л. А. Араевой, предлагаемый словарь позволит человеку виртуально погрузиться в культурную, языковую среду сразу нескольких наций, отмечая для себя своеобразие каждой из них, что, несомненно, способствует толерантности межкультурного общения, понимаемой как проникновение в иные культуры, полноценному осуществлению диалога культур.

Другим направлением деятельности в рамках проекта является разработка и апробация образовательных программ, предусматривающих изучение и преподавание русского языка как иностранного.

Основным в разработке обучающих программ русскому языку как иностранно-

му стал лингвострановедческий (шире – лингвокультурологический) подход, предполагающий одновременное изучение языка и культуры. Курс нацелен на развитие лингвистической и коммуникативной компетенции, а также овладение основами лингвокультурологической (в т. ч. и лингвострановедческой) компетенции, т. е. выработка речевого поведения в соответствии с особенностями социокультурной среды, отражающей менталитет носителей языка. Предусматривается постоянное, на протяжении всего курса обучения, ознакомление через изучаемый язык с историей и современной жизнью страны, ее традициями и культурой.

Особо приятно отметить, что проблема преподавания русского языка как иностранного, русской литературы за рубежом интересует не только преподавателей КемГУКИ, но и представителей научной общественности университетов Китая (гг. Далянь, Чанчунь), с которыми у КемГУКИ в последнее время установлены научные связи.

Подтверждением тому является раздел «Межкультурная коммуникация: Россия – Китай» II тома сборника материалов конференции «Русское слово в культурно-историческом контексте» [7, т. 2, с. 277–307], а также раздел «Язык как основа межкультурной коммуникации» Международной конференции «Глобализация и пути сохранения традиционной культуры» [6, с. 248–268].

Немаловажную роль в исследовании проблем, связанных с функционированием языка, играет круг единомышленников, научное сообщество преподавателей-практиков и ученых. Именно поэтому условием успешной реализации проекта является установление постоянных связей между преподавателями вузов и другими специалистами по русскому языку и литературе; обмен информацией, проведение научных конференций, семинаров по теоретическим и практическим вопросам

преподавания русского языка, литературы, культуры.

Одним из постоянных партнеров КемГУКИ в развитии направления межкультурных коммуникаций на протяжении уже ряда лет является Всероссийская библиотека иностранной литературы им. М. И. Рудомино (г. Москва), возглавляемая вице-президентом Российской библиотечной ассоциации, членом Совета по культуре при Президенте РФ, доктором наук Е. Ю. Гениевой. С 2008 года университет и библиотека иностранной литературы провели серию совместных мероприятий, направленных на изучение проблемы толерантности в современной культуре, являющейся одной из основ межкультурного взаимодействия.

Участниками семинаров «Толерантность в межкультурной коммуникации», проводимых библиотекой (г. Королев, Московской области, 2008, 2009 гг.), были сотрудники дипломатического корпуса посольства Эстонии в России, крупнейшие ученые (С. Г. Тер-Минасова, д-р филол. наук, профессор, декан факультета иностранных языков МГУ им. М. В. Ломоносова; Марианна Текс Чолдин, почетный профессор Иллинойского университета (Чикаго, США); Ив Аман, профессор славистики Университета Париж-Х), а также писатели (Л. Е. Улицкая, З. Н. Миркина), культурологи, философы (Г. С. Померанц), издатели, журналисты, представители педагогической общественности и духовенства, руководители и представители российских библиотек и музеев. Участие КемГУКИ в семинарах позволило скорректировать ранее поставленные задачи и одновременно определить новые в развитии межкультурных коммуникаций как научного направления.

Реальная помощь в реализации проекта оказывается фондом «Русский мир», при поддержке которого, начиная с 2008 г., в университете уже реализовано 4 крупных проекта, имевших международный статус

и направленных на изучение актуальных вопросов в области русистики.

Таким образом, проект «Русский язык в пространстве межкультурных коммуникаций», имеющий инновационный харак-

тер, позволяет расширить спектр научных исследований, проводимых на базе КемГУКИ, и привлечь широкий круг специалистов в области лингвистики, культурологии для решения поставленных задач.

Литература

1. Араева Л. А. Электронный пропозиционально-фреймовый многоязычный словарь как основа эффективности межкультурной коммуникации // Глобализация и пути сохранения традиционной культуры: сб. ст. Международной научно-практической конференции (г. Кемерово, 16 ноября 2009 года) / Кемеров. гос. ун-т культуры и искусств. – Кемерово: Кемеров. гос. ун-т культуры и искусств, 2009.
2. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур. – М.: Слово/Slovo, 2008.
3. Методика преподавания русского языка как иностранного для зарубежных филологов-русистов (включенное обучение). – М., 1990.
4. Фокин А. В. Исследование межкультурной коммуникации с коммуникативно-прагматической точки зрения: http://www.mosinyaz.com/conferences/rodnoy_yazik/tesis/14/
5. См.: Вестник КемГУКИ. – 2008. – № 3 (6): <http://vestnik.kemguki.ru/images/stories/vestnik-6-2008.pdf>
6. Глобализация и пути сохранения традиционной культуры: сб. ст. Международной науч.-практ. конференции (г. Кемерово, 16 ноября 2009 года) / Кемеров. гос. ун-т культуры и искусств. – Кемерово: Кемеров. гос. ун-т культуры и искусств, 2009. – 327 с.
7. Русское слово в культурно-историческом и социальном контексте: сб. ст. по материалам российской научно-практической конференции с международным участием «Русское слово в культурно-историческом контексте» (Кемерово – Далянь, 22 октября 2010 г.): в 2 т. – Далянь; Кемерово: КемГУКИ, 2010.

УДК 81

В. И. Ханзина

МЕХАНИЗМ ВОСПРИЯТИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ЯЗЫКОВЫХ ФЕНОМЕНОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ. (НА МАТЕРИАЛЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

Статья посвящена принципам восприятия художественного текста, в ней рассматривается механизм «расшифровки» авторских смыслов читателями с использованием понятийного аппарата когнитивной лингвистики. Материалом работы послужили результаты ассоциативного эксперимента, респондентами которого явились студенты-филологи второго и третьего курсов. Особое внимание в статье уделяется языковым единицам с этнокультурным компонентом значения (прецедентным феноменам) как элементам, ориентирующим и направляющим читательское восприятие текста.

Ключевые слова: языковая картина мира, национальная картина мира, художественная картина мира, прецедентный феномен, прецедентный текст, прецедентное имя, прецедентное высказывание, прецедентная ситуация, стереотип, когнитивное пространство текста, контекст.

V. I. Hanzina

**THE MECHANISM OF PERCEPTION OF ETHNO-CULTUREL
LINGUISTIC UNITS IN A LITERARY TEXT.
(BASED ON RESULTS OF PSYCHOLINGUISTIC EXPERIMENTS)**

This article describes the principles of perception and interpretation of literary text readers. Materials of this study were the results of psycholinguistic association experiment, conducted among students of the Faculty of Philology of the second and third year. Particular attention is given to the linguistic units with ethno-cultural component values (precedent phenomenon), as these elements orient and direct the reader's perception of the text.

Keywords: language picture of the world, national picture of the world, art picture of the world, phenomenon of precedent, precedent text, precedent name, precedent statement, precedent situation, stereotype, cognitive space of the text, context.

Актуальность проблемы восприятия художественного текста в современной лингвистике подтверждается обилием исследовательских точек зрения на процесс литературной коммуникации. Проблема восприятия изучена в различных аспектах: основные особенности и этапы восприятия произведений различных жанров, возрастные особенности восприятия, структура читательского восприятия, взаимосвязь восприятия и анализа художественного произведения (работы О. И. Никифоровой, А. М. Левидова, А. А. Леонтьева, Л. Г. Жабицкой, Л. Н. Рожиной, П. М. Якобсона, Н. А. Демидовой, М. Г. Качурина, Т. Д. Полозовой и др.).

На наш взгляд, метод психолингвистического эксперимента открывает новые перспективы в когнитивных исследованиях, поскольку позволяет проследить процессы взаимодействия ментальных и языковых единиц при восприятии и понимании речи. Художественная речь отличается образностью, т. е. способностью вызывать в сознании читателя ряд ассоциаций и представлений о явлениях действительности. Таким образом, эксперимент отвечает целям и задачам филологии, основной проблемой которой является проблема восприятия и понимания читателем авторских смыслов, тем или иным образом зашифро-

ванных в художественном произведении [1, с. 324].

Респондентами психолингвистического эксперимента, направленного на выявление уровня эстетической компетенции учащихся, а также демонстрирующего механизм восприятия лингвокультурного фона художественного произведения, стали студенты II и III курсов факультета филологии и журналистики ПГУ им. М. В. Ломоносова (120 человек).

Цель эксперимента – установить уровень эстетической компетенции учащихся и оценить качество их лингвокультурных знаний, попутно проследив особенности механизма восприятия ими лингвокультурного фона произведений.

Материал эксперимента – романы В. Набокова «Машенька» и «Приглашение на казнь», из которых были отобраны контексты, содержащие прецедентные феномены (ПФ), а также имена русских национальных концептов, стереотипные и зооморфные образы.

Тип эксперимента – *констатирующий*.

Содержание психолингвистического эксперимента связано с практической направленностью данной работы, результаты которой должны помочь студентам повысить уровень эстетической и коммуникативной компетенции путем «узнавания»,

расшифровки, восприятия образных, оценочных, эмоциональных компонентов значения репрезентантов когнитивного пространства текста в их связи с базовыми структурами русского национального сознания, для последующего эффективного использования этих единиц в своей речи. В целом, это задача расширения языкового потенциала молодых людей. Адекватное восприятие лингвокультурного фона произведения является также необходимым условием осуществления анализа художественного текста как вида профессиональной деятельности филолога.

Эксперимент состоял из *двух этапов*:

В первой части эксперимента использовались контексты (фразы, предложения, диалоги), содержащие в себе прецедентный феномен (фразеологизм, паремию, цитату, клише). Испытуемым предлагалось в словесном окружении «узнать» единицу и восстановить ее первоначальную форму в случае деформации, а также предложить свое понимание данного высказывания в связи с общим смыслом произведения. Было предложено 15 языковых единиц.

Вторая часть представляла собой ассоциативный эксперимент. Участникам были предложены контексты, содержащие прецедентные феномены (прецедентные высказывания, прецедентные имена), а также базовые русские концепты, на которые требовалось отреагировать любыми пришедшими в голову ассоциациями (форма выражения ассоциаций – свободная).

Результаты эксперимента должны были ответить на следующие поставленные вопросы:

1. Какова степень «узнавания» ПФ в контекстах романов «Машенька», «Приглашение на казнь»?

2. Насколько успешно студенты восстанавливают первоначальную форму деформированного высказывания?

3. Насколько хорошо испытуемые понимают значение и образный смысл пре-

цедентного выражения? Соотносится ли данный смысл в сознании респондентов с контекстом, в котором он предложен?

4. Какова степень актуальности (рефлексия, использование в собственной речи, специфика ассоциаций) для современных молодых людей прецедентных имен, невербальных феноменов, функционирующих в тексте?

5. Какие ассоциации у респондентов вызывают базовые русские концепты? Какие признаки концептуализируются при возникновении ассоциаций?

6. Какова сфера возникновения ассоциативных реакций студентов на ПФ (повседневная жизнь, литература, современная культура и т. д.)?

7. Каковы качественные признаки возникающих ассоциаций (четкие, отрывочные, развернутые, связанные/несвязанные с ПФ, образные, экспрессивные и т. д.)?

Слово-стимул в контексте озвучивалось устно, реакция записывалась студентами.

Анализ результатов эксперимента позволил прийти к следующим *выводам*:

1. Степень узнавания ПФ в контекстах очень высокая, хотя многие ПФ утратили актуальность в современной речи и содержатся в пассивном лексиконе молодых людей. Так, прецедентное высказывание (ПВ) «*много воды утекло*» в контексте [речь идет о казни Цинцинната, «Приглашение на казнь»] «...Во всяком случае, можете подать жалобу, но считаю долгом вас предупредить, что ближайший съезд состоится осенью, а к тому времени *много чего утечет*. Ясно?» распознали все испытуемые; ПВ «*груши околачивать*» и «*холить и лелеять*» в контексте [Разговор тюремщика с Цинциннатом, «Приглашение на казнь»] «Стыд и срам, денно-ночно *груши околачиваете... кормишь вас тут, холишь*, сам на ногах не стоишь, а вы только и знаете, что с неумными вопросами лезть» распознали 75 и 62 человек соответственно. Наибольшие затруднения вызвали

ПФ «друг сердечный, таракан запечный» (14 человек), «часы пролетали как минуты» (15 человек).

2. Первоначальная форма деформированного Набоковым высказывания восстанавливается студентами достаточно успешно. Так, форму высказывания «*чаша моего долготерпения выпита*» (деформированная) как «*чаша терпения переполнилась*» (первоначальная) восстановили 80 студентов; форму «*на всю смерть*» (деформ., в контексте «и навсегда предается он мне, на всю смерть») как «*на всю жизнь*» – 57 студентов. Существуют варианты в восстановлении первоначальной формы ПВ «*много чего утечет*» (деформ.). Двое испытуемых восстановили форму как «*все течет, все изменяется*», один – как «*много времени утечет*», один – как «*сколько воды утечет, столько времени пройдет*». Один испытуемый указал на контекстуальный смысл высказывания: «*много крови утечет*». Первоначальную форму ПВ «*часы пролетали как минуты*» (деформ.) один студент восстановил как «*время летит*», один – как «*время бежит*». Форму «*груши околачивать*» (первоначал.) один испытуемый восстановил как «*углы околачивать*» (синонимическая идиома).

3. Уровень понимания смысла ПФ испытуемыми варьируется. Многие выражения, видимо, употребляются студентами без осмысления или не употребляются вообще. Достаточно понятным оказалось выражение «*не ведаем, что творим*», которое «расшифровали» 79 студентов. Варианты понимания высказывания: «делаем что-то плохое и не осознаем, что это плохо»; «мир катится неведь куда, люди разрушают самих себя»; «совершаем плохие поступки, не зная, что они таковыми являются»; «человеческая сущность до того эгоистична, что достижение блага одной личности может принести страдания целым тысячам»; «это я сейчас не ведаю, что творю. Help me!»; «будто “черные тени” находят на че-

ловека, после чего он просит прощения». 55 человек в качестве источника ПВ указали Библию (Евангелие), двое восстановили полную первоначальную форму выражения: «*Прости им, Отче, ибо не ведают, что творят*».

Достаточно высок уровень понимания выражения «*продавать свою тень*» (83 человека), причем существуют варианты в осмыслении этого ПВ. На стимул следуют такие реакции: «продать душу»; «двуличие»; «что-то плохое, темное, отдавать часть себя»; «отдавать что-то важное – душу? честь? в обмен на материальные блага»; «Петер Шлемиль»; «продавать все, что можно продать»; «продать то, после чего пересташь быть человеком»; «тень – отражение человека, второе “я”» и др.

К сожалению, авторские смыслы, возникшие под влиянием предложенных контекстов (ситуаций), практически не распознаются респондентами, несмотря на предварительные разъяснения. Лишь единицы указали предполагаемую ими трактовку отдельных отрывков текста. В первую очередь, это связано с почти полным отсутствием у студентов опыта чтения произведений В. Набокова (десять испытуемых прочли «Приглашение на казнь», семеро познакомились в рамках школьной программы с рассказами Набокова («Рождество», «Благость»), несколько респондентов заявили, что пытались читать Набокова, но процесс оказался слишком сложным, поскольку «ничего не понятно»), а также с недостаточностью фоновых лингвокультурных знаний и слабо развитыми аналитическими умениями.

4. Прецедентные имена, функционирующие в тексте, в основном, знакомы испытуемым. Например, на имя «Лев» в романе «Машенька» отреагировали все студенты, ассоциации большей частью были связаны с Л. Н. Толстым (104 чел.), что отвечает эстетическим задачам Набокова. Второй уровень ассоциаций был связан с пред-

ставлениями о льве как о «царе зверей», причем этому имени почти все давали положительную оценку: «знак зодиака и животное – прекрасен»; «царь людей»; «Лев должен обладать царственной осанкой, гордостью царя, как лев – животное – царь животных в природе»; «сильный, мужественный»; «большой, толстый, добрый, строгий, сильный, искренний»; «храбрый, властный, чтимый»; «суровый, царственный, большой»; «сильный, храбрый». С образом Льва Толстого были связаны интересные ассоциации: «борода, босиком, катается на велосипеде и на коньках, чудаковатый, большой, патриархальный уклад»; «дедушка с длинной белой бородой». Единичные ассоциации: «Троцкий»; «мечтает о зеленой палочке»; «Лещенко»; «лев из изумрудного города». Как мы видим, главное качество, приписываемое студентами человеку с именем «Лев» – доброта, искренность, сила, царственность. Образ человека с именем «Лев» складывается из представлений: 1) о жизни и творчестве Льва Толстого; 2) о льве как о сильном и красивом животном, «царе зверей». Таким образом, приходим к выводу, что ПФ в тексте получает рефлексивный отклик у читателей, поскольку отсылает сразу к двум национально-маркированным явлениям. Смыслы, подразумеваемые автором в имени героя Льва Глебовича Ганина, расшифровываются читателями («лев – это главный герой романа, стоит выше остальных людей»; «наверное, он писатель»), главный герой «Машеньки» получает эмоциональную оценку.

5. Такие национальные концепты, как <чужой>, <земляк>, <честь>, <жалость> вызывают у испытуемых яркие ассоциативные реакции. На концепт <жалость> почти все студенты ответили развернутым ассоциативным рядом: «милостыня, сострадание, желание помочь и покровительствовать»; «чтобы любовь между женой и мужем сохранялась долго, нужно жалеть друг друга»; «чувство сострадания,

милосердия... Основано на христианской нравственности»; «любовь, понимание – у русских людей»; «бедные, бездомные люди, голод, холод»; «сочувствие, русские народные жалостливые песни, фольклор»; «свойство русской души, помощь, сочувствие»; «жалуют жалких, хоть и носит христианский оттенок»; «никакой жалости». Выяснилось, что большинством студентов <жалость> осмысливается, как яркое национальное явление. Отношение к нему, в основном, положительное. Однако несколько студентов (13) дают отрицательную характеристику чувству жалости (например, 2 последних реакции), что, видимо, связано с развившимся новым образом мышления, отличающимся от исконно-русского (основанного на христианских идеалах).

6. Поскольку испытуемые – студенты филологического факультета, внушительная часть ассоциативных реакций затрагивает область литературы и фольклора, изучаемых респондентами в данное время. Так, на стимул «продавать свою тень» 48 человек дают реакцию «“Необыкновенная история Петера Шлемиля” Шамиссо»; на стимул «Не любо – не слушай» 32 человека дают реакцию «Сказки С. Писахова»; на имя «Машенька» 22 человека дают реакцию «Маша Миронова из “Капитанской дочки” Пушкина», 23 человека – реакцию «девочка из русских сказок, “Маша и медведи”»; на концепт «честь» 54 человека реагируют ассоциацией «Береги честь смолоду – эпиграф к “Капитанской дочке” Пушкина».

Ряд ассоциативных связей возникает из современной реальности, повседневной жизни, насущных дел, социальных убеждений, например, реакция на стимул «не любо – не слушай» – «не любо – не пиши: общение с человеком *вконтакте*» (социальная сеть); стимул «Шарль Бодлер» – реакция «зарубега»; стимул «Христос» – реакция «Пасха, яйца»; стимул «чужой» – реакция «скинхеды»; стимул «Тайная ве-

черя» – реакция «пропаганда еврейского национализма».

Некоторые ассоциации носят формальный характер: стимул «Эдгар По» – реакции «большая белая книга на полке»; «очень короткая фамилия».

Яркие психологические (ценностно окрашенные) реакции даются на стимулы-концепты: стимул «жалость» – реакция «бедные, бездомные люди, голод, холод»; стимул «не ведаем, что творим» – реакция «нужно простить тех, кто совершил грех, нанес обиду. Бог простит»; стимул «чужой» – реакция «чужой человек, враг, плохой, не родной».

7. Признаки возникающих ассоциаций:

Развернутые, яркие ассоциации возникают как реакции на русские национальные концепты, а также на ПФ «не ведаем, что творим», «продавать свою тень». Эти ассоциации носят *субъективный оценивающий* характер.

Развернутые ассоциации даются на прецедентные имена «Лев», «Машенька», «Христос», «Стенька Разин». Чаще они связаны с прецедентной ситуацией или представлением об определенном субъекте.

Развернутые ассоциации даются на прецедентную ситуацию «Русская революция» и также носят оценивающий характер. В основном, оценки этого явления отрицательные или нейтральные: «большевики в шинелях, со штыками на плечах по ночам бродят по городу, ... тайные грязные убийства, ... холод, голод, страх»; «жестокость, пролетариат»; «смерть крестьян, крики, несправедливость, раскулачивание»; «красный цвет, Ленин, трудовой народ»; «история, война, мятежи, доблесть»; «кадеты, штурм Зимнего, красногвардейцы, Ленин».

Отрывочные, бессвязные ассоциации как показатель недостаточности культурных знаний возникают на мифологические стимулы «Адонис», «Вечное возвращение»; на имена писателей «Шарль Бодлер», «Эдгар По».

Общие выводы:

Проведенный психолингвистический эксперимент констатирующего типа помог получить представление, во-первых, о механизме расшифровки этнокультурных смыслов в когнитивном пространстве художественного текста (ПФ в имени главного героя романа «Машенька» *Лев* вызывает образную, эмоциональную, оценочную реакцию испытуемых; имя главного героя связывается в сознании читателя с жизнью и творчеством Л. Н. Толстого, а также с национально-маркированными признаками соответствующего зооморфного образа) и, во-вторых, об уровне эстетической компетенции испытуемых; определить «сильные» и «слабые» стороны восприятия текстов; понять, насколько адекватно студенты могут воспринимать творчество Набокова; определить направления дальнейшей учебно-методической работы.

К «слабым сторонам» понимания художественного текста студентами можно отнести следующие:

- недостаточность базовых лингвокультурных знаний при восприятии контекстов с ПФ;
- недостаточно развитые рефлексивные навыки;
- недостаточно развитые навыки аналитической текстовой деятельности.

В целом, приходим к выводу о *недостаточно развитой эстетической компетенции учащихся* и считаем целесообразным внести следующие предложения:

- формирование базовых лингвокультурных знаний с целью более глубокого осмысления текста;
- знакомство со спецификой творческого метода и художественной системы В. Набокова;
- формирование аналитических умений с использованием специальных методик, в том числе посредством структурирования когнитивного пространства текста;
- освоение принципов концептуального, лингвосмыслового, лингвокультурологического анализа текста.

Литература

1. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста: учеб. пособие для студентов, аспирантов, преподавателей-филологов. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 526 с.
2. Залевская А. А. Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001. – С. 39.
3. Колодина Н. И. Теоретические аспекты понимания и интерпретации художественного текста. – Воронеж, 2002. – 136 с.
4. Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: курс лекций. – М., 2002. – 126 с.
5. Сидорова Т. А. Анализ художественного текста: учеб.-метод. рекомендации для студентов-филологов / Поморский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Архангельск: Поморский университет, 2008. – 40 с.

УДК 811.161.1'271

Христина Марьяк

ПРОБА ІСТОРІОГРАФІЧНОГО ПЕРЕЛІКУ ПОЛЬСЬКИХ ПРИСЛІВ'ІВ І ПРИКАЗОК. ХРОНОЛОГІЯ ПАРЕМІОЛОГІЧНИХ ЗБИРОК

Стаття посвящена сопоставленію польських пословиць і спробі складання їх хронологічного списку. Расцвет пословиць припав на епоху Відродження. Внаслідок цього були латинські пословиці, до яких пізніше були підібрані польські відповідники. Таким чином ці пословиці були перенесені в польський мову. Стаття включає підбірку польських пословиць.

Ключевые слова: пословиці, польські пословиці, переклад пословиць з латини на польський мову.

Khristina Maryak

CHRONOLOGICAL COLLETION OF POLISH PROVERBS

The article concerns the collection of Polish proverbs. Polish proverbs – an attempt to compile a chronological list. The heyday of the proverbs occurect in the Renaissance. In the beginning these were the Latin proverbs to which Polish counterparts were later found. In the and the proverbs were transferred into the Polish language. The article constitutes the collection of Polish proverbs.

Keywords: proverbs, Polish proverbs, translating proverbs from Latin to Polish.

Предметом дослідження у цій статті є проба презентації польського пареміологічного матеріалу. Як знаємо, серцевиною пареміологічного фонду мови є прислів'я і приказки. Назва *przysłowie* зачерпнута з латинської мови – *adagium, proverbium*, сильно акцентує обрій латинських впливів у Польщі, який існував аж до XVIII ст. [1]. Багато європейських народів єднала велика шанобливість і серйозний стосу-

нок до прислів'їв як “незвичайних” слів, що можна помітити при аналізі різних мов, де прислів'я вважається народною сентенцією, висловленою при нагоді, тобто при слові (пов. напр. укр. *при-слів'я, приказка, при-повідка*; рос. *по-словица*, поль. *przy-słowie*, анг. *Say-ing, pro-verb*; ісп. *Pro-verbio*; нім. *Sprich-wort*) [2, с. 372].

Ці короткі, ритмічно організовані й образні вислови, що мають емоційно-

експресивний характер, готову формулу вживання та постійний склад, від незапам'ятних часів відігравали важливу роль у житті кожного народу. З огляду на те, що прислів'я і приказки переказують у повчальній формі весь життєвий досвід минулих поколінь, виконують вони різні функції, напр. повчальну, виховну, волюнтативну, комунікативну та естетичну. Важливим є також їхній прагматизм, аргументативність та активний вплив на користувача. Немає такої сфери в житті жодного народу, яка б не знайшла відображення в іскрометних і мудрих прислів'ях і приказках, в яких яскраво відтворений не тільки характер, але й побут, звичаї, уподобання. Як зазначає сучасний дослідник пареміології, Т. Панасенко, ці перлини народної мудрості, рідко просто констатують якийсь факт, вони рекомендують чи застерігають, схвалюють або засуджують. Ідейно-тематичний діапазон прислів'їв та приказок такий різноманітний і багатий як життя, в його історичному розвитку [3, с. 3].

Прислів'я і приказки і трактуються як сконденсований розум нації. У всьому світі вони овіяні особливим авторитетом: поляки звуть їх *mądrością ludu*, українці – *мудрістю народів*, росіяни – *крылатой мудростей*, французи – *«ехом досвіду»*, а німці вважають, що у прислів'ях *«зосереджена правда»*. Галицький вчений І. Франко [4], звав їх *«коштовними перлинами»*, натомість літератор М. Т. Рильський порівнював з дорогоцінним алмазом, якого слід доглядати і шліфувати, *«щоб дедалі більше граней переливалось і виблискувало»* [5, с. 41].

Основним місцем, з яким пов'язане народження прислів'їв вважається усна народна творчість. В. Даль писав, що за прислів'ями треба йти в народ, тому що більш едуковані, так звані *«вищі сфери»* готових прислів'їв не приймають, а своїх власних нестворюють; й картини життя, і мова, якою побудовані прислів'я для них чужа. За одну з причин такого факту Даль

подавав бажання бути освіченому, тобто ввічливому, культурному і чесному, а прислів'я часто докоряє, *«коле не в брові, а прямо в очі»* [6, с. 6].

Маючи на увазі факт, що зміст прислів'їв і приказок сповнений людського буття, їх використовують віддавна і дуже часто. Однак, історія пареміології (а потім і пареміографії), так в Польщі, Україні, як і в інших країнах Європи, починається щойно у Середньовіччі. Справжній розквіт прислів'єзнавства у письмовому розумінні, мав місце у добі Ренесансу, завдяки праці голландця Еразма з Роттердаму, який першим видав збірку прислів'їв *Collectanea Adagiorum* (1500 р.).

Пареміологічні дослідження у Польщі започаткували збірки байок, прислів'їв та приказок з XVI ст. У 1522 році у Кракові вийшла праця Б'єрната з Любліна під заголовком *Źywot Ezopa Fryga, mądrca obyczajnego i z przypowieściami jego*, в якій автор помістив біля 300 прислів'їв взятих з розмовної мови люду. Другим тогочасним видавцем мудрослів'я є Ян з Кошичек, якого разом з Б'єрнатом з Любліна вважається за авторів шкільних підручників, у яких – при латинських прислів'ях – поміщали польські відповідники [7, с. 25–52.]. Дослідники польської пареміографії, Ю. Кжижановський і Ст. Свірко, за перше зафіксоване прислів'я вважають польсько-латинський вислів: *quando sk iyka drNż, tunc ea drzy* датоване 1407 роком [8, s. XVIII]. Початково, дуже поширеним було видавання книг з прислів'ями, цитатами чи афоризмами перекладеними з латинської чи грецької мов. Народне мудрослів'я часто з'являлось при писанні творів чи віршів, напр. М. Рея, Яна Кохановського та інших польських письменників і поетів. Часом оригінальні цитати деяких авторів набували узагальнення, неоднократно ілюструвались барвним описом, влучною чи розгорнутою думкою, потім набували розповсюдження і ставали прислів'ями. В усному переказі афоризми часто губили автора, напр. *«wiatrem nadziei»*

ne puknęły nadzieje» «doktor nie puścił, ale drzwi puściły» (у тому випадку Я. Кохановського), а почали вживатися як узагальнення [9, s. 101–138].

Першим пареміографом XVII-вічної Польщі був знаменитий філолог-латинник Саломон Рисінський, придвірник воєводи Радзівілла і вчитель його дітей, зацікавлення прислів'ями якого зродились у момент стику з європейською культурою в наукових осередках Німеччини, Італії, Франції. У 1618 р. С. Рисінський видає у Лубчу збірник прислів'їв *Proverbiorum Polonicorum a Salomone Rysinio collectorum Centuriae decem et ecto*, у якому характеризує прислів'я і подає генез власних пареміологічних зацікавлень. У цій, складеній алфавітно за принципом початкових літер прислів'їв, понумерованій та усистематизованій збірці, автор вказує на дидактичний аспект прислів'я як елементу художнього твору. *Proverbiorum Polonicorum Centuriae*, разом з прислів'ями поміщали чимало фразеологічного матеріалу взятого з живої мови всіх прошарків суспільства давних Сарматів, народні вислови розмовного варіанту, а навіть вульгаризми. У наступних виданнях праця Рисінського, що прийняла польську назву *Przypowieści polskie (Adagia Polonica)*, з часом стала вони гігантним словником, у якому знаходилось близько 5 тис. цінних прислів'їв. *Adagia Polonica* відомі були у наших сусідів: чехам приблизив їх Jan Amos Komensky, словакам – Daniel Synapius Horcicka, а на Київській Русі послуговувались скороченими фрагментами цього твору [10, s. 11]. По кількох віках *Przypowieści polskie* С. Рисінського були рівно ж використані С. Адальбергом.

Наступною польською пареміологічною збіркою став *Skarb polsko-iacicko-grecki (Thesaurus Polono-Latino-Graecus)* видатного лексикографа, єзуїти Гжегожа Кнапського. Останній том *Thesaurusa* вийшов у 1632 р. і обіймав прислів'я, приказки та ідіоми, які автор поповнив генезисом, джерелом постання, поясненням значення,

численними синонімами тощо. На підтвердження своїх слів наведу приклад заміщений під гаслом «Неволя» Г. Кнапський, помістив три зразки: *Niewola wszystkiego nauczy; Potrzeba nauczy szukać chleba*, і *Niewola narzēbi drew*; водночас відсилав до виразів: «*Desperacja. Ziy giyd*».

На рубежі XVII і XVIII в. творить відомий політик, воєвода, канцеляр коронного саського війська – Ян Станіслав Яблоновський. Засуджений за політичні погляди Августом II, під час перебування у в'язниці пише справжню енциклопедію життя тогочасних поляків *Politika wioska i polska albo przysiovia wioskie po wiosku zebrane i na polski jkzyk przetiumaczone, polskimi przysioviai przyczynione*, якої рукопис, на жаль, знищили воєнні буревії. Спадщину Яблоновського пробував відтворити і поповнити власними прикладами Йоахім Бенедикт Хмеловські, автор комічного твору *Nowe Ateny albo Akademia wszelkiej sciencyjej peina*. Ця робота недокінця пареміологічна, тому що прислів'я, які її складають автор змішав з сюжетами казок і короткими смішними не завжди реальними історіями [8, s. XXII–XXIII].

Епоха барокко у Польщі назначена сильним письменницьким впливом двох знаменитих прозаїків Анджея Максиміліана Фредри (1629–1679) і Вацлава Потоцького (1621–1696). А. Фредро видав *Przysiovia myw potocznych albo przestrogi obyczajowe, radne, wojenne* (1658 р.), у яких поєднав з собою існуючі досі «*adagia*» розмовної мови з власними афоризмами. Його робота була настільки популярною, що протягом двох віків перевидано її аж десятикратно. Натомість, В. Потоцький, свої *Moralia* побудував на латинських текстах з *Adagia* Еразма, які заступив польськими відповідниками.

Початок доби романтизму приносить зворот до «національності» і пожвавлює процес видавання прислів'їв – крім шкільних книжок з прислів'ями, з'являються перші дво- і тримовні словники. У 1735 р.

варшавський пияр Арнольд К. Жегліцькі видає *Adagia Polonica*. Пів віку пізніше, 1786 року, у Кракові появляється латинський підручник *Aelii Donati vetustissimi Grammatici Elementa*. В 1782 р. у Варшаві виходить *Dictionnaire des proverbes francais de facons de parler avec explication allemande, latine polonaise*, натомість 1786 р. у Вроцлаві *Polnische Grammatik* Яна Моне-ти, котру 10-кратно передруковувано (вона конкурувала з виданим 1712 р *Kleiner Lustgarten* Яна Кароля Войни з Ясеніці).

Наступний період у фіксації паремій це останні десятиліття XVIII в., коли розгортається збирання “власних” рідних прислів’їв, і помітним стає інший спосіб їх трансформування. Уже не повністю, а фрагментарно чужі прислів’я транслюються на рідний ґрунт; їх наповнюють «місцевим» колоритом, що дає серйозний зачин під перші національні збірки. Злам XVIII і XIX ст. – період великого схилу до широко розумілої «народності», погляд у душу народу, зацікавлення «народним духом», «національністю» мови. Молоді ентузіасти народності звертаються до простого люду як до чистого, не скаженого джерела, з якого можна брати наснагу для себе. Першим знавцем народної літератури стає варшавський ерудит, відомий дослідник культури, літератор-графоман Казімеж Владислав Вуйціцький (1807–1879). Свою трудову роботу, яка охоплювала майже усі види народної творчості (не тільки прислів’я чи приповідки, але і пісні, і казки), завершив виданим у 1830 р. тритомним ділом *Przysiovia narodowe, z wyjańnieniem urydia, poczNetku oraz sposobu ich uiycia okazujNecujNce charakter, zwyczae, obyczaje, przesNedy, staroitynoъci i wspomnienia ojczyste*. Автор пробував навести деякі пояснення прислів’їв, але не опирав їх на наукових схемах, а на особистих придумках і вигадках, через що, його робота була критикована, як з мериторичної, так й з методологічної сторони [11, s. 12]. Шість років пізніше Вуйціцький видає,

опрацьовані на базі прислів’їв Рисінського і Кнапського – *Staroityne przypowieъci z w. XV, XVI, XVII*.

На цьому місці гідним підкреслення здається нам факт, що прагнення до простого люду. Зацікавлення його життям і творчістю спричинило появу багатьох, обмежених територіально прислів’їв і приказок, що з часом склали збірки. У пареміологічній науці, що досліджувала елементи регіональної культури насиченої фольклорними сюжетами, вимінити треба такі збірки та вирізнити такі прізвища, як:

- *Przysiovia i mowy potoczne ludu polskiego na SzlNesku* Юзефа Ломпи (1858);

- працю Флоріяна Цейнови, у який досліджував він фольклор кашубів Примор’я. У виданому 1868 р. *Skorbie kaszebsko – slovjnske mowe* помістив “*Pierwszy tysNec godk*»;

- Тимотея Ліпінського, видатного знавця прислів’їв Мазовша, який самостійно збирав прислів’я у терені середньої Потльщі (особливо Мазовша), описував, пояснював і систематизував, а потім друкував їх на ламках різних часописів і календарів;

- подоляка Александра Верига Даровського (1815–1874), який писав польською та українською мовами *Przysiovia polskie odnoszNce sik do nazwisk szlacheckich i miejscowъci*;

- Юзефа Лепковського, автора *PrzeplNdu krakowskich tradycji, legend, naboiectw, przysiyw i wiaъciwъci* (1866);

- Анджея Цінціалу, автора *Przysiyw, przypowieъci i ciekawszych zwrotiw jkzykowych ludu polskiego na ЪlNesku i w ksikstwie Cieszyckim* (1885).

Усі ці видання були дуже цікавими, і різноманітні тематично. Кожне з них внесло у пареміологічні дослідження щось нове – перш за все ці праці збагатили загальну скарбницю польського мудрослів’я народною колоритністю і регіональною барвністю, особливо в аспекті насиченості етнографічними прикметами і діалектними рисами.

На тлі цих, менших за обсягом та ідейно-тематичним діапазоном праць, міцно вирізняється обширна робота славетного народознавця і фольклориста з XIX ст. Оскара Кольберга *Przysiówia*. Об'єм його праці величезний – він становить понад 27 тис. прислів'їв, у тому, – що цікаве, – також українські прислів'я з Покуття, частини Бойківщини і Закарпаття. Частина етнографічного матеріалу – самостійна трудова збирацька робота Кольберга, але значна більшість взята від його попередників, м. ін. Яна Радванського *Kalendarz Krakowski*, Анджея Жидовського *Gorzkiej wolności miodziecczej* з кінця XVII, Юзефа Конопкі, видавця *Pieśni ludu krakowskiego*. У добі романтизму майже усі письменники, поети та творці художнього слова звертались до народної мудрості та брали з неї потрібне до прикрашення своїх творів. На цьому місці слід згадати хоча б Александра Фредро автора *Zemsty, Gwaitu, co się dzieje* і *Pana Beneta*; А. Міцкевича, автора гуморесок *Leszek i Mieszek, Iony upartej* чи Ю. Словацького – автора *Balladyny*. Серед XIX-вічних видань на увагу заслуговують ще *Przysiówia, przypowieści, lokucje, maksymy i sentencje polskie* Францішка Кораба і *Przysiówia. Kartki z dziejów literatury i kultury polskiej* Олександра Брюкнера.

XIX вік датується визначенням пареміології як окремої науки. Першим польським вченим, який підійшов до неї як самостійної наукової дисципліни був Самуел Адальберг, великий вплив на творчість якого мав І. Бернштейн – купець і промисловий діяч. І. Бернштейн не тільки що збирав прислів'я, але і залюбки читав та купував різні книжки, через що протягом свого життя нагромадив потужну книгозбірню, яку, до речі, самотужки описав. Його *Katalog dzieł treści przysiówiowej składających się z biblioteki Ignacego Bernsteina* міцно збагатив Бібліотеку Ягеллонську університету.

Книжковим надбанням І. Бернштейна значною мірою скористався С. Адальберг, який у 1894 рр. видав *Księgę przysiów,*

przypowieści i wyrażenia przysiówiowych polskich – 30 тис. прислів'їв і 40 тис. їх варіантів. Польський вчений зібрав увесь до теперішній лексикографічний матеріал, упорядкував його за принципом алфавітної системи, посилаючись на К. Ф. Вандера *Deutsches Sprich wörterlexicon* (принцип «заголовка»). Свою працю автор почав з латинського підручника XVI в. (1549 р.) *Ex Terentii comediis colloquiorum formulae selectae* Матвія з Перемишля і Валеного з Кент [8, s. XXVIII]. Найстарші зразки цієї збірки походять з копії-виписки Т. Ліпінського, хоч автор нерідко відкликувався теж до різних джерел і літературних творів. Основним пунктом праці С. Адальберга був принцип «ядро – центр» пареміологічних одиниць, де подавав більш або менш тривалий засіб слів. Цей принцип зберігся рівнож у чотиритомній *Nowej księdze przysiów i wyrażenia przysiówiowych polskich* Ю. Кжижановського, якої три перші це фактографічний матеріал, а четвертий – бібліографічний покажчик та індекс.

Робота Адальберга мала певні недоліки (скорочення прислів'їв, особисті авторські поповнення, перекручені слова, що виникало з неясності і частинного нерозуміння під час трансляції старопольської мови, яку не завжди добре перекладено). Однак не дивлячись на ці негаразди, *Księga przysiów i wyrażenia przysiówiowych polskich* відзначалась новизною алфавітно-гаслової системи укладання. Це великий подвиг не тільки слов'янського, а європейського масштабу і слід вважати її за скарбницю, з якої дослідники і колекціонери можуть черпати інспірацію для себе. Ділом Адальберга взувалися м. ін. словацький пареміолог Адольф П. Затурецький, автор *Slovenske prislovia* (1897).

У передвоєнні роки появилось кілька пареміологічних видань: у 1931 р. *Paremiografia polska w XVII w.* Леона Стернбаха; у 1933 р. *Przysiówia polskie* Яна Станіслава Бистронія та у 1939 р. *Przysiówia klasyczne*

w polszczyźnie Тадеуша Сінко, у яких автор попрабував віднести польську літературу до античних традицій. Воєнні роки, що зрозуміло, становлять мертвий етап у польській пареміології. Робота над прислів'ями починається у половині 50-тих років. Насамперед з'являється невелика книжка *Młodej gowie dońż dwie siowie* Ю. Кжи-

жановського (1958, 1960 р.), що становить дотеперішній доробок польських видань. На сьогоднішній день польська пареміографічна наука, – хроніку якої ми представили у цій статті, – завершується на чотиритомному виданні *Nowej księdze przysiów i wyrażec przysiówowych polskich* J. Кжижановського.

Литература

1. Przy czym, jak wyjaśnia. J. Krzyżanowski, wyraz *proverbium* przeszedł do masy języków nowoczesnych, w postaci *śłowa* nieco zmienionej, jak wioskie «proverbio», francuskie «proverbe», angielskie «proverb», *śłowa* przejętionej z łaciny, jak nasze przysiołki lub rosyjska «posiowica». Z przyrostem go wyrazami innymi wymienię tu *moim* staropolskie «przypowieść» lub niemieckie «Sprichwort», [w:] J. Krzyżanowski w *Dziejach przysiołki polskiej w toku pięciu wieków*, [w:] *Nowa księga przysiów i wyrażec przysiówowych polskich*. – Warszawa, 1969. – T. I–III. – S. XVIII.
2. СУМ в 11 т. – Київ, 1978. – Т. 9.
3. Українські прислів'я та приказки, Упор. Т. М. Панасенко. – Харків, 2006.
4. Франко І., Передмова до I тома «Галицько-руських народних приповідок», «Етнографічний збірник». – 1905. – Т. XVI. – С. XI, [w:] О. Дей, Іван Франко і народна творчість. – Київ, 1955. – С. 16.
5. Рильський М. Т. Як парость виноградної лози. – Київ, 1973.
6. Даль В. И. Пословицы русского народа. Сборник. – М., 2004.
7. Bruckner Aleksander. Przyczynki do siownictwa polskiego. – Kraków, 1903.
8. Krzyżanowski J. *Dzieje przysiołki polskiej w toku pięciu wieków*, W: *Nowa księga przysiów i wyrażec przysiówowych polskich*. – Warszawa, 1969. – T. I–III.
9. Szmydtowa Zofia. *Przysiołki i zwroty przysiołkowe w utworach Kochanowskiego*, «Pamiętnik Literacki» R. 45 1954 z. 1–2, *Poezi i poetyka*. – Warszawa, 1964.
10. Juń R. *Pisarze kręgu Akademii Kijowsko – Mohylańskiej a literatura polska*. – Kraków, 1966.
11. Kolberg O. *Przysiołki*. – Warszawa, 1977.

УДК 81

Л. В. Алеева

АТРИБУТИВНЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ В ЛИРИКЕ ИГОРЯ СЕВЕРЯНИНА

В статье проведен анализ словотворчества Игоря Северянина.

Несмотря на удивительный, неповторимый идиостиль этого поэта, его приверженность к необычности вербального выражения, результаты исследования говорят о полной прозрачности мотивации и потенциальности неопределенных Северянина. Используемые им словообразовательные модели регулярны. Такой парадокс: необычное звучание, яркая метафоричность, с одной стороны, и соответствие нормам словообразования, с другой.

Необычность при внимательном рассмотрении заключается в способности соединить диффузные элементы бытия в один художественный образ. Выражаясь иначе, в способности собрать в одно слово совокупность смыслов развернутого базового словосочетания, номинировать многокомпонентное в семантическом плане понятие одной лексемой.

Ключевые слова: словотворчество, неодериват, метафоричность и потенциальность, мотивированность, словообразовательная модель.

L. V. Alpeeva

ATTRIBUTIVE VERBAL FORMS IN THE LYRICS BY IGOR SEVERYANIN

The article gives the analysis of creation of words by Igor Severyanin.

In spite of amazing, unique, idiomatic style of the poet, his fidelity to the unusual verbal expressions, the results of the research confirm full transparency of motivation and potentiality of neo-derivatives by Severyanin. Derivational models used by Severyanin are regular. The paradox is, on the one hand, unusual speech, brightly metaphorical, however strictly following the standards of derivation. Peculiarity, at close scrutiny, is in his ability to connect diffuse elements of existence in one artistic image. In other words, in the ability to assemble the collection of meanings of a detailed base word combination in one word, to nominate semantically multi-componential notion by one lexeme.

Keywords: creation of new words, neo-derivative, metaphor and potentiality, motivation, derivational model.

Микрокосм лирики Игоря Северянина «бриллиантится» (используем придуманное им слово) смелыми образами, облаченными в не менее смелую форму. «Осмысленные неологизмы», как их называл сам поэт, значились в «Скрижалях Академии Эгопоэзии» – программном манифесте эгофутуризма – пунктом четвертым, далеко не последним. Северянин как будто выдумывал новый словарь, о чем Ходасевич писал так: «...поток непривычных, как бы только найденных слов создает для читателя неожиданную иллюзию: начинает казаться, будто акт поэтического творчества совершается непосредственно в нашем присутствии... Это и дает Северянину возможность с примечательной остротой выразить то, что является главным содержанием поэзии Северянина: чувство современности, биение ее пульса» [1, с. 2].

Лирический текст – максимально экспрессивная единица, где на первый план выходит эмоциональное состояние и переживания лирического героя. «В художественном дискурсе эмоционально-

экспрессивное пространство как бы перекрывает событийную линию, доминируя над пространством информационным» [2, с. 18]. Но тончайшие оттенки чувств зачастую не имеют вербального воплощения в общепринятом языке, и стремление как можно более выпукло и четко выразить их обычно реализуется при помощи деривации. «Необычность писательского слова внешне противоречит прописным грамматическим истинам, а на деле оказывается точностью искусства, точностью свежего взгляда на примелькавшиеся вещи» [3, с. 257].

Неодериваты Северянина мотивированы, имеют семантические и формальные ассоциации с номинатом, в них вычленяются, хотя и не всегда однозначно, формально-смысловые элементы, чего нельзя сказать о многих находках представителей других направлений футуризма.

Среди слов с процессуальной семантикой в языкознании традиционно выделяются непосредственно глагольные формы (личные, спрягаемые), а также причастия

и деепричастия (атрибутивные формы). Именно данный пласт лексики превалирует в произведениях Северянина, что связано, как представляется, с неременной лирической взволнованностью, постоянным движением эмоций лирического героя и непрерывным переливанием из одного состояния в другое окружающего его мира. Отметим попутно, что среди неологизмов общенародного языка первое место на любых временных срезах занимают, напротив, субстантивы. К данному выводу относительно современного этапа развития и функционирования языка можно прийти, анализируя материалы словарей новых слов, язык современной публицистики. Следовательно, глагольная лексика – это речевая доминанта, свойственная именно идиостилю Игоря Северянина.

Деривационные модели, используемые поэтом для образования глаголов, разнообразны. Хотя в поэтической речи словообразование является более раскрепощенным, чем в стандартном языке, в лирике Северянина большая часть новообразований является потенциальными словами, т. е. продуцированными по имеющимся словообразовательным моделям. Потому, конечно же, не прав был В. Брюсов, утверждая, что Северянин не имеет понятия о законах словообразований.

Область возможного – вот фундамент словотворчества Игоря Северянина. Его дериваты легко членятся, мотивация их прозрачна, потому они, органично вплетаясь в текст, его образную систему, не пропадают втуне, а впитываются читателем. Чаще всего это суффиксальные и суффиксально-префиксальные отсубстантивные и отадактивные дериваты, например: *арфеть* (*арфа*), *святеть* (*святой*), *кострить* (*костер*), *седить* (*седой*), *хрустальить* (*хрусталь*), *окалошить* (*калоша*) и т. д. Благодаря семантике аффиксов, соединяемых с известными языку основами, с ними происходят значительные лексические метаморфозы, создающие новые кванты смыс-

ла. Многими критиками (А. В. Науменко, В. П. Григорьевым, В. Рождественским и др.) отмечалась как наиболее распространенная среди неодериватов Северянина модель «о= + глагол» [4]. С этим нельзя согласиться, т. к. приставка о= не является самостоятельным формантом в авторских новообразованиях поэта, она всегда задеируется вкупе с постфиксами (в широком значении), из которых чаще всего наблюдается суффикс =и=: *овагонить*, *олазорить*, *окудесить*, *оперлить*, *офлерить*, *окольчить*, *осуеверить*. Единственным примером префиксального деривата, продуцированного при помощи данного форманта является *онедужить* («Медальоны. Бизе»).

Интересно отметить, что достаточно большое количество глаголов образовано от существительных, тематически связанных с различными явлениями природы, временами года, суток: снег → снежить, листва → полиствовать, солнце → солнцеветь, ручей → ручиться, водопад → водопадить, молния → вломниться, огонь → огневеть, весна → весенеть, лето → отлетить, осень → заосенеть, утро → утреть.

Некоторые наиболее значимые в лирике Северянина символы служат источником порождения целых авторских парадигм и цепочек: лед → выльдить, зальдиться, обезольдиться; луна → лунеть, луниться → лунящийся, олунить → олуненный; весна → весенеть, весениться, море → мореть, морево (сущ.), моревой → морево (нар.); ветер → ветрить → ветриться, трель → трелить → протрелить, ночь → ночеть → заночеть.

Любое «стихотворение – сложно построенный смысл. Все его элементы – суть элементы смысловые, являющиеся обозначением определенного содержания» [4, с. 38]. Такие слова, как лунеть, мореть, ночеть и подобные, являются актом метафорической номинации, соединяющей диффузные элементы бытия в некую смысловую совокупность.

Среди атрибутивных глагольных форм менее всего деепричастий: оглупив, огимнив, захлебывая, молоточа, сенокоса, окандалив, накорзинив, обананаса, качеля, обволокнув, эскизя, наркозя, разлоконив. Здесь ненормативна опять-таки не данная форма сама по себе (использованы стандартные суффиксы =в= и =а/я=), а отсутствие глагола как исходной формы для названных деепричастий. И если достаточно распространены случаи создания причастий от несуществующих глаголов, что отмечалось русистами еще в 50-е годы, а сами случаи наблюдаются еще с начала XIX века (ср.: пушкинское «...я огончарован»), то наличие деепричастных форм при отсутствии глагола – явление редкое и в наши дни, когда сфера чересступенчатого словообразования имеет тенденцию к значительному расширению, и совсем исключительное в начале прошлого века.

Потенциально возможные глаголы здесь могли бы быть образованы по тем моделям, которые встречаются у Северянина регулярно и названы нами выше: глупый → оглупить, гимн → огимнить, сенокос → сенокосить. Всего лишь в двух случаях – это отглагольные дериваты, причем один образован усечением постфикса =ся (захлебывая), абсолютно не свойственным нормативному языку способом, а другой замыкает ряд видовых корреляций в глагольной цепочке: волочь → обволочь → обволакивать → обволокнуть (обволокнув).

В большинстве текстов данные деепричастия, как и все неодериваты, выполняют в первую очередь номинативную функцию, обозначая действие, как-то связанное с тем, что названо мотивирующим словом: огимнив – «сделав гимном», оглупив – «сделав глупым» и т. д. Но некоторые из них появляются в тексте и по другим причинам. Тонкий стилист, Северянин заботится не только о смысле, но и о музыке поэтического слова, потому его неологизмы, в отличие от кубофутуристических,

ориентированы на благозвучие. Так, функция номинации не единственная для деепричастия качеля, которое используется в значении нормативного качая прежде всего для аллетирации в качестве одного из звеньев фонетического ряда л – к – ч в стихотворении «Лунные блики» (1919):

Лучше скользить лианно к солнечному Граалю.
Кроликов лунно-бликих ловко ловить в атлас
Платьев лиловых в блестках. Пламенно лик
реалю
И, реализм качеля, плачу печалью глаз.

В этом четверостишии наиболее встречаемые звуки – это <л'> (12 раз), <л> (11 раз), <к> (7), <ч> (5). «Изысканность рифм и почти скрипичную напевность» лирики Игоря Северянина отмечал В. Рождественский, в целом отрицательно воспринимавший словотворчество Северянина, как «претенциозное и кричащее» [5, с. 13–17].

При анализе атрибутивных форм сразу бросается в глаза, что среди новшеств преобладают слова со значением процессуального признака (причастные формы), которые составляют 58 % от всех авторских новообразований.

Частеречный статус подобных слов современной лингвистикой однозначно не определен: их относят то к причастиям «от неупотребительных глаголов» (такие формулы видим в толковых словарях), то к прилагательным. Не вдаваясь в подробности, отметим лишь общее значение процессуального признака данных слов с заметными видо-временными и субъектно-объектными семами. Так, например, в словосочетании *оукленные грумики* («Городская осень») признак указывает на состояние, в которое приведен объект в результате определенного действия, т. е. налицо временная сема (процесс завершен), видовая сема (достигнут некий результат), залоговая сема (направленность действия на пассивный объект).

И если в лирике других поэтов (ср., например, с В. Маяковским) типичны именно такие причастные формы (страдательного залога, совершенного вида, прошедшего времени), то у Игоря Северянина они представлены самыми разнообразными моделями, где субъектно-объектные и видо-временные отношения в пределах адъективной единицы варьируются достаточно широко.

1. Модель «существительное + причастный суффикс =ющ/ящ(ий)» со значением «характеризующийся действием или состоянием, связанным с мотивирующим словом»:

Разве же способен мяч футбольный
И кишок *фокстротящих* труха
Разобраться с болью богомольной...

(«Поэту»)

Без слез рыдал *иронящий* Уайльд...

(«Оскар Уайльд»)

И поплыл я, вдыхая сигару,
Тяк седой и *качелящий* тюль...

(«Эксцессерка»)

И в рыбном, у кустов, угаре
Азартящие рыбаки.

(«Рыбная ловля»)

Несмотря на отсутствие соответствующего мотивирующего глагола в языке, данные адъективы имплицитно содержат вербальное значение. Эта модель не отмечена в «Русской грамматике» (1980), отсубстантивный суффикс =ющ/ящ= не числится ни в «Толковом словаре словообразовательных единиц русского языка» (1996), ни в «Словообразовательном словаре русского языка» (1985) А. Н. Тихонова. Это говорит об индивидуальности данной схемы продуцирования адъективов, которая тем не менее абсолютно прозрачна, т. к. слова, образованные по ней, легко декодируются читателем. Эти дериваты составляют 6,8 % от потенциализмов Игоря Северянина.

Разновидностью данной модели является схема, где представлен глагольный суффикс перед =ющ=:

Ты проходишь *мор/е/ющим* полем
Фиолетовым и голубым.

(«Поэза маковых полей»)

Ландыши воздушные, реющие ландыши,
Вечером *зим/е/ющим* льдяно зацвели...

(«Тундровая постель»)

Телам легко и сладко слиться

Для *весен/е/ющих* забав.

(«Поэза предвесенних трепетов»)

Если учесть, что производящие глагольные основы *мореть*, *зиметь* и *весенеть* присутствуют в поэтическом языке Северянина, то можно говорить о стандартной, не эллиптической деривации.

2. В большинстве случаев образование слов со значением процессуального признака происходит у поэта посредством присоединения нескольких морфем разного статуса, т. е. можно говорить не об одной пропущенной глагольной ступени, а нескольких, либо о пропущенном префиксально-суффиксальном глаголе, например:

И почему рябины кисточки
Пугают взоры быстрой ласточки,
На юг *завеерившей* перышки?

(«Триодиссона»)

Вдоль рябины, *нагроздившей*
Горьковатый коралл,
Мы проходим дороною...

(«Узор по канве»)

И ждать, как ждет подпоездник колес,
Невысмертивших мук!

(«Рондо оранжевого заката»).

Предполагаемые пропущенные ступени могут выглядеть так: веер → завеерить → завееривший, гроздь → нагроздить → нагроздивший, смерть → высмертить → высмертивший → невысмертивший. Данная модель – наименее распространенная среди атрибутивных форм, она составляет 2,3 % от общего количества новообразований поэта.

Среди причастных образований с суффиксом =вш= у Северянина встречается

и атрибутив, образованный от усеченной постфиксальной модели (относительно де-епричастий такой нестандартный пример был приведен выше):

[illegible]

Как меняется смысл от потери возвратного аффикса! Непроизвольное действие задохнуться меняется на осмысленно-волевое: задохнуть, задавить неуютное.

3. Наиболее частотна у Северянина модель, ассоциирующаяся со страдательным причастием прошедшего времени. Дериваты причастного типа, образованные суффиксальным способом непосредственно от субстантивов типа *минерализованный, ватированный*, ныне занимают свою нишу в словообразовательной системе и описаны дериватологами. Но северянинские причастия/прилагательные образованы префиксально-суффиксальным способом и содержат не только сему испытанного на себе действия, но и многие разновидности этих предполагаемых действий, выраженные приставками. Это ведет к созданию несравненно более богатых в семантическом плане, многослойных лексем, что значительно повышает их образность. Наиболее часто употребляются приставки *вы=, на=, о=, об=, про=*: *осеикошеный июль, обнебесенная река, наэлектриченные кошки, олуненная аллея, овесененный ребенок, вызеркаленные озера, опрозаиченная земля, омолощенный дым, осонетенный Коктебель, проозеренный бор, обезвопросенная душа, овосторженная молодежь* и т. д. Приведем примеры в контексте:

И покуда в окне *загардиненном*
Не сверкнул два веселых луча,
Буду думать о сердце Иринином...
(«Стихи сгоряча»)

Его душа – заплеванная Грааль,
Его уста – *орозенная* язва...
(«Оскар Уайльд»)

В последнем примере образность многоступенчатая: уста – язва – роза.

Достаточно часто такие производные не ограничены номинативным значением, они обрастают иными смыслами, становятся многозначными:

И царь, *омгленный* ароматом,
От страсти судорожно матов...
(«Бальнис и Вальтасар»)

Здесь и окутанный, окруженный ароматом царь, и затуманенный, одурманенный им.

Причастия страдательного залога употребляются Северяниным и в краткой форме:

О, слезы женские!
Все озеро вами *настроено*...
(«Слезы мертвых»)

А дорожка песочная от листвы *разузорена*...
(«Кензель»)

Блестко *выхрусталено* озеро...
(«Изоolda изo льда»)

Он *обезврежен* был по воле рока,
Его направившего в погреб...
(«Фoфанов»)

Олазoren шелковою тканью,
Коронован розами венка,
Напевая что-то из Масканьи,
Вспоминаю клумбу у окна...
(«Прогулка короля»)

Дериват *олазорен* многозначен: это и указание на то, что объект покрыт тканью, и указание на ее цвет. Интересен следующий пример:

И весенней девушкой *омаен*,
Упоен девичьей весной,
Талию твою сжимая,
Хочет жить больной.

(«В госпиталь»)

Двойственность возможной мотивации деривата (*май* и *маяться*) создает богатое наложение смыслов. Несомненная метафоричность глаголов, деепричастий и причастий Игоря Северянина – суть элементы целостной образности каждого стихотворения. В триаде текста: идея – образ – язык – они занимают свое место, становясь «средоточием идейно-эстетического содержания и определенной художественной формы, придающим ему индивидуальность и неповторимость» [6, с. 17].

В следующем примере повторы однокоренных слов делают их ключевыми словами стихотворения, подчеркивающими антитезу «телесного», с одной стороны, и абстрактного мира чувств, с другой:

Но ведь плотью вы оплотнены
И накровлены вы кровью,
Как же совладать вы можете
И со страстью, и с любовью?
(«Черные, но белые»)
Многие из адъективов служат средством
выражения иронии:
Да все же он, пустой, как шантеклер,
Проборчатый, *офращенный* картавец.
(«В лимузине»)
В смокингах, в шик *опроборенные*,
великосветские олухи
В княжьей гостиной наструились,
лица свои оглупив.
(«В блестящей тьме»)

Причастия страдательного залога в полной и краткой формах составляют

48,9 % среди авторских новообразований Северянина. Регулярное воспроизведение таких моделей есть не что иное, как деривационный повтор, являющийся разновидностью общезыкового повтора, также выполняющий экспрессивно-изобразительную функцию. В творчестве любого автора такой повтор моделей – свидетельство их концептуальной важности. У Северянина это не просто эпитет, это способ мышления: передача в одном и динамического признака, и состояния, и художественного образа, стягивающего в одно слово всю совокупность смыслов свернутого базового словосочетания. Пользуясь словами П. А. Флоренского, произнесенными по другому поводу, скажем: глагольные неодериваты Северянина – это «свившееся в комок предложение» [7, с. 126].

Если создание окказионального слова в поэтической речи часто является попыткой обновить стершееся имя, переименовать номинат (*популярить* вместо *популяризировать*, *озеровый* вместо *озерный*), то у Северянина данный аспект присутствует очень редко, чаще же такого имени и не было до него, это новое многокомпонентное понятие, родившееся в его ассоциативном мышлении и наименованное им. Каждый лирический текст Северянина – это образотворческое явление, где происходит непрерывное наименование всего того, что мысль художника находит вокруг и внутри себя.

Литература

1. Шутьпяков Г. Эскимос и лорнетка // EX LIBRIS. Книжное обозрение. Еженедельное приложение к «НГ». – 1999. – август. – № 33. – С. 2.
2. Буянова Л. Ю. Мысль, чувство, язык: пути семантической эволюции // Семантика языковых единиц. – М., 1998. – Т. 1. – С. 18–20.
3. Щерба Л. В. Язык и речевая деятельность. – Л., 1979.
4. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. – Л., 1972. – 270 с.
5. Рождественский Вс. Игорь Северянин (предисловие) // И. Северянин. Стихотворения. – М.: Советский писатель, 1975. – С. 5–40.
6. Новиков Л. А. Художественный текст и его анализ. – М., 1988. – 304 с.
7. Флоренский П. А. Термины // Вопросы языкознания. – 1989. – № 1. – С. 126–127.

Салида Шаммед кызы Шарифова

СМЕШЕНИЕ РОМАНА С ДРАМАТИЧЕСКИМИ ЖАНРАМИ

Драма является синтетичной – сочетает в себе эпическое и лирическое начало. Это способствует смешению драматических жанров с романом. Формы смешения романа и драматических жанров различны: роман-драма, роман-трагедия, роман-комедия и роман-мелодрама. Условно эти типы романа можно объединить под названием драматический роман.

Ключевые слова: жанровое смешение, роман, драма, драматический роман.

Salida Shammed kızı Sharifova

MIXING THE NOVEL AND DRAMATIC GENRES

Drama is a synthetic literary kind – combines the epic and lyrical elements. This has contributed to mix the novel with the dramatic genres. There are a different forms of mixing of the novel and drama genres: the novel-drama, novel-tragedy, novel-comedy and novel-melodrama. Conventionally, these types of novels can be grouped as a dramatic novel.

Keywords: mix of genres, novel, drama, dramatic novel.

Драматичность присуща роману как жанру в силу того, что его содержание предполагает развитие конфликтных отношений драматического типа [6, с. 20]. Борис Александрович Грифцов, проводя параллели между драмой и романом, отмечает, что «роман есть воображаемая драма, воображаемая в подробностях больших, чем то позволяли бы драме театральной, сценические условия» [3, с. 27]. Б. А. Грифцов приходит к заключению, что роман есть рассказываемая драма [3, с. 27]. Такая постановка приводит к содержательному совпадению понятий «роман» и «драма», что несколько некорректно с точки зрения теории литературы. Более точно соотношение романа с драматическим началом определила Наталья Самойловна Лейтес, которая утверждала, что «роман, предполагает развитие конфликтных отношений драматического типа» [6, с. 20]. Наличие конфликта в романе и предполагает его драматизацию, так как «конфликт

по своей сути «драматичен», он предполагает столкновение более или менее равных сил, предполагает действие и противодействие» [10, с. 234].

На смешение романного и драматического влияет и то, что сама драматическая литература есть синтез объективного и субъективного начал в художественном творчестве. Фридрих Вильгельм Йозеф фон Шеллинг (Friedrich Wilhelm Joseph von Schelling), представитель немецкой классической философии, характеризовал роман как «соединение эпоса с драмой». Виссарион Григорьевич Белинский также рассматривал драму как синтез эпического и лирического способов художественного воспроизведения жизни.

С В. Г. Белинским не согласен Вадим Валерианович Кожинов, который убежден, что драма не является синтезом эпоса и лирики [5, с. 43]. Согласно его позиции, эпос является синтезом драмы, лирики и присутствующего ему эпического начала [5, с. 43].

Близость романа и драмы обуславливается широтой художественного воспроизведения реальности. Как отмечал Алексей Владимирович Чичерин, драма, как и роман, «претендует охватывать жизненные явления с исчерпывающей полнотой» [14, с. 49]. Вместе с тем характер художественного воспроизведения различен. Справедливо отметил Борис Александрович Грифцов: «Драма катартична, роман – проблематичен» [3, с. 28].

Различна и динамика сюжета: драма отличается большей степенью динамичности сюжета в сравнении с романом, в котором события развиваются «медленно, потому что идеи и намерения основного героя должны так или иначе (*auf welche Weisees wolle*) задерживать развитие целого и приближение развязки» [15, с. 73]. Как следствие, хронотоп характеризуется непрерывностью и «необратимостью временного потока» [12, с. 107]. Тогда как композиция и хронотоп драмы предполагает некоторую прерывистость.

Например, в романе Оскара Уайльда (*Oscar Fingal O'Flahertie Wills Wilde*) «Портрет Дориана Грея» (*The Picture of Dorian Gray*), который именуют и романом-трагедией, текст содержит лишь отдельные значимые моменты в карьере главного героя: «читатель, *de facto*, не имеет целостной картины трансформации» [13, с. 13].

Несмотря на то, что динамичность сюжета романа традиционно уступает динамичности драмы, значения действия в романе выше. В драме действие служит поводом для раскрытия более значимого. Как подметил Николай Тимофеевич Рымарь, «во многих классических драматических произведениях действия-то почти и нет» [11, с. 9].

Роман и драма отличаются и характером конфликтности: в романе «внутренняя» конфликтность героев является доминирующей, тогда как «основу конфликта

в драме составляет столкновение положительного героя с чуждыми ему общественными силами, дающими о себе знать как нечто внешнее (отстраненное) по отношению к нему, т. е. внешнее противоречие» [7, с. 85]. Необходимо обратить внимание и на то, что в романе конфликтность носит мозаичный характер, так как предполагает множество индивидуальных конфликтов [9, с. 68]. Наличие некой черты, которая ограничивает степень слияния романа и драмы, приводит к тому, что некоторые писатели на базе собственных романов создают драматические произведения. Ярким примером этого феномена является пьеса Михаила Афанасьевича Булгакова «Дни Турбиных», сюжетная линия которой перекликается с романом «Белая гвардия».

Создание автором драматического произведения и романа, основанных на одной фабуле, можно констатировать и в азербайджанской литературе. Например, Нариман Нариманов (*Nəriman Nərimanov*) является автором романа и трагедии, известных под одним наименованием «Бахадур и Сона» (*Bahadur və Sona*). Мамед Саид Ордубади (*Məmməd Səid Ordubadi*), автор романа «Туманный Тебриз» (*Dumanlı Təbriz*), также является автором одноименной пьесы, состоящей из шести частей. Популярный азербайджанский писатель, председатель Союза писателей Азербайджана Анар является автором «Шестого этажа пятиэтажного дома» (*Beş mərtəbəli evin altıncı mərtəbəsi*), а также пьесы «Тахмина и Заур» (*Təhminə və Zaur*). Следует отметить, что созданные на основе романов пьесы отличаются более упрощенной композицией. Но в то же время драматическая форма представляет автору более широкие возможности для художественного отображения всей остроты сложившейся конфликтной ситуации.

Наличие вышеперечисленных различий между романом и драматическими произведениями приводят к тому, что роман и драма не совмещаются полностью: «насколько бы сильно ни был роман драматизирован, т. е. насыщен элементами драмы, он тем не менее в целом остается явлением эпоса» [7, с. 38]. Вместе с тем взаимодействие романа и драматических жанров приводит к формированию синкретических подтипов романа, которые в теории литературы обозначаются как драматический роман, роман-драма, роман-трагедия, роман-комедия, роман-мелодрама, роман-пьеса и т. д. Понятие «драма» употребляется в двойственном значении: как для обозначения литературного рода, так и для обозначения жанра. Предлагаем также соотносить определение «драматический роман» и «роман-драму». Целесообразно словосочетание «драматический роман» использовать в отношении группы романов, в которых смешение романного и драматического имеет существенное значение, оказывает влияние на жанровые признаки произведения. К вариациям же драматического романа относить роман-драму, роман-трагедию, роман-комедию и роман-мелодраму. Деление драматического романа на подтипы связано с тем, что при смешении романного и драматического начал имеет место вкрапление в роман элементов того или иного драматического жанра: драмы (в узком смысле), трагедии, комедии и мелодрамы. Отдельно следует отметить роман-пьесу: выделение этой вариации драматического романа обусловлено спецификой построения композиции.

Прототипом современного драматического романа можно считать произведение испанского писателя Фернандо де Рохаса (Rojas Fernando de), жившего в XV–XVI вв. Современник Мигеля де Сервантеса, Фернандо де Рохас, был автором «Трагикоме-

дии о Калисто и Мелибее» (Tragicomedia de Calixto y Melibea), которая более известна под названием «Селестина» (Celestina). Особенность жанровой конструкции этого произведения заключается в том, что она соединила в себе черты различных средневековых жанров. При этом произведение содержит смешение «высших» и «низших» жанров, которое связано с тем, что Фернандо де Рохас переплел и соединил изображение жизни «низших» слов с историей любви двух молодых горожан – Калисто и Мелибеи. Согласно сложившейся на тот период литературной традиции первый аспект изображался авторами с помощью «низших» жанров (например, новеллы), тогда как вторая тематика – с помощью «высших» жанров. Фернандо де Рохас пошел против этой традиции. Особо следует отметить, что «Трагикомедия о Калисто и Мелибее» не предназначалась для сцены. Поэтому ее нередко относят к жанровой форме, именуемой драма для чтения (Lesedrama), тем самым подчеркивая особый симбиоз эпического и драматического начал.

В драматическом романе наблюдается сильное воздействие на сюжет и композицию романа поэтики драмы, что приводит к театрализации художественного мира и хронотопа. Наталья Самойловна Лейтес отмечает основные черты драматического романа: «Драматический роман отличается острой выраженностью конфликтных отношений и драматизмом общей атмосферы. В его сюжетном развитии повышена роль поступков персонажей и столкновений между ними. В композиции драматического романа проступает центростремительная тенденция, выражающаяся в концентрической организации действия, в возрастании его напряженности и наличии кульминации. В драматическом романе большая роль, как правило, принад-

лежит диалогу. Повествование тяготеет к сиюминутной изобразительности, к преобладанию показа над рассказом» [6, с. 63].

Следует также отметить, что театрализация проявляется различно в зависимости от вариаций драматического романа. В романе-драме авторский замысел сконцентрирован на раскрытии посредством взаимоотношений людей в конфликтной ситуации. Герои романа-драмы вступают в бесконечные конфликты, в которых часты противоречия между внутренней свободой (личной тайной) и внешней (событийной) несвободой самовыражения. Театрализация в романе-драме призвана вовлечь читателя полностью в процесс сопереживания и соучастия, повествуя о событиях свершившихся. Ролан Барт справедливо отмечает, что в романе, который схож с драмой, изменяется сам характер повествования и «место» рассказчика в этом повествовании. Если в классическом романе мы сталкиваемся с рассказчиком, который повествует о динамике событий вокруг себя, то под влиянием драмы рассказчик «откачивается от привычной повествовательной позиции: его место – не за столом, не перед своим рассказом; его работа – это, скорее, постоянное перемещение, цель которого – двигаться сквозь повествовательные коды, убирая ими, словно коврами, стены того бесконечного коридора, по которому он путешествует, – то есть пространство текста – примерно так же, как если бы множество писателей одновременно стали составлять мозаику из фрагментов сказаний, чтобы превратить развертывание словесной цепи в сценическое пространство словесного действия» [1].

В романе-драме современного азербайджанского писателя-переводчика и сценариста Наримана Абдульрахмана (Nəriman Əbdülrəhmanlı) «Одинокий» (Yalqız) сюжетная линия выстроена во-

круг противостояния героя окружающему миру. Отличительной чертой романа является использование метода «потока сознания». Методом «потока сознания» передан монолог главного героя. В этом монологе раскрыты внутренние переживания героя, катастрофичность сложившейся в жизни героя ситуации, противоречивость общественно-политической ситуации в целом. Трагедия главного героя преподносится как составная часть общечеловеческой проблемы. Социально-политические противоречия раскрываются через призму внутреннего мира главного героя. Тем самым читатель становится как бы сопричастным к противостоянию главного героя и его переживаниям.

Для романа-мелодрамы характерен концентрированный эмоциональный накал, преподносимый на основе локального конфликта. В этом то и отличие романа-драмы от романа-мелодрамы. В романе-драме конфликт носит острый социально-политический характер, тогда как в романе-мелодраме конфликт носит характер житейский, касается личных чувств героев. Влияние мелодрамы проявляется при создании напряженности и сгущенности действий [2, с. 14]. Романом-мелодрамой является недавно опубликованное произведение азербайджанского автора Кэ-нана Гаджи (Kənan Hacı) «Как по маслу» (Yağ kimi), в котором описываются попытки поэта получить известность. В романе общество отталкивает молодого поэта, который допускает ошибку за ошибкой.

Жанровое смешение в романе-мелодраме происходит не только между романом и мелодрамой. В силу того, что мелодрама, будучи драматическим жанром, склонна к взаимодействию с другими жанровыми и родовыми формами [2, с. 3], то наблюдается широкий спектр типов мелодрамы: историческая мелодрама, лири-

ческая мелодрама, авантюрная мелодрама, детективная мелодрама, фантастическая мелодрама и т. д. Например, многоплановое жанровое смешение можно наблюдать в романе-мелодраме Дафны Дю Морье (Daphne du Maurier) «Французова бухта» (Frenchman's Creek). В большинстве исследований это произведение преподносится как исторический роман-мелодрама. Кроме этого в произведении прослеживаются и элементы приключенческого романа. Сюжетная линия построена вокруг темы любви: главная героиня Дона Сент-Коламб оставляет великосветский мир и уединяется в замке Наврон, на побережье Корнуолла. На этом побережье героиня и влюбляется в пирата, которого все зовут Французом.

Роман-драма и роман-мелодрама, в отличие от романа-трагедии, не завершаются катарсисом. С основу сюжетной линии романа-трагедии закладывается непримиримый конфликт. Образцом романа-трагедии является произведение Льва Николаевича Толстого «Анна Каренина». Автор использует такой композиционный прием, как отталкивание ведущих сюжетных линий романа: Кити–Левин, Анна–Вронский. Ведущим приемом в изображении внутренней жизни героев является «диалектика души».

Романы Федора Михайловича Достоевского являются наиболее известными произведениями, созданными в жанровой форме романа-трагедии. Характеризируя романы Федора Михайловича, Вячеслав Иванов в своей известной работе «Достоевский и роман-трагедия» отмечает, что Ф. М. Достоевским приемы трагедии «перенесены» в эпическое повествование: идея вины и возмездия, как центральная идея трагедии, используется Достоевским в своих романах [4, с. 401–444]. В романе «Преступление и наказание» разворачивается трагедия главного героя Родиона

Романовича Раскольников. Трагичность этого образа проявляется в противоречии его намерений действовать по принципу «все дозволено» чувству любви к людям, которое живет в нем.

В романе-трагедии «Идиот» разворачивается, прежде всего, трагедия Настасьи Филипповны Барашковой. Роман насыщен эмоционально: как главные герои, так и второстепенные персонажи испытывают страх, ненависть, любовь, сострадание, стыд и др. Особенность художественного отображения эмоций образов заключается в том, что они являются более «рафинированными», чем аналогичные эмоции в реальной жизни, так как представлены Федором Михайловичем в «очищенном от примесей» виде. Влияние драматического начала сказывается и в повышенной роли жестов и мимики героев.

Чингиз Гасанович Гусейнов является автором нескольких популярных драматических романов. Его перу принадлежат оригинальные по форме и остродраматические по содержанию романы «Доктор Н», «Фатальный Фатали», «Магомед, Мамед, Мамиш», «Семейные тайны». Романы «Доктор Н» и «Фатальный Фатали» можно охарактеризовать как романы-трагедии. Они посвящены жизни и деятельности двух исторических личностей Наримана Нариманов и Мирза Фатали Ахундова. В романах раскрывается вся трагичность их судеб. С точки зрения жанровой contamination эти произведения характеризуются также обращением к элементам документальной литературы, повышенной степенью историцизма и биографичности.

Роман-комедия отличается сочетанием не только эпического и драматического начал, но также и смешением с жанрами сатиры. Роман-комедия имеет много общего с сатирическим романом. Так, и в романе-комедии и в сатирическом романе имеет

место смешение жанров и родов, но сам характер этого смешения различен. В роман-комедию не просто привносятся элементы сатиры, но и драматизируется содержание. Таким образом, в романе-комедии имеет место быть смешение эпического, сатирического и драматического начал.

К жанровой форме романа-комедии можно отнести и произведение Говарда Джейкобсона (Howard Jacobson) «Вопрос Финклера» (The Finkler Question). Этот роман в 2010 году был отмечен Букеровской премией. Главные герои романа Джулиан Треслов, который терпит подряд фиаско на работе и в семье, и Сэм Финклер, успешный автор, которому книги с экстравагантными названиями принесли состояние. На фоне диалога школьных друзей Джулиана и Сэма, а также их школьного преподавателя Говард Джейкобсон раскрывает проблему этнорегиональной идентичности.

Своеобразной композиционной структурой отличается роман-пьеса. Особенностью романа-пьесы является не только смешение эпического и драматического начала, но и некая инвариативность сюжетной линии, проявляющаяся своеобразно у различных авторов.

В 1991 году выходит в свет роман Джулиана Барнса (Julian Barnes) «Как все было» (Talking it Over), сюжетная линия которого построена на любовном треугольнике. Повествование в романе ведется от имени всех трех героев: одна и та же сцена обыгрывается с трех точек зрения. При этом в каждой трактовке роль и место героев различно. Вариативность событий и трактовок – характерная черта композиционной структуры.

Екатерина Ивановна Петрова роман Леонида Николаевича Андреева «Дневник Сатаны» относит к жанровой форме романа-пьесы, ссылаясь на специфику построения художественного пространства [8, с. 9]. Жанровая структура этого

неоконченного произведения является многогранной. В отношении этого романа нередко используются такие обозначения, как «философский роман», «роман-миф», «неомифологический роман» и т. д. Синтетическая жанровая природа этого романа неоспорима. В романе сказывается влияние документально-публицистической литературы: он написан в жанре дневниковых заметок, о воплощении Сатаны в теле человека. Е. И. Петрова справедливо отмечает, что роман «Дневник Сатаны» создан как «дневник, написанный в форме пьесы-игры» [8, с. 18]. Следует также оговориться, что сам автор в текст романа включает рефлексивные штрихи, делая намеки на то, что дневник содержит в себе пьесу. При этом сам дневник композиционно уподобляется пьесе, а герои романа наделяются в этой пьесе теми или иными ролями. Использование автором такой жанровой формы неслучайно: пьеса предполагает инвариативность трактовок сюжетной линии. На наш взгляд, незавершенность романа является составной частью этой инвариативности: читатель получает возможность самостоятельно продлить сюжетную линию в соответствии с собственными фантазиями.

В азербайджанской литературе черты романа-пьесы можно найти в произведении Ильгара Фахми (İlqar Fəhmi) «Аквариум» (Akvarium) который известен более как театральный роман. Сюжетная линия романа выстраивается вокруг судьбы одного человека, который к сорока годам добивается исполнения всех желаний, но не в силах преодолеть заточения в «аквариуме». Аквариум выступает как некий пространственно-духовный ограничитель, в котором помещается главный герой, соотносимый с бессловесной рыбой. Ограниченность художественного пространства сближает произведение с пьесой. Кроме

того, автор вычерчивает возможную инвариативность сюжетной линии: с одной стороны, реализованный путь успешного человека, отказавшегося от свободы и независимости; с другой стороны, нереализованная судьба, опирающаяся на ценности свободы и добра, гармонии и красоты. Примечательно, что название «Аквариум» в самом произведении используется тройственно: как наименование ресторана и театра, а также как название произведения одного из персонажей, Сахиба, который является к тому же руководителем театра. И. Фахми выстраивает замкнутый круг: произведение «Аквариум» ставится на помостках театра «Аквариум». Этим самым писатель раскрывает весь драматизм тщет-

ных инициатив по преодолению «аквариума»: вся духовная и творческая энергия Сахиба поглощается театром «Аквариумом». Писатель ставит проблему необходимости трансформации всей системы для обеспечения индивидуального счастья и общечеловеческих ценностей. Однако третий уровень «аквариума» (название самого романа) обрамляет первые два (названия произведения Сахиба и театра), фактически вовлекая самого автора в ловушку «аквариума». «Аквариумное» обрамление свидетельствует о нигилистическом отношении писателя к поставленной проблеме, хотя, с другой стороны, создает различные уровни инвариативности сюжетной линии.

Литература

1. Барт Р. Драма, поэма, роман // <http://www.uic.unn.ru/pustyn/lib/bartes.ru.html>
2. Вознесенская Т. И. Литературно-драматический жанр мелодрамы (конспект лекций по курсу «Теория литературных жанров» для направления 520700 «Книговедение»). – М.: Изд-во МГАП «Мир книги», 1996. – 60 с.
3. Грифцов Б. А. Теория романа / Государственная академия художественных наук. – М., 1927. – 152 с.
4. Иванов Вяч. Собр. соч.: в 4 т. – Брюссель, 1987.
5. Кожин В. В. К проблеме литературных родов и жанров // Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Роды и жанры литературы. – М., 1964.
6. Лейтес Н. С. Роман как художественная система: учеб. пособие по спецкурсу. – Пермь: Перм. ун-т, 1985. – 80 с.
7. Михайлов М. И. Эпос, драма, лирика как роды литературы. – Н.-Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского, 2003. – 149 с.
8. Петрова Е. И. Проза Леонида Андреева: Поэтика эксперимента и провокации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2010. – 25 с.
9. Фокс. Р. Роман и народ. – М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1960. – 248 с.
10. Уэллек Р., Уоррен О. Теория литературы. – М.: Прогресс, 1978. – 326 с.
11. Рымарь Н. Т. Современный западный роман. Проблемы эпической и лирической формы. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1978. – 128 с.
12. Сартр Ж.-П. Объяснение «постороннего» // Называть вещи своими именами: Прогр. выступления мастеров запад.-европ. лит. XX в. / сост., предисл., общ. ред. Л. Г. Андреева. – М.: Прогресс, 1986. – С. 92–107.
13. Тетельнам А. И. Взаимодействие жанров в творчестве Оскара Уайльда: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2007.
14. Чичерин А. В. Возникновение романа-эпопеи. – М.: Сов. писатель, 1975. – 376 с.
15. Чичерин А. В. Идеи и стиль (о природе поэтического слова). – М.: Сов. писатель, 1965. – 300 с.

УДК 316.776

*В. Д. Пономарев***ТВОРЧЕСТВО КАК ЯЗЫК МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ:
ПРОЕКТНЫЙ ПОДХОД**

В статье раскрывается сущность проектной деятельности в области межкультурных коммуникаций. Этот инновационный опыт демонстрирует общественное предназначение университетского образования, осуществление диалога культур и формирование культуры толерантности. Проектная деятельность обосновывается как научно-творческий эксперимент вуза, отвечающий на гуманитарные вызовы глобализации в современном мире.

Ключевые слова: межкультурные коммуникации, культурное разнообразие, толерантность, творчество, коммуникативные барьеры, проектная деятельность.

*V. D. Ponomarev***CREATIVE WORK AS A LANGUAGE OF CROSS-CULTURAL
COMMUNICATION: PROJECT APPROACH**

The article reveals the essence of the project activity in the field of cross-cultural communications. This innovative experience shows a social predestination of the university education, implementation of the dialogue between cultures and formation of the tolerance culture. The project activity is based on a creative science experiment of the university, corresponding to the humanitarian challenge of globalization in the modern world.

Keywords: cross-cultural communications, cultural diversity, tolerance, creative work, communicative barriers, project activities.

Цель настоящей статьи – познакомить с философией, методологией, средствами и опытом двух масштабных международных научно-творческих проектов КемГУКИ в области межкультурных коммуникаций: «Диалог культур: формула творчества» и «Информация для всех в зеркале искусства».

Первый проект реализуется при поддержке Министерства культуры РФ, второй – при поддержке Российского комитета программы ЮНЕСКО «Информация для всех». В обоих случаях мы имеем дело с научно-творческим экспериментом, который основывается на понимании роли искусства и творчества в развитии межкультурных коммуникаций. В этом научно-творческом эксперименте соединя-

ются глобальные и локальные тенденции, культурное наследие, традиции и инновации. Профессиональной технологией этого научно-творческого эксперимента выступает проектная деятельность – целенаправленно организуемый процесс социокультурной коммуникации (художественных событий), ориентированный на способы и образцы решения значимых для человека и общества проблем средствами искусства и творчества.

Инновационные стратегии современного университетского образования не исчерпываются лишь достижением учебных целей (умения, знания, навыки), специализированной подготовкой студентов. Инновационное развитие системы высшего гуманитарного образования необходимо

связывать с общественным предназначением и общественной миссией университета, т. е. способностью университетского образования всеми интеллектуальными силами адекватно отвечать на гуманитарные вызовы. Такая способность вуза и будет определять эффективность интеграции университета в международное культурное и образовательное пространство, то есть – в пространство межкультурных коммуникаций.

«Культура мира, основанная на знаниях!» – гуманитарное измерение образовательной, научной и творческой стратегии КемГУКИ. Мы воплощаем его на практике: общественное предназначение университетского образования в нашем вузе заключается в укреплении и усилении позиций университета культуры и искусств как центра межкультурной толерантности, возрождения, сохранения и творческого развития традиционной, многонациональной культуры народов РФ, пропаганды лучших образцов современного мирового искусства и традиционной культуры народов мира.

Как ответ на гуманитарные вызовы современного общества, осуществление этой общественной миссии университета приобретает сегодня особую актуальность. На какие гуманитарные вызовы мы отвечаем?

Во-первых, это – глобализация, процессы «взламывания» мировых культур, модернизация истории и культуры народов, это нарастающие разрывы в жизненно важных системах ценностей, смыслов, представлениях о мире и о себе у представителей различных культур.

Во-вторых, современный мир – это мир информационной культуры и технологий, которые имеют как преимущества, так и таят в себе опасности – в первую очередь, опасность разрыва между технической и гуманитарной культурой в условиях современного информационного общества.

На какие идеи мы опираемся в наших научно-творческих проектах в области межкультурных коммуникаций?

Проект «Диалог культур» призван сохранять, популяризовать и передавать молодому поколению культурное наследие, создавая тем самым питательную среду для творчества во всем его многообразии. А, формируя у студенческой молодежи позитивные ценности, такие как толерантность, участники проекта уже несут ответственность за будущее.

Не случаен и выбранный девиз (слоган) проекта «Диалог культур: формула творчества» – «Все – разные, все – уникальные!»

Этот слоган заимствован из названия Всемирной декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии, принятой ЮНЕСКО 13 августа 2004 г. совместно с Международным парламентом молодежи ОКСФАМ (Австралия), и подчеркивает приверженность авторов и участников проекта инициативам ЮНЕСКО по сохранению культурного наследия как общего достояния человечества.

Адаптированная для молодежной аудитории версия Декларации ЮНЕСКО представлена в публикации «Все разные, все уникальные: молодежь и Всемирная декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии». В предисловии к изданию Генеральный директор ЮНЕСКО Коитиро Мацуура отмечает, что «культурное разнообразие является важным источником самобытности и основных прав человека. Все культуры находятся в творческом и динамичном развитии, кроме того, они уникальны, хрупки и незаменимы. Поэтому важно создать безопасную среду, которая бы обеспечивала сохранение и развитие культурного разнообразия во всей его многогранности и жизненности» [1].

Девиз, в первую очередь, отражает следующий приоритет проекта «Диалог культур: формула творчества» – содей-

ствие культурному разнообразию. В этом случае философия творчества заключается в понимании того факта, что культурное разнообразие будет продуктивным, если оно опирается на взаимный интерес людей друг к другу, принятие чужой культуры, на диалог и духовное взаимообогащение. А в основе проектной деятельности лежат следующие идеи развития межкультурного диалога:

- культурное разнообразие для творчества;
- традиции для диалога культур и народов;
- «живи вместе со всеми»;
- духовное наследие для будущего.

Неповторимый сплав разных культур в современном мире, сосуществование разных этнокультурных традиций породили ряд особенностей взаимодействия и коммуникации. Такой особенностью, прежде всего, является толерантность.

Следует отметить, что термин «толерантность» в последние годы прочно вошел в тезаурус обществоведческих наук, политических деятелей, общественных организаций разного уровня. В Декларации принципов толерантности, утвержденной Резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года, толерантность «означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений».

Роль и значение толерантности в современном мире определяется стремлением к сохранению национальной идентичности различных культур и народов. Для нас толерантность выступает моральным императивом для творчества в области межкультурных коммуникаций, поощряя подлинный диалог между культурами. Именно человеческие взаимоотношения, основанные на культуре толерантности, –

залог богатства и разнообразия культур. Поэтому наряду с понятием «толерантность» в мировой практике используется понятие «культурное разнообразие».

Толерантность как культурная ценность и моральный императив творческой деятельности выдвигает универсальный принцип межкультурной коммуникации – «Все – разные, все – уникальные», который и воплощается в научно-творческом проекте нашего вуза «Диалог культур: формула творчества».

Важной идеей культурных событий и программ в осуществлении этого проекта является также идея о том, что культурное разнообразие есть источник новаторства, обменов и творчества, формирующих основы человечества. Каждое творчество черпает свои силы в культурных традициях, но достигает расцвета в контакте с другими культурами.

Культивирование и творческое развитие «культурного разнообразия» – есть *творческая миссия* нашего университета и ответ на гуманитарные вызовы процесса глобализации и унификации мира. Именно эта миссия межкультурной коммуникации в нашем университете осуществляется в международном научно-творческом проекте «Диалог культур: формула творчества».

Философия творчества в проекте «Информация для всех в зеркале искусства» – это информация для фантазии и воображения, информация для развития чувств, информация для общения, информация как ценность, информация для человека.

Современный мир – это перекресток культур, на котором время межкультурного диалога, как правило, определяется скоростью компьютерных технологий. «Живи вместе со всеми» – вот идея глобального информационного общества как места встречи, интеграции и сосуществования различных культур и национальностей.

Для научно-творческого проекта «Информация для всех в зеркале искусства», который осуществляется НИИ ИТ СС КемГУКИ совместно с Российским комитетом программы ЮНЕСКО «Информация для всех», главным стратегическим приоритетом межкультурных коммуникаций является представление о мире, в котором каждый человек имеет доступ к информации в целях развития.

Само название программы ЮНЕСКО «Информация для всех» было осмыслено в НИИ ИТ СС как: «Информация для нас» и «Информация о нас». Девиз «Информация для нас» отражает особую грань культуры современного человека – информационную культуру, которая гарантирует человеку реальный доступ к информационным ресурсам и культурным ценностям, сосредоточенным в библиотеках, информационных центрах, архивах, музеях мира. Человек, обладающий должным уровнем информационной культуры, может легко преодолеть виртуальное пространство и обратиться к сокровищам Эрмитажа и Лувра, Русского музея и Кельнского собора, получить необходимые сведения из Российской государственной библиотеки или Библиотеки конгресса США.

Девиз «Информация о нас» предполагает, что жители отдаленных регионов не только являются потребителями информации, но и ее творцами. В условиях глобализации проблема сохранения самобытности отдельных народов, регионов и их культур оказывается суперактуальной. Истинную ценность представляют, прежде всего, люди, коренные народы (для Кузбасса – шорцы, телеуты), все русские люди, чьим трудом и талантом создана самобытная культура и искусство нашего региона.

В художественно-выразительной форме, на языке музыки, пластики, хореографии, визуальных образов, участники арт-проектов представляют зрителям актуальные в современном информационном

обществе идеи программы ЮНЕСКО «Информация для всех»: духовное и культурное равновесие человека в новом информационном пространстве, «живи вместе со всеми» – идея многообразия культур в глобальном информационном пространстве, «осторожно, информация!» – идея, которая напоминает о вызовах и опасностях в современном информационном поле, когда оно выходит из зоны общественного контроля. Всегда лейтмотивом арт-проектов, ключевой идеей, является мысль о том, что именно человек, уровень его знаний и образования, духовности и культуры, его потребность в творчестве определит наше информационное будущее.

Почему для осуществления проектов в области межкультурных коммуникаций мы выбираем язык творчества?

В силу своей специфики творческие произведения различных видов и жанров искусства не только располагают богатейшим культурным и духовным наследием, являются хранителями исторической и культурной памяти народа, но и обладают универсальным языком – языком образов, который, как правило, не требует перевода и обеспечивает взаимопонимание в межкультурных коммуникациях, преодолевая коммуникативные барьеры.

Для межкультурных коммуникаций является важным понимание факта, что между человеком и окружающим его миром существует соотношение: 1) понимание (интерпретация) человеком окружающего мира; 2) выражение этого личностного понимания окружающего мира. Однако возможность интерпретации окружающего мира, то есть понимание социокультурных текстов, общение с миром во многом определяется проблемой коммуникативных барьеров внутри самой личности, то есть взаимопонимание между личностью и миром обеспечивается самой личностью в той мере и на том языке, воспринять который она готова.

Межкультурная коммуникация предполагает установление связи и отношений между миром и личностью на основе способов кодирования и трансляции социокультурного опыта в контексте знаковых систем.

Творческая деятельность – это путь для преодоления коммуникативных барьеров в межкультурном диалоге. Творчество – это язык образов, который не требует перевода и, соответственно, обеспечивает лучшее взаимопонимание в межкультурных коммуникациях.

Особенностью творческого миропонимания является то, что это *образное*, а не понятийное мировосприятие, то есть творческое миропонимание противостоит рациональному восприятию и объяснению окружающей человека действительности.

Возможности человека в создании исключительно речевых форм для выражения своего мироощущения, переживаний, фантазии, нестандартных решений и т. д. ограничены. В этом случае символизация, то есть придание выразительных форм, очертаний тем или иным значениям своего мировосприятия, может происходить не только с помощью слов, но и движений, звуков, не имеющих речевого содержания, музыки, мимики, жестов и т. д. Символизация как результат слияния чувственного и смыслового начал в мироощущении и мировосприятии человека становится основным выразительным пространством межкультурных коммуникаций.

В своей завершенной форме творческое мировосприятие будет всегда *выразительно*, то есть выражено в актерском исполнении, дизайнерской форме, способах и приемах вокального творчества, знаках и символах традиционной культуры. А сама творческая деятельность в этом случае свидетельствует о способности человека искать выражение собственному мироощущению.

В художественно-образном аспекте творческие произведения будят воображение участников межкультурного диалога, способствуют возникновению у человека ассоциаций, близких его собственным жизненным впечатлениям, ценностям, эстетическому и эмоциональному опыту, его мироощущению – «внутреннему диалогу души самой с собой» (Г. -Г. Гадамер). Тем самым в условиях межкультурного диалога на языке художественных образов формируется потребность в соучастии и творческой активности.

В чем преимущества проектной деятельности в области межкультурных коммуникаций?

Во-первых, социально-культурная технология проектной деятельности – это всегда процесс профессионального сотрудничества научных и творческих школ вуза, обеспечивающий интеграцию науки, образования и творчества для реализации крупных программ и проектов образовательного, культурного, социального и творческого характера.

К участию в проекте «Диалог культур» привлекаются ведущие и авторитетные деятели науки и культуры, как России, так и вузов-партнеров КемГУКИ по всему миру. Этот интеллектуальный и творческий ресурс проекта дает возможность успешно позиционировать творческие достижения и инновации в области культуры и искусства, обмениваться идеями.

Во-вторых, разработка и реализация научно-творческих проектов КемГУКИ в области межкультурного диалога – это всегда процесс социокультурной коммуникации различных субъектов, который имеет стратегическое значение для региона, так как объектом социокультурного проектирования всегда выступает сложное образование, включающее в себя накладывающиеся друг на друга подсистемы – социум и культуру.

Так, например, стратегическим приоритетом научно-творческого проекта «Диалог культур: формула творчества» является формирование процветающего, удобного для человеческого общежития региона, с развитой культурой толерантности, исполненного национального своеобразия и предельно благоприятного для межнационального, межкультурного общения его жителей и гостей, обладающего для этого развитой социально-культурной инфраструктурой и «плотностью» культурной среды.

Соответственно, международный научно-творческий проект «Диалог культур» – это эффективная арт-лаборатория для различных проектных технологий (фестивалей, конкурсов, создания галерей, дизайн-проектов и т. д.) в области межкультурных коммуникаций.

При этом, как процесс социокультурной коммуникации, «Диалог культур» обеспечивает:

- активную, насыщенную культурными событиями жизнь;
- развитие системы коммуникаций и информационных технологий;
- представительство креативного класса в искусстве и культуре, науке и образовании, экономике;
- развитие в регионе творческих индустрий.

Следует отметить, что творческая практика межкультурных коммуникаций – это также и новые возможности для социально-экономического развития региона. Творческие проекты могут разговаривать и на языке бизнеса, то есть арт-проекты, творческие форумы, фестивали и конкурсы открывают широкие возможности для бизнес-контента научно-творческих проектов:

- Отели, гостиничный бизнес и ресторация.
- Туристические маршруты и экскурсионное обслуживание.

- Анимационные технологии.
- Сувенирная продукция и издательская деятельность.
- Интерактивные медиатехнологии (виртуальные галереи, выставки, промоинсталляции).

Духовное и культурное равновесие человека в новом информационном пространстве – вызов, стоящий перед мировым сообществом и на который КемГУКИ также отвечает своими научно-творческими проектами «Информация для всех в зеркале искусства». Язык художественных образов позволяет достигать совершенства в продвижении идей программы ЮНЕСКО, так как художественные образы делают понятными, доступными и привлекательными идеи программы для самой широкой аудитории, многим людям.

Арт-проекты открывают широкие возможности для творческих технологий формирования информационной культуры личности, обеспечивают преодоление разрыва между технократической и гуманитарной культурой в условиях современного информационного общества. При помощи силы творческого воображения, фантазии и чувств, идеи программы ЮНЕСКО преодолевают в арт-проектах эту пропасть и приобретают «человеческое измерение».

Преимущество арт-проектов заключается в том, что идеи и положения программы ЮНЕСКО, которые опубликованы в научных изданиях Российского комитета, воплощаются на языке различных искусств, который в своей завершенной выразительной, образной форме не требует перевода никому.

Сохраняя постоянство названий «Мы увидим весь мир!», «Интернет: не заблудись!», «Все – разные, все – уникальные!», «Информация на все времена!», тем не менее каждый раз идеи программы обретают новую художественную форму.

Так арт-проект «Мы увидим весь мир!» реализует идеи открытого доступа

к информации и культуре с помощью ИКТ, а «Интернет: не заблудись!» – идею новых возможностей и новых рисков для человека в глобальной информационной сети Интернета.

Для Кемеровской области, где проживают более 100 национальностей и которая является родиной коренных малочисленных народов шорцев и телеутов, актуальным является арт-проект по названию одного из слоганов ЮНЕСКО «Все – разные, все – уникальные!», реализующий идею ценности языкового и культурного разнообразия в глобальном информационном обществе.

Каждый раз внимание зрителей арт-проекта привлекает не только действие, которое происходит на сцене. Границы сцены раздвигаются с помощью информационно-коммуникационных технологий, языка различных искусств и позволяют зрителям перенестись в любую часть земного шара, увидеть и услышать голоса знаменитых ученых, писателей, актеров, увидеть шедевры произведений искусства.

Это и есть безграничный мир человеческой культуры, где у информации своя густонаселенная планета.

Как и любая коммуникация, межкультурная коммуникация имеет свою посткоммуникативную фазу. Это – PR-стратегия. Позиционирование научно-творческих проектов КемГУКИ предполагает установление и ведение целенаправленных коммуникаций с различными группами общественности – органами власти, финансовыми структурами, партнерами, средствами массовой информации.

Формирование устойчивого положительного информационного поля вокруг научно-творческих проектов или, иными словами, – положительного общественного мнения проходит как по современным электронным каналам, медиаканалам, так и в традиционных печатных СМИ.

В заключение следует отметить, что каждому поколению выпадает свое собственное «время быть» на этой земле. Нашим детям предстоит жить в век глобального общества. И именно «диалог культур» определит его судьбу. Будущее диалога зависит от уровня их знаний и образования, духовности и культуры и понимания того, что нет у нас ничего более ценного, чем Человек и его потребность в Творчестве.

Литература

1. Все разные, все уникальные: Молодежь и Всемирная Декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии. – М.: НП «Издательская фирма ЮниПринт», 2005. – С. 4–5.

ИСКУССТВО. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

ART AND ART STUDIES

УДК 7.01

Т. М. Степанская

СЛОВО И КИСТЬ ХУДОЖНИКА

В статье обращается внимание на взаимосвязь слова и изобразительного творчества; высказывается суждение о том, что выразительности и высокой художественности произведений зачастую предпослана способность художника выражать свое мифопоэтическое восприятие мира словом. Этот тезис иллюстрируется на примере творчества сибирских живописцев, главным образом, Г. И. Гуркина. В статье приведено авторское стихотворение, в котором используются старинные слова из языка забайкальских старообрядцев.

Ключевые слова: символ, одушевление природы, духовность, целостность, художественное пространство, язык.

T. M. Stepankaya

AN ARTIST'S WORD AND BRUSH

The article reveals the interdependence of the word and visual arts, gives an assumption that creations' expression and high artistic merit is often induced by an artist's ability to express with a word their mythological and poetic perception of the world. This idea is illustrated with the examples of Siberian painters' creations, mainly G. I. Gurkin. The article gives an author's poem, where he uses the old words from the speech of trans-Baikal Old Believers.

Keywords: symbol, nature animation, spirituality, integrity, artistic space, language.

Слово – универсально, как известно, им можно выразить чувства, описать видимый мир. Язык каждого народа обладает своим уникальным богатством. Русский язык отличается гибкостью, выразительностью, многозначностью, масштабностью словарного запаса и распространения. Русский язык – основа великой русской культуры, истоки которой уходят в глубокую древность. Уместно спросить, что мы знаем об этих истоках, о нашем языке?

Что понимаем
мы о прошлом?
Что было в нем?
Под плач сирот

в нем *обмирало*
солнце.
В нем *божия* дуга
распластывала
крылья
И в *лывы* падал
черногуз.
В нем *одновыдинкой*
шумели *слыхи*
и радостный *отхон*
крушил *суметы*
в *морозобой сурепый*.
В нем повторялся
солнцесяд
и серебрилась
в небесах
гусиная дорожка.

Слова, выделенные курсивом, очевидно, не всем окажутся понятными, а между тем в них заключается такая точность, такое глубокое осмысление словом нашими предками события, предмета, явления! «Обмирало солнце» – солнечное затмение, «божия дуга» – радуга, «лывы» – лужи, «черногуз» – осенний лист, «слыхы» – слухи, «отхон» – последний ребенок в семье, «суметы» – сугробы, «морозобой сурепы» – сильный мороз, «солнцесяд» – закат, «гусиная дорожка» – млечный путь.

Такое глубокое знание языка доступно лишь специалистам, но на интуитивном уровне, на уровне архетипического мышления оно доступно творцам-художникам, мастерам пластических искусств. Обратившись к творчеству художников Алтая, мы убедимся в правильности этого суждения: чем большими достоинствами художественности обладает произведение, тем теснее его автор связан со словом.

Авторское мировоззрение предстает важнейшей скрытой или выпукло выраженной гранью художественной деятельности. Без изучения авторской мировоззренческой концепции зачастую невозможно понять особенности художественного языка, авторскую идею, запечатленную в произведениях. Важной составляющей мировоззрения первого профессионального живописца на Алтае Г. И. Гуркина как художника является поклонение природе, глубокое переживание ее красоты и любви к ней, ее символизация. Для Г. И. Гуркина символическим образом Алтая предстает кедр. Художник искренно, восторженно и лирично писал, обращаясь к Алтаю: «Ты, как могучий зеленый кедр, который растет вдали от многолюдных сел и городов, тебе не по душе суета и толкотня людская. Какими красками опишу я тебя, мой славный Алтай? И какой линией очерчу твой стан? Уподоблю тебя могучему зеленому кедру! Вот он, пышный широко разросся во всю ширь и мощь: удачно развернул свои ветви на свободе! Крепко цепляясь корнями по расщелинам скал, взбежал он до грани хо-

лодных белков. И там, на просторе, вблизи вечных снегов, где одни лишь туманы гуляют, – там он любит, свободно качаясь, вести с буйным ветром беседу. Таков ты, мой любимый Алтай!» [1, с. 2].

Слово – носитель духовности. Искусство и духовность – проблема, обсуждаемая в трудах мыслителей с давних времен. Вспомним размышления Платона о том, что художник-творец постигает «некую мудрость», которая присуща природе, и, «сообразуясь с ней», творит. При этом Платон утверждает: «...присущая природе мудрость вовсе не слагается постепенно из теорем или доказательств, но сразу есть единое целое; она не слагается из множества в единство, а, напротив, раскрывает свое единство во множестве» [2, с. 98]. Ощутить это единство – приобрести к духовности. Широко известен труд австрийского историка искусств Макса Дворжака «История искусств как история духа». Основная идея М. Дворжака состоит в том, что в самой основе создания произведения лежит «духовное выяснение отношений между объектом и субъектом как таковыми. На место художественных форм, как объекта исследования, приходит выражающаяся через него и в нем история духа» [3, с. 322]. Восхождение художника к духовному плану бытия происходит через общение с природой.

Как высказанные тезисы соотносятся с творчеством выдающегося сибирского пейзажиста Г. И. Гуркина? В чем уникальность и непреходящая жизненная сила творчества Г. И. Чорос-Гуркина? Очевидно, в авторской мировоззренческой концепции. В 2010 году исполнилось 140 лет со дня рождения первого профессионального алтайского живописца, но и в наши дни творчество Г. И. Гуркина воспринимается органичной школой художественности.

Л. Н. Толстой в свое время определенно резко отозвался об одной из выставок живописи русских художников-современников, выделив лишь И. Е. Репина, Н. Н. Ге, П. Н. Орлова и Л. О. Пастерна-

ка: «Там ничего похожего на картины – как произведения человеческой души, а не рук – нет» [4]. Как известно, искусство для русского мастера мировой литературы было выражением знания «о назначении и благе». Такой была мировоззренческая позиция писателя. Мировоззрение Гуркина отражает национальное народное видение окружающего мира, в котором присутствуют одушевление, одухотворение, особое восприятие пространства и особое переживание времени. Быт и бытие. Замкнутость и беспредельная открытость. Конкретность мига и вечность.

Реалии сегодняшнего дня вновь и вновь подтверждают тщетность попыток человека возвыситься над природой. Рельефно обозначился крах этой идеи, порожденной во многом утратой цельности восприятия мира, разрывом тысячелетних связей. «Драматический итог противопоставления человека и природы осознается сегодня как подлинная катастрофа» [5, с. 118]. Отчуждение человека от природы, потребительское отношение к ней находят отражение в искусстве, его формах и содержании: человек и природа все более превращаются в произведениях современных авторов в условные знаки, умозрительные конструкции, невидимые объемы, не организующие пространство, в мыслительные модели, в механические жесткие изолированные от природной живой гармонии замкнутые схемы, в пятна зашифрованных доступных (иногда и нет) лишь автору текстов. Все это можно обозначить таким понятием, как «самозамкнутость», то есть нечто лишенное дыхания жизни в пространстве света, воздуха, духа природы. Зачастую в творчестве современных художников отсутствует эстетическое кредо, авторское мировоззрение размыто, неясно, конъюктурно, эгоцентрично. Творчество Гуркина актуально, так как воплощает идею целостного восприятия мира. Дневниковые записи и другие письменные документы художника отражают его спо-

собность ощущать космические масштабы природы. Художественное восприятие пространства – источник целостности и гармонии пейзажных композиций Гуркина. Живописно-пластические решения то открытых, то закрытых пространств диктовались реальным пространством места («Озеро горных духов» 1910 г., «Хан Алтай» 1907 г.). Письменные тексты Гуркина, как и его картины, раскрывают эстетическое кредо художника, основанное на личной природной гедонистической способности к созерцанию реальной природы, для воспроизведения которой Гуркин использовал профессиональную школу, освоенную им в мастерской русского пейзажиста И. И. Шишкина в Российской Академии художеств. «Школа не пришла в противоречие с природой художника» [6, с. 18].

В XX в. появился феномен взаимодействия не только разных видов искусств, но и взаимопроникновения разных уровней человеческого мышления, например, художественного и рационального. На рубеже XX–XXI вв. обозначилась тенденция расширения творческого поля художественного процесса и усиления в нем роли авторского мировоззрения. В этом смысле творчество Г. И. Гуркина являет собой пример единства этнографического, исторического и художественного пространства, что наиболее полно отвечает критериям художественности.

Художественное пространство – сложная структура, формирующаяся под непосредственным влиянием природы, этнографической среды, особенностей исторического развития, мифопоэтического восприятия и религиозной культуры. Большую роль в созидании общего художественного пространства играет индивидуальное художественное пространство личности, которое человек приобретает в детстве, то есть ментальность.

Ментальность – это устойчивая характеристика творца, она сохраняется в течение всей жизни, но в течение жизни она и

обогащается общением с другими территориями, с другими культурами, возвышая творчество до понимания общечеловеческих ценностей, среди которых природа – главная.

Красиво, образно, точно сказали об этом русские мыслители. Вспомним слова философа В. Соловьева: «Природа есть живое воплощение небесного начала на земле... красота растений, живых существ и самого человека есть первоисточник творчества». Мастера русского пейзажа, среди которых И. И. Шишкин – учитель Г. И. Гуркина, всей своей художественной практикой соответствуют суждению философа. Сопоставив эту мысль В. Соловьева с текстом на одном из рисунков Г. И. Чорос-Гуркина под названием «Моя молитва – Алтаю» (1916 г.), мы поймем, почему русская академическая школа не пришла в противоречие с ментальностью художника-этнического алтайца: «Сам Алтай – сама Любовь... А туманы, а горы, озера: их чистота, вечное спокойствие – величавое, грандиозное. А воздух – прозрачная синева – даль гор. Великий творец “Ульген” – моя душа в созерцании всего прекрасного на твой Чистый Алтарь мирового храма приносит молитву любви, которая родилась и живет в лучах этого света!» [7].

Профессиональное образование в Российской академии художеств строилось на обучении профессиональным навыкам в традициях европейской и русской реалистической школы, при этом каждый воспитанник академии обладал яркой индивидуальностью, так как между профессиональной подготовкой и ментальностью художника осуществлялось «соответствие» при создании произведений [6, с. 17]. Г. И. Чорос-Гуркин – один из первых профессиональных художников Сибири. Его ментальность, ментальность этнического алтайца, основанная на поклонении природе, не противоречила, но, напротив, перекликалась с ментальностью русских живописцев, также испытывающих благоговение и восторг перед природой России

и вообще перед природой земли. Чтобы еще раз подтвердить этот тезис, обратимся к размышлениям русского философа И. Ильина о Горном озере: «... Горное озеро – тихое великолепие, живое средоточие... Природа умеет беречь свои тайны и хранить священное молчание... Каждый, кто посмотрит в его глубину, унесет с собой утешение, свет, жизненную радость и смирение духа. О, созерцательность покоя! Око мира, воспринимающее и хранящее» [8, с. 295]. Не правда ли в словах Ильина та же тональность, что и в «Молитве Алтаю» Гуркина?

Современные исследователи выделяют три исторические парадигмы отношения к культурному наследию и традиционной культуре: «отсутствие прошлого», «память-преемственность», «культурный диалог» [9, с. 14]. В основе этих парадигм лежат такие установки, как представления о чрезвычайной культурной значимости исторической памяти. Социокультурная ситуация в современной России убеждает в том, что «высокая» культура не выдерживает столкновения с рыночным мышлением и, уступая рынку, зачастую выходит из борьбы за умы и сердца людей. Этнокультурные традиции в настоящее время выполняют функцию восстановления и развития духовно-нравственной связи между поколениями, между этносами, функцию сохранения национального своеобразия, в том числе и в художественном творчестве. Вот почему творчество Г. И. Чорос-Гуркина, рожденное на основе мифопоэтического национального мироощущения и русской художественной академической школы, является образцом высокой художественности и непреходящей актуальности. Умея оторваться от повседневности, умея стать внутренне свободным для свершения целостного творческого порыва, Г. И. Чорос-Гуркин создал свое искреннее художественное пространство, не утратив национальной духовности. Феномен Гуркина – явление не только подлинной художественности, но и особенной актуально-

сти для начала XXI века, когда обострены противоречия между «старым» и «новым». Новое в социокультурной динамике – не только технологическая модернизация, но преимущественно синтез традиции и нововведения. Однако, длится и не прерывается художническая традиция переживать такие этапы создания произведения, как «осенение» (осенило!, т. е. художник попал под «Сень» космическую или божественную, духовную), «озарение» (постижение идеи, ее пластического воплощения), наконец, материализация образа в эскизе, наброске, картине и т. п. Все названные этапы связаны со словом, предшествующим материализации образа. Традицию Г. И. Гуркина описывать свои впечатления от природы продолжал алтайский живописец Г. Ф. Борунов, продолжает ее первый народный художник России на Алтае М. Я. Будкеев. Будкеев ведет дневник, читать который доступно не всем, но те, которым художник доверился, изумляются богатству языка, богатству слова автора горных пейзажей: «Чуя – набирать звучание через обобщение, контрасты, звон, восторг! Левая скала – в тени – плотный силуэт и среди воды – камень с отражением в воде... камни тяжелые, мокрые, загадочно мерцающие...

Чуя под облаками – весь мотив светлый; пороги, перекаты, шумы... все серебристо, светло, прозрачно... деревья – силуэты разлапистые...». Быть может, к такой выразительности русского языка художники приобщаются, слушая мелодии, шумы, грохот и шепот рек, озер и горных хребтов Алтая. Всю эту музыку они воплощают в своих произведениях.

Слово и кисть художника – это классики М. Ю. Лермонтов, М. Волошин, это наши современники Г. Ф. Борунов, М. Я. Будкеев, А. Г. Вагин и многие, многие другие!

В современной научной литературе утверждается мысль о том, что для каждой культурно-исторической эпохи характерен свой тип творчества. Быть может, это так. К сожалению, для художника XXI века проблемой является не природа, не гармония, не мир, а метод, способ, прием, как писать природу, как писать о мире. Для алтайского художника Г. И. Гуркина и его духовных восприимчивиков главная задача творчества есть выражение идеи единства мира, его гармонии. В этом причина неизменной глубины художественного пространства живописцев – поэтов слова и кисти!

Литература

1. Г. И. Чорос-Гуркин: Каталог выставки / Национальный музей Республики Алтай имени А. В. Анохина. – Горно-Алтайск, 1995.
2. Платон. Избр. трактаты. – М., 1994. – Т. 1.
3. Дворжак М. История искусства как история духа. – СПб., 2001.
4. Толстой Л. Н. Собр. соч. – М., 1983.
5. Никульшина Е. Л. Соотношение традиций и инноваций в национальной культуре в эпоху глобализации // Культурная память: актуальные проблемы и связь времен: мат-лы Международной науч. конференции. – Воронеж, 2001. – 224 с.
6. Чирков В. Ф. Пространство реальное и художественное: проблема соответствий // Традиционное и актуальное в искусстве Сибири: сб. матер. науч.-практ. конф. 15–16 ноября 2005. – Красноярск, 2006.
7. Г. И. Гуркин. Моя молитва – Алтаю. Рисунок из фондов ГУК РА «Национальный музей Республики Алтай им. А. В. Анохина».
8. Ильин И. А. Возвращение. – Минск, 2008.
9. Каминский С. Ю. Актуализация археологического наследия в современных социально-культурных практиках. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2009.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

CULTUROLOGY

УДК 379.823

Н. Ф. Хилько

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ЗРИТЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРОСТРАНСТВЕ ДЕТСКОГО КИНО СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА (ПРОБЛЕМНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

В статье раскрываются тематические особенности развития духовно-нравственных идеалов в содержании детского кино советской эпохи сообразно девяти периодам развития советского кино, позволившим выявить социальную проблематику, отраженную в типологии проблемно-тематических групп образов героев фильмов для детей.

Ключевые слова: духовно-нравственные идеалы, зрительская культура, проблематика и тематика детского кино, типология, экранное содержание, периоды развития.

N. F. Hilko

SPIRITUAL AND MORAL ASPECTS OF SPECTATORS' CULTURE IN THE SPACE OF CHILDREN'S CINEMA OF THE SOVIET PERIOD (THE PROBLEM-THEMATIC ANALYSIS)

The article reveals some thematic features of spiritual and moral ideals development in the message of Soviet children's cinema in the nine periods of Soviet cinema development, which allowed to reveal the social problems reflected in the developed typology of problem-thematic groups of in the films for children.

Keywords: spiritual and moral ideals, spectators' culture, problems and subjects of children's cinema, typology, screen message, development periods.

Опираясь на совокупность духовно-нравственных идеалов героев фильмов детского репертуара советской эпохи, соответствующих девяти периодам развития детского кино [1], с помощью контент-анализа можно установить некоторую тематику фильмов этого периода на основе совокупности некоторых названий кинофильмов, что поможет нам в последствии выйти на проблемный анализ их экранного содержания (см. табл. 1).

1. Тема *дружбы и любви* в детских фильмах советского периода направлена на социальную значимость и коллективизм, что придает восприятию духовно-нравственный контекст, несущий при этом, однако, сугубо идеологизированный характер. Тем не менее здесь имеют место глубинные духовные ценности, выходящие на гуманные и альтруистические императивы.

2. Две близкие к предыдущим и смысловые темы – *нравственности, чело-*

вечности в семейных отношениях и вне ее также опираются на приведенную в первой группе систему идеалов. Однако здесь ярко выделяется некоторая группа идеалов гуманизма, проходящая через образы защитников, праведников, пророков, миссионеров и других подвижников духа.

3. В теме *охраны природы – экологии души* идеалы покорителей горных вершин, водных стихий, неба, таежных и степных просторов отражены в образах путешественников, первооткрывателей, тесно смыкаются с другим, духовно-экологическим, аспектом, который приобретает большую значимость. Знаковыми картинами, отра-

жающими духовно-нравственные их приоритеты, являются: «Белый Бим Черное ухо» и «У озера».

4. Тема *нравственной красоты души народа*, связанная с его национальной культурой, прослеживается через слияние национально-духовных и патриотических идеалов советского человека. В этом отношении нужно заметить, что советское кино способствовало утверждению добра, благородства, честности, похвалы труду, дружбы, солидарности, существенно «возвышало чувства подрастающего поколения» [3].

Таблица 1

**Соотношение совокупности духовно-нравственных идеалов кинозрителей
и тематики фильмов советского детского кино**

№ п/п	Тематика фильмов советского детского кино	Названия фильмов	Совокупность духовно-нравственных идеалов
1.	Тема дружбы и любви	«Чужие письма», «Друг мой, Колька», «Точка, точка, запятая», «Ох, уж эта Настя!», «Сто дней после детства», «Вам и не снилось...»	Социально-значимые и идеалы коллективизма, имеющие идеологизированную духовно-нравственную окраску
2.	Тема нравственности и человеческих отношений	«Доживем до понедельника», «4:0 в пользу Танечки», «Школьный вальс», «Чучело», «Чужие письма»	Социально-значимые и идеалы коллективизма, имеющие идеологизированную духовно-нравственную окраску. Идеалы гуманизма в образах <i>подвижников духа</i> : защитников, праведников, пророков, миссионеров
3.	Тема школьного и семейного воспитания	«Подкидыш», «Когда я стану великаном», «Первоклассница», «Совсем пропащий»	
4.	Охрана природы – экология души	«Белый Бим Черное ухо», «Внимание, черепаха!», «У озера», «Белый клык», «Меняю собаку на паровоз», «Дай лапу, друг...», «Не стреляйте в белых лебедей...»	Идеалы покорителей природы, путешественников-первооткрывателей, духовно-экологические идеалы
5.	Нравственная красота души народа, его национальной культуры	«Книга мастеров», «Золушка», «Снегурочка», «Варвара краса – длинная коса»	Национально-духовные и патриотические идеалы советского гражданина
6.	Духовное величие подвига в исторической, военной и революционной тематике, гражданский долг и гражданский подвиг	«Илья Муромец», «Отряд Трубочева сражается», «Молодая гвардия», «Неуловимые мстители», «Школа мужества», «РВС», «Четвертый блиндаж», «Орленок», «Улица младшего сына», «Зоя»	Военные, гражданские, национальные, патриотические, исторические и революционные идеалы

Окончание табл. 1

№ п/п	Тематика фильмов советского детского кино	Названия фильмов	Совокупность духовно-нравственных идеалов
7.	Деятельность пионерской организации: борьба за справедливость, социальная ответственность личности	«Тимур и его команда», «Военная тайна», «Ваше призвание», «Судьба барабанщика», «Будьте готовы, ваше величество!», «Последнее лето детства», «Кортик», «Бронзовая птица»	Идеалы стремлений к социальному героизму. Социально-значимые и идеалы коллективизма, имеющие идеологизированную духовно-нравственную окраску. Идеалы гуманизма в образах защитников, заступников, миссионеров
8.	Тема беспризорности	«Республика ШКИД», «Рваные башмаки», «Путевка в жизнь», «Педагогическая поэма»	
9.	Космос и человек	«Гостя из будущего», «Отроки во Вселенной», «Через тернии – к звездам»	Идеалы покорителей космоса
10.	Красота и романтика природной стихии и путешествий	«Свистать всех наверх!», «Аквадланги на дне», «Пассажир с экватора», «Дети капитана Гранта», «Новые приключения капитана Врунгеля»	Идеалы всесторонне развитой гражданской личности
11.	Фильмы об искусстве: искусство и творец, воспоминания о детстве выдающихся людей	«Детство Горького», «Цензура к памяти не допускаю» А. Пороховщикова, «Учитель пения», «Шла собака по роялю», «Чародеи», «Девочка на шаре», «Дубравка»	Идеалы всесторонне развитой гармоничной гражданской личности и творческой самореализации человека
12.	Сатира и юмор по проблемам общественного воспитания	Киножурнал «Ералаш», «Добро пожаловать, или посторонним вход воспрещен!»	Социально-значимые и идеалы коллективизма, имеющие идеологизированную ироническую окраску

5. В теме *духовного величия подвига*, сосредоточенного в исторической, военной и революционной тематике, а также – в образах, показывающих гражданский долг и гражданский подвиг, отражаются военно- и гражданско-патриотические и национально-исторические идеалы, также включающие в себя идеологизированный революционный компонент.

6. К рассмотренной выше теме примыкают также фильмы о *пионерской организации и в то же время – о беспризорности*, направленные на борьбу за справедливость. Социальная ответственность личности героев данных картин проявляется в совокупности идеалов-стремлений к социальному героизму и социально значимо-

му коллективизму, гуманизму, заступничеству и культурному миссионерству.

7. Тема *красоты и романтики природной стихии и путешествий* опираются исключительно на идеалы всесторонне развитой гражданской личности, в которой соединяются черты социально-признаваемой гражданственности и героизма (фильм «Дети капитана Гранта»).

8. В теме фильмов *об искусстве* переkreщаются искусство и творец, а также – воспоминания о детстве выдающихся людей. Они направлены на реализацию идеалов всесторонности и гармонии в развитии, направленных при этом на творческую самореализацию. Здесь актуальны биографические фильмы и

фильмы-рефлексии («Детство Горького» и «Чародеи»).

9. Тема, связанная с *сатирой и юмором по проблемам общественного воспитания*, так же как и предыдущие группы, опирается на идеалы социальной значимости, коллективизма, носящие идеологизированный характер, которые приобретают в подобного рода фильмах обобщенную сатирико-ироническую окраску.

Проведя сравнение тематики кинопроизведений и вытекающих из нее социальных проблем, мы получили 27 типов проблемно-тематических групп образов героев фильмов для детей, которые отражают в себе основную идейную направленность некоторой совокупности экранных произведений в сочетании с заявленной темой и возможной «раскруткой» идеи.

Выявленная типология определяется тем фактом, что логика эволюции кино, приведшая к некоторого рода проявлениям коллективной ментальности в детском кинематографе позволила, как пишет Н. А. Хренов, «реконструировать реальность ментальности, вызвала художественный подъем, тесно связанный с иррациональными и ментальными вспышками, и создала сакральную ауру особой притягательности» [4].

1. Тема *дружбы и любви* отражается в детских образах отечественного кинематографа, представляющих собой круг проблем, связанных с нравственной ответственностью личности, экологией любви, прочностью и тонкостью человеческих отношений. Отсюда проистекают две важнейшие, с точки зрения рассматриваемой темы, проблемно-тематические группы. А) *Чистота души в дружеских отношениях* – это следование душевной откровенности, бескорыстия, принципам духовного меценатства, открытости инициатив и отношений. Б) *Любовь как душевное бескорыстие* – это формирование нравственного понимания Любви как возвышенного

состояния духа, проходящего через личность, ее духовную самореализацию.

2. Тема *нравственности и человеческих отношений* находит свое отражение в более широком спектре проблем этики добра, воспитания мужества, дисциплины, чувства справедливости, что создает устойчивые предпосылки формирования гуманистической личности. А) *Нравственный смысл жизни* – наполнение жизненного пространства социально-значимыми активными действиями, служащими во благо человеку и человечеству. Б) *Борьба с безнравственностью поступков* – это второй аспект нравственной мыследеятельности юного зрителя, направленный на устранение недостатков, порицаемых обществом, которых не должно быть у гражданина страны Советов.

3. К двум предыдущим темам тесно примыкает и третья, также относящаяся к нравственной сфере зрителей – это тема *школьного и семейного воспитания*, она дает начало проблемам связи поколений, передачи традиций, достижения успеха в воспитании, любви к детям. А) *Душевная атмосфера семьи* создается на основе социального и культурного микроклимата, отношений духовного взаимопонимания, ответственности, любви и дружбы. Б) *Преемственная связь поколений* отражается в кинообразах как возможность установления значимых культурных связей на основе поддержки духовных традиций, создания социальной «цепочки» в передаче духовного наследия. В) *Понимание личности ребенка* – это группа кинообразов, носящих сугубо психологическую окраску, связанную с проникновением в глубины психики, раздумий, переживаний, чувств. Это хорошо отражается в фильмах о школьной жизни.

4. Тема *охраны мира природы* обладает неразрывностью со сферой нравственности, морали и уходит в пространство *экологии души, направленной на проблемы*

ответственной миссии человека перед природой, привития чувства бережливости, любви к животным, установления в обществе нравственных приоритетов, гуманизма. Отсюда три проблемно-тематических направления в советском кинематографе.

А) *Любовь к природе и ответственность за нее* предусматривает нераздельность чувства любви с чувством высочайшей ответственности за деяния человека, его поступки, критериями которых являются красота, человечность, милосердие, добросовестность по отношению к живой и неживой природе. Б) *Нравственная ценность любви к животному миру* становится важной в случае приручения животных, которые становятся не только друзьями, но и питомцами, требующими постоянного внимания и заботы. В) *Ответственность человека за природу и человечество* понимается не столько в локальном, сколько в глобальном масштабе и раскрывается в фильмах, культивирующих ненасилие, духовно-эстетическую неисчерпаемость природы – пространства развития и существования человека как вида и как духовной личности.

5. *Нравственная красота души народа* выходит на совокупность проблем, связанных с красотой богатырской силы, обаянием красоты народа, его душевных качеств. Это хорошо просматривается в фильмах-сказках, фантастических притчах, фильмах о самодеятельности народа, его духовных помыслах и чаяниях. В этом направлении прослеживаются следующие блоки. А) *Нравственная сила народных лидеров-героев* предусматривает показ нравственной составляющей патриотизма, гражданственности, заключенных в подвигах народных, в мужестве, героизме, богатырстве как душевной красоте (в фильмах-сказках, былинах, мультипликации). Б) *Красота мира народной культуры* раскрывается перед зрителем через показ национальных истоков народных представлений о красоте в пейзаже, женском

и мужском портрете, в праздниках и обрядах, художественных элементах народного быта, народных играх, в народном календаре. В) *Душевное величие народных образов* является как бы продолжением второй проблемно-тематической группы, в которой внешняя оболочка привычных идеализированных представлений о красоте дополняется глубинным проникновением в ее истоки и эстетическую сущность.

6. Тема *духовного величия подвига в исторической, военной и революционной тематике* кинофильмов становится основой целой серии проблем, выходящих на формирование у юных зрителей гражданского долга и представления о патриотической миссии, подготовку к защите Отечества и борьбе за независимость Родины. А) *Нравственный долг и честь* – типологическая группа, в которой сконцентрированы нравственные императивы благородства, формирующиеся у человека с детства и закладывающиеся в фундамент человеческой личности как нравственные ее устои, основание для созидательного самовыражения во имя Родины, выражения своих патриотических чувств. Б) *Патриотический дух гражданина в народных деяниях* объединяет чувства гражданственности и ответственности за судьбу Родины, формирует атмосферу патриотизма в семье, школе, рядах Вооруженных сил, истоки которой зритель черпает в фольклоре, мифологии, народных сказаниях.

7. Тема *деятельности пионерской организации*, неотрывная от школьной и семейной жизни детей, проявляется в совокупности проблем, отражающих нравственные нормы жизни в коллективе, взаимоотношения личности и коллектива, соотношение творчества и общественного признания. Фильмы данной тематики способствуют выработке чувства справедливости и качеств социальной ответственности личности в процессе формирования коллективизма в самых различных его фор-

мах. А) *Социальный смысл и значение пионерского движения* позволяет зрительской аудитории ощутить себя как частичку общественных проявлений высокой социальной значимости, направленной на создание атмосферы уважения к старшим, воспитания коллективистических норм поведения. Б) *Инициатива и социальное признание* в коллективе направлено на пробуждение социального творчества, стремление к лидерству у зрителей, стимулирование их созидательного потенциала, направленного на социально-полезные формы самовыражения.

8. В противовес предыдущей находится еще одна тема – *беспризорность и борьба с ней*, которая складывается из проблем: невосребованности беспризорников, формирования чувств благодарности за внимание педагогов, долга перед Родиной, предоставление им возможности достижения цели в жизни. А) *Необходимость самоопределения в жизни* возникает в ходе противоречивых исканий молодых людей, оставшихся без родителей, что вызывает в их душах отчаянные попытки найти себя, свое лицо и обрести среду, которая давала бы им возможность развиваться. Б) *Стихия улицы и организация новой жизни* даются в сравнении образов параллельного монтажа при показе преимуществ организованных форм жизнедеятельности в коллективе, направленной на формирование нового человека.

9. Популярная в советское время тема *космоса и человека* раскрывается в экранных образах, направленных на проблематику, отвечающую магии космоса как неизведанной стихии, на формирование мужества, волевых качеств космонавтов, на преодоление всяческих преград, дающее возможность ощущать свободу в природном пространстве. Важное значение при этом имеет также проблема красоты Вселенной, соседствующая с вечной загадкой постижения истинной сущности космических сил. А) *Мечта и романти-*

ка – основы идеала космонавта, проблемно-тематическая структура, отвечающая потребности зрителей в формировании романтического идеала космонавта как борца со стихией, героя народа. Б) *Покорение космоса и преодоление себя* – блок, в котором отражаются потребности в расширении собственных и общечеловеческих возможностей в обуздании стихийных сил космического пространства, что находит выражение в образах покорителей Космоса.

10. Не менее популярной в детской тематике советского кинематографа является смежная тема *красоты и романтики природной стихии и путешествий*. Она направлена на решение художественных проблем преодоления пространства и времени, романтические цели, при которых возникает некоторое таинство мироздания. А) Первая из них связана с установлением некоторой «волшебной тайны» природы, которая постоянно сопутствует путешественникам, первооткрывателям, позволяет обнаруживать часто неприметную и неброскую красоту в стихийных проявлениях сил природы. Б) *Постижение истины в природе* – это важнейший аспект данной тематики, в котором обнаруживается соприкосновение граней земных и неземного. Здесь налицо одушевление природных сил, наделение их качествами, которые позволяют человеку совершенствовать себя как духовную личность.

11. Тема, связанная с фильмами об искусстве, взаимоотношениях искусства и творца, воспоминаниях о детстве выдающихся людей ориентирована на проблематику вечных ценностей искусства, веру в успех, творчество и нравственность, общественного признания таланта. А) *Святая верность художественным идеалам и действительности* отражает связь с традициями, школой, особенностями формирования мастерства художника, развития его таланта. В этом направлении всегда ощутимы духовные и нравственные кол-

лизии, сопряженные с преодолением трудностей, преград на пути к успеху. Б) *Возращение к истокам* – эта часть проблем, в которых всегда живо ощущение детства и первозданности всякого художника перед его детищем, в котором он выражает себя, свою личность, свое мировидение и мировосприятие. В) *Признание: взаимная любовь* – в этом блоке как бы спрессовываются грани соучастия в творческом процессе слушателей и зрителей, их реакция на характер творческого произведения, признание таланта в проявлении любви, благодарности за произведение, которому сопутствует и обратная реакция со стороны художника-творца.

12. Показываемые на детском экране *сатирические и юмористические* произведения, связанные с темой проблем общественного воспитания, а также отражающие проблематику детства как такового, счастливого и трудного, проблемного и беспроблемного, во многом связаны с самоценностью феномена детства, своеобразных культурных механизмов его развития, сокрытых в «секретах и волшебстве», утверждении неперемного душевного величия мира детства как чистого мира, нетронутого виной, обидой, бесчестьем и т. д. А) *Вера в детей – вера в будущее* – это светлое, оптимистическое направление в кинематографе, связанное в некоторой степени с экологией самого детства как духовного первоисточника всего человечества, нравственно непогрешимого по самой своей сути. Отсюда – радостные и многообещающие нотки в образах советских де-

тей на экране, дающие понять, что в нашей стране «каждый ласков с малышом». В сознании юного зрителя крепко закреплялся принцип, что «так не бывает на свете, чтоб были потеряны дети». Надеемся, что этим принципам должен отвечать детский кинематограф общества благоразумия. Б) *Преодоление кризисов детства и понимание души ребенка* – еще один блок, в котором отражается прикосновение к душе маленького человека, проникнутое чувством ответственности за его будущее, за всех, «кого приручили».

Благодаря рассмотренным проблемно-тематическим группам, по верному высказыванию Л. Д. Рондели, у кинозрителя можно увидеть «особое состояние души, соединяющее его с автором и со всеми другими людьми, от которого он становится и чище и лучше». Следует согласиться с автором в том, что сегодня показательно разрушение иерархии ценностей, утрата понятий о добре и зле, расслоение киноаудитории на разные зрительские группы, исповедующие разную систему ценностей, расширение зрительских кругов с индивидуалистическими и рекреационно-гедонистическими устремлениями, хотя все же большей части киноаудитории присущи общечеловеческие ценности [2]. Следует однако заметить, что тем не менее в различном характере стилистики детских фильмов ярко просматривается важная сторона их направленности – дать «крылья» детству, предоставить возможность распахнуть свои недюжинные духовно-нравственные силы и возможности.

Литература

1. Милосердова И. Детское кино // Страницы истории отечественного кино. – М.: Материк: Российский научно-исследовательский институт киноискусства, 2006. – С. 12–57.
2. Рондели Л. Д. Искусство объединяющее и разъединяющее // Феномен массовости кино / под общ. ред. М. И. Жабского. – М., 2004. – С. 191–194.
3. Юренев Р. Чудесное окно: Краткая история мирового кино. – М.: Просвещение, 1983. – С. 6.
4. Хренов Н. А. Кино и история отечественной ментальности // Кино: реалии и вызовы глобализации: НИИ киноискусства / под общ. ред. М. И. Жабского. – М., 2002. – С. 67, 70.

*А. В. Киселев***ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ КОНЦЕПТА
«КРАЙ» – «КРАЕВЕДЕНИЕ»**

В статье предлагается основанная на цивилизационном подходе, креативная дисциплинарная трактовка отечественного краеведения и понятия «край» в онтологическом, гносеологическом и аксиологическом аспектах как локализованного в преемственном пространственно-временном контексте исторического сознания местного социума, зафиксированного в ментальной форме «родной край».

Ключевые слова: геоисторический подход, микротип цивилизации «край», модус «здесь-и-сейчас», ментальность «родной край», историческое сознание, социокультурное самопознание.

*A. V. Kiselev***CIVILIZATION EXPLANATION MODEL FOR
«NATIVE LAND» AND «LOCAL HISTORY» CONCEPT**

The article presents, based on civilization approach, a creative disciplinary interpretation of Russian local history and «native land» notion in ontological, epistemological and axiological aspects, as a localized in a successive time and space context historical awareness of a local society fixed in the mental form as «native land».

Keywords: geo-historical approach, civilization micro-type «krai», «here-and-now» mode, «native land» mentality, historical consciousness, socio-cultural self-awareness.

Педагогическая продуктивность, познавательная эвристичность и мощный ресурс модели устойчивого развития на региональном уровне подчеркивает актуальность, прикладной характер отечественного краеведения. Фиксируя на предельном социокультурном уровне – «край» («элементарная конкретность», непосредственное единство противоположностей – общественный индивид и конкретная территория) – связь трех модусов времени – прошлое, настоящее, будущее, краеведение отражает саму основу исторической последовательности процесса. Этот преемственный пространственно-временной контекст краеведения, сохраняя, воспроизводя и транслируя локальную специфику поликультурного мира, эффективно формирует историческое мыш-

ление молодого поколения (главная задача исторического образования), что в условиях глобализации, интернационализации является важнейшим фактором духовной безопасности российского общества. Поскольку утрата социокультурной самобытности неизбежно ведет к потере своего особого места в общемировой семье культур и цивилизаций, а в конечном счете – к существенному ослаблению экономических и геополитических позиций. Отсюда и утверждение академика Сигурда Оттовича Шмидта: «Без краеведения нет России!» [1, с. 2]. Он подчеркивает, что развитие краеведения – задача федерального масштаба, важная и для всей России, и для отдельных ее регионов – и крупных областей, и малых городов [2, с. 11].

Востребованность отечественного краеведения в социально-гуманитарном пространстве сопровождается методологической неопределенностью, наличием различных исследовательских конструкций, как самого понятия «край», так и предметного поля и дисциплинарных полномочий «краеведения», тематический диапазон которого то расширяется, то оказывается предельно узким [3]. Эта концептуальная пластичность в значительной степени объясняется «многослойностью» социального ландшафта, «всепроникающим» и «всепоглощающим» характером местной, краеведческой действительности. С. О. Шмидт отмечает, что круг интересов краеведа – прошлое и настоящее какого-либо края (обычно своего родного – «малой родины»): от малого города, деревни, даже улицы, фабрики, усадьбы, учебного заведения и до крупного региона во всем многообразии тем. [4, с. 8–9]. Академику Сигурду Оттовичу принадлежит также подробное и последовательное определение научной и социальной сущности краеведения в «Российской музейной энциклопедии», 2001 [5, с. 296–297]. Лаконичный вариант дефиниции дан С. О. Шмидтом на международном семинаре «Методология региональных исторических исследований»: «Под краеведением понимают не только науку, изучающую развитие и современное состояние конкретных региональных сообществ и территорий, но и научно-популяризаторскую и просветительскую работу определенной тематики. Объектом интереса краеведа может быть местность разного пространственного масштаба и культурно-исторического значения, а также история жизни своих родных и близких в данной местности». С. О. Шмидт подчеркнул, что в краеведческой работе «объединяются по интересам люди разного возраста, разного социокультурного статуса, разного уровня

специальной подготовки. Занятие краеведением по зову души – всегда краелюбие» [6, с. 14–15]. Профессор Н. Н. Тагильцева, акцентируя внимание на том, что «само понятие “край” не нашло до сих пор в литературе более или менее четкого определения... под краем подразумевается какая-либо единица местности – от населенного пункта (или части его) до целого региона» [7, с. 297], предлагает свою дисциплинарную трактовку «краеведения», с которой солидарен профессор Александр Михайлович Селиванов (автор самого удачного пособия по историческому краеведению, отмеченного дипломом Министерства образования и науки РФ 2006 г. в номинации «Лучший учебник года»). Он считает, что «краеведение можно определить как синтез наук, раскрывающих историю, культуру, экономику, природные особенности какой-либо единицы местности, объединенных рядом специфических методов познания, поиска, распространения знаний и чувством сопричастности к судьбе изучаемого объекта» [8, с. 19]. В социокультурном контексте потенциал краеведения, как «тип комплексных наук», рассматривался академиком Дмитрием Сергеевичем Лихачевым: «Любовь к родному краю, знание его истории – основа, на которой только и может осуществляться рост духовной культуры всего общества. Культура, как растение: у нее не только ветки, но и корни. Чрезвычайно важно, чтобы рост начинался именно с корней» [9, с. 7]. Философ культуры обращал внимание, во-первых, на аксиологическую составляющую краеведческого знания, что это «воспитывающая наука», с исключительной «моральной отдачей», «основа нравственного воспитания народа», что она вносит в окружение человека высокую степень духовности, без которой человек не может осмысленно существовать [10, с. 4]. Во-вторых, академик указывал на эмпиричность, «при-

ближенность» краеведения «к изучению отдельных людей в местной обстановке», что это подлинное знание, идущее от реальности, обладающее потому информационной энергетикой, информационным магнетизмом. Отсюда чрезвычайно важная и исключительно редкая, по мнению Дмитрия Сергеевича, особенность краеведения как науки: у нее нет «двух уровней» – для ученых-специалистов и для «широкой публики». Она сама по себе популярна, учит не только любить свои родные места, но и любить знания о них. Это самый массовый вид науки [11, с. 159–160]. В-третьих, краеведение – это не только наука, но и деятельность, благодаря которой «культура из лежащей втуне становится действенной и “работающей”» [11, с. 173].

Итак, на рубеже XX–XXI столетий в отечественном гуманитарном познании сохраняется недостаточная ясность содержания категории «край» и предметного поля «краеведения», которое было зафиксировано еще в 1946 году академиком, профессором МГУ, знаменитым географом, педагогом и методистом Александром Сергеевичем Барковым. Он писал, что «эта отрасль знания, значение которой многими теоретически признается, до сих пор не имеет общепринятого понимания» [12, с. 71]. А. С. Барков предложил свое видение отечественного краеведения, ставшее общепринятым в послевоенный период: «Краеведение есть комплекс научных дисциплин, различных по содержанию и частным методам исследования, но ведущих в своей совокупности к научному и всестороннему познанию края в интересах социалистического строительства» [13, с. 80].

Таким образом, представляется необходимым более углубленная разработка понятийно-категориального аппарата

исторического краеведения, что позволит уточнить его предметное поле в отечественном гуманитарном пространстве в целом и историографическом в частности.

Исходя из творческого наследия академиков М. А. Барга и И. Д. Ковальченко, раскрывающих теоретико-познавательный ресурс цивилизационного подхода и эвристичность феномена исторического сознания, философского анализа гносеологических проблем процесса познания, данного академиком П. В. Копниным, понимания академиком Б. М. Кедровым пространственно-временного единства социальной реальности, а также учитывая методологически плодотворный опыт «золотого десятилетия» (1917/1918–1927/1929 гг.) в осмыслении аксиологической значимости краеведческого знания, предлагаем авторскую креативную цивилизационную модель концепта «край» – «краеведение» [14].

Этимологически «край» имеет славянскую основу и связан с чередованием гласных в слове «*кроить-кровать*» – резать. Первоначальное (негеографическое) значение – «предельная линия, предельная часть чего-либо» – сохранилось в русском языке в качестве первого объяснения слова *край*. В «Толковом словаре живаго Великорусского языка Владимира Даля» (Москва, 1881 г.) «край» определялся как «начало и конец; предел, рубеж, грань, кромка; бок, сторона или полоса, ближайшая к наружности» [15, с. 184]. Естественно, что термин «край» стал основанием для обозначения окраинных территорий. В XVIII–XIX веках *краем* назывались территории на краю империи, включавшие в себя несколько губерний (Сибирский край, Привислинский край). В словаре В. И. Даля «край» объясняется еще и как «земля, область и народ» [15, с. 184]. Термин «область», произойдя от общеславянского слова «об-

власть», первоначально имел значение «территории, находящейся под единой властью». У В. И. Даля «область» трактуется как «страна, земля, государство; у нас край под особым управлением, не названный губернией; вновь устраиваемая страна» [15, с. 593]. Таким образом, слово «край» и «область» объединяет понимание их как пространства «заполняемого», осваиваемого людьми.

Модернизационный сдвиг, индивидуализирующий российское общество, изменяет семантику слова *край*. Он теряет неопределенно-территориальный аспект, приобретая антропологическое наполнение. Последнее наиболее ярко проявилось в противопоставлении *родной край* – *чужой край*, что свидетельствовало о восприятии *края* с позиций его обитателей. Примечательно, что В. И. Даль, в качестве одного из вариантов, раскрывающих содержание слова «край», использует пословицу «что край, то обычай; что народ, то вера; что купец, то и мера, т. е. у всякого своя» [15, с. 184]. Любой *край*, по мнению В. И. Даля, имеет свое «лицо», особенность, а последнее создается живущим в нем населением. Поэтому он воспринимает *край* и как «местный, туземный, к этому краю относящийся» [15, с. 184], то есть слова *край* и *местный* для него синонимичны, тождественны по смыслу. Этимологически слово *место* не представляет собой загадки, оно отражено во всех славянских языках и означает *селение, город; местечко-городок*. По В. И. Далю, *место* есть «известное пространство, посад, селение в виде городка, города»; *местный* значит «к какому либо месту относящийся. Местный говор, обычай» [15, с. 369–370]. *Место*, выступая как первичное социальное пространство, объединяет людей, которые неравнодушны к занимаемой территории и потому стремятся быть *вместе, вместиться, поместиться* [16, с. 607–608].

Субъектность *места* отразилась в производном термине «местичь – местничь», что означало у В. И. Даля «житель, обыватель, обитатель места», в используемой им поговорке – «Не место человека красит, а человек место» [15, с. 370].

Антропологичность *края*, сфокусированная в слове *место*, переводит терминологический анализ в сферу ценностных структур, имеющих мощнейшее эмоциональное наполнение. В аксиологическом контексте субъектность места (т. е. единство общественного индивида и конкретной территории) формирует личностный смысл – «родное место» – осознание *места* в «значении-для-меня», духовно наполняя его проникновенным чувством Родины. Как писал академик Д. С. Лихачев, земля была бы мертва без любви к отеческим гробам, без любви к родному пепелищу. В словаре В. И. Даля *Родина* есть «родимая земля, чье **место** рождения, где кто родился», он подчеркивает исключительную ценность этого социального пространства для человека: «И кости по *родине* плачут» [17, с. 11]. Академик М. М. Богословский (1867–1929 гг.), выступая на первой Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края, в декабре 1921 года, говорил: «Каждому из нас свойственно это чувство любви к родине, любви к родным местам. Само слово “родина” употребляется в двояком смысле. Прежде всего, это слово употребляется в общем смысле, совпадая в своем значении с термином отечество. Гораздо более узко термином родина обозначается то, что мы называем словами “родная сторона”, т. е. местность рождения, происхождения, место, с которым связаны воспоминания детства и т. д.» [18, с. 118].

Итак, неопределенно-территориальный аспект термина «край», фиксируемый как «область», под воздействием модернизационного процесса, эволюционировал

в социально обжитое пространство, определяемое как «место». Субъектность *места* образовала аксиологическое ядро «края» – малая родина – родное место – «ключевое» представление, структурирующий смысл в системе мировоззренческих и ценностных ориентаций местного населения. «Край» в силу этого выступает в качестве символа – «обозначает», несет в себе смысл – «родное место», которое характеризуется неисчерпаемостью и многозначностью (у каждого своя малая родина). Здесь смысл символа не дан, а задан, поэтому край выступает в качестве пространственно-временной модели социально-обжитой местности (форма всякого бытия, пространственно-временное единство). Край – это не территориально-административное образование, а символ, социокультурная модель пространственно-временной реальности – малой родины. Символ «край» есть смысловая матрица многомерного понятия «родное место». Лишенный внутреннего содержания, то есть смысла «родное место», «край» превращается в неопределенную, «пустую внутри», пространственную форму, которая наполняется различными, очерченными извне, территориальными единицами, как «часть страны», губерния, район, деревня, город, «место пребывания какого-то коллектива». Отсюда и проблема дефиниции, что есть край, его граничности, предела при постоянной пульсации, пластичности последних. Территориальная интерпретация «края» попыткой «задать границу» исключает смысловое содержание, поэтому непродуктивна, зыбка и неустойчива. Антропологический подход, основанный на самоидентификации человека с определенной местностью в качестве своей родины, устанавливает единство символа и смысла («край» – «родное место»), что фиксируется словосочетанием «местный край», «родной край». Этот ментальный

конструкт локального, являясь прежде всего индивидуальным актом социальной рефлексии, предельно конкретизирует символ «край», снимает его неопределенность пространственно-временной модели погружением в объективную, повседневную жизнь обитателя места («здесь»), сознание которого и осуществляет смысловую демаркацию своего пространства («сейчас») в качестве родного места. Родному краю, следовательно, свойственна не материально-территориальная граница, а духовно-смысловая демаркация. «Граница» не актуальна для «родного края», поскольку имеет, во-первых, экзогенный характер, задается извне, материализуя пространственно-временную модель без смыслового наполнения, выражая этим явление, а не сущность, это не смысловое (родное место) обозначение ландшафта, а символическое (край) ограничение территории; во-вторых, ее функциональная природа «агрессивна», состоит в разделении территории и требует непрерывного контроля; в-третьих, граница противоречит принципу целостности, нарушая внутреннее живое единство самой части (родной край), она разрывает диалектическую связь между частями (родной край) и целым (отечество), что порождает в исследовательской практике гносеологический тупик, а в политической – сепаратизм и уничтожение целого. Духовно-смысловая демаркация «родного края» эндогенна и соответствует принципу целостности, поскольку, во-первых, выступает внутренней гранью целого (отечества), осуществляя этим взаимосвязь с ним в качестве части; во-вторых, демаркация есть линия на стыке частей (родной край / чужой край), это линия отличия и взаимодействия, которая одновременно формирует и объединяет их в целое – отечество. Демаркация, как нематериальная грань и линия, замыкает духовно-смысловое содержание –

«родное место» – в пределах определенного материального социума, порождая этим не слишком жесткую и не слишком аморфную морфологию «родного края» в пространственно-временном измерении, которая фиксируется идентичной ментальностью в местном сознании и сохраняется в преемственной памяти истории, т. е. передается в сообществе от поколения к поколению посредством механизма воспитания.

Таким образом, не объективное – территория, обозначенная границей, а субъективное – тождество в индивидуальном сознании смысла («родное место») и символа («край»), скрепляемое демаркационной линией (модус «здесь-и-сейчас») во временном контексте истории (прошлое, настоящее, будущее), творит объективное пространственно-временное бытие «родного края». В контексте диалектики субъективного и объективного «родной край» есть классический пример ее внутренней взаимосвязи, отражая органическое сочетание в социальной действительности бытия и сознания, материального и духовного. Как историческая реальность «родной край» есть непрерывный процесс субъективизации объекта, т. е. смысловое освоение конкретной действительности в качестве «родного места», и объективизации субъекта, т. е. обретения смыслом «родное место», через тождество с символом «край», пространственно-временных характеристик объективно-локального. «Схваченная» местным сознанием диалектичность субъективно-объективного материализуется в условиях конкретного места «здесь» и в соответствии с определенным временем «сейчас» (локализованное пространственно-временное единство) в «родной край», который существует только в преемственном пространственно-временном контексте истории – в единстве

ее трех модусов – прошлое, настоящее, будущее. Вне процесса истории, то есть вне связи трех модальностей времени – прошлое, настоящее, будущее, живая взаимосвязь субъект-объектного в «родном крае» разрывается, что приводит к его отрицанию. Сопряжение трех временных проекций «родного края» – его «родового» прошлого (генезис), его «видового» настоящего (миропонимание, представление об окружающем мире и своем месте в нем) и его исторического будущего (целеполагание) – происходит на почве настоящего. Именно в настоящем самоидентификация индивида наделяет «нейтральный» ландшафт предметным, ясным смыслом (мое родное место), объективируя тем самым пространственно-временную модель символа (край) реальностью конкретного социума как «родной край», который наполняется глубоким духовно-нравственным содержанием через связь с прошлым и будущим. Без обращения к прошлому (его генезис) нельзя до конца осознать настоящее «родного края», как в равной мере нельзя его понять без обращения к будущему, без элементов будущего в настоящем. Человеческая субъективность, совмещающая временные модусы в настоящем, создает процедурой придания смысла и одноименную ментальность, которая своей историчностью (единством временных параметров) обеспечивает объективное непрерывное пространственно-временное бытие местного общества. Ментальность «родной край» (результат человеческой субъективности) фиксируя, сохраняя и транслируя во времени смысловую доминанту (родное место – осознание места в значении малой родины), выполняет функцию исторического сознания (единство трех модусов времени) на локальном уровне и выступает поэтому важнейшим условием исторической устойчивости самого местного со-

общества. Ментальный каркас локального исторического сознания – «родной край» – это духовный мост, переброшенный через пропасть времен, мост ведущий местный социум из прошлого в будущее.

Проведенный терминологический и понятийный анализ выявил единую теоретико-логическую систему: в последней степени абстракции «родной край» есть связь «края» и «родного места». Понятия «край», «родное место», «родной край» являются исходными элементами познавательного процесса. Синтезирующим компонентом, то есть «идей», которая объединяет их в единую теоретическую систему, выступает категория «цивилизация», единственная в теоретико-методологическом арсенале историка категория, позволяющая, во-первых, осмыслить локальный исторический процесс в единстве пространственных и временных параметров как неразрывную связь; во-вторых, реализовать в локальном антропологичность человеческой субъективности; в-третьих, раскрыть локальное ментальностью в аксиологическом контексте как результат самоидентификации. В силу своей фундаментальности, определившей интегративную, синтезирующую способность, категория «цивилизация» обретает подлинно парадигмальную функцию, модифицируя «край» как символ смысла «родное место» в предельный хорологический (территориальный) тип цивилизации на микроуровне (предельный хорологический тип цивилизации на макроуровне «отечество-Россия»). Средством объединения понятий «край», «родное место», «родной край» в концепцию микротипа цивилизации является модус «здесь-и-сейчас». Это принцип формирования цивилизационной теории края, он тоже идея, но не в структуре самой парадигмы, а в методе ее построения. Понятия «край», «родное место», «родной край» связаны между собой

модусом «здесь-и-сейчас» как исходным принципом, он основа единства понятий, поскольку отражает их субстанциальное свойство (предельное основание).

Если хронологическая типологизация цивилизаций выдвигает на первый план связь вещей и явлений во времени – прошлое, настоящее, будущее, т. е. историческая последовательность, то хорологическая делает акцент на связь вещей и явлений в пространстве (ландшафт, определенное место). Но поскольку все процессы совершаются в пространственно-временном единстве, то хорологическая типологизация цивилизаций рассматривает существующую связь в пространстве вещей, явлений (край) как результат времени, т. е. продукт длительного предшествующего развития (генезис, происхождение, история края). Таким образом, хорологическая типологизация цивилизаций «улавливает» диалектическую взаимосвязь пространства и времени: ландшафт, место (край) раскрывается историей, а история раскрывается в ландшафте, в месте (в крае). «Край» в силу этого и обретает статус микротипа цивилизации как геоисторическая реальность (частица «гео» означает связь вещей, явлений в пространстве).

Содержание теории микротипа цивилизации раскрывается в трех узловых понятиях, из которых исходным является «родное место», центральным – «край», завершающим – «родной край». Исходное понятие теории – «родное место» – выражает субстанциальное свойство (предельное основание) микротипа цивилизации. Представляя собой «элементарную конкретность», непосредственное единство противоположностей (общественный индивид и конкретная территория), «родное место» является основой выведения более сложных понятий. Смысл исходного понятия – осознание места в значении малой родины – выступает в качестве онтологи-

ческой, гносеологической и аксиологической субстанции микротипа цивилизации.

Центральное понятие «край», совпадая с «идеей», обобщает фундаментальные свойства микротипа цивилизации, характеризуя его как целое, и тем самым раскрывает сущность.

Завершающее понятие «родной край», отражая во временном ряду диалектику субъект-объектного, характеризует цивилизационное качество микротипа «край», выраженное человеческой субъективностью в ландшафтно-смысловой самоидентификации. В цивилизационном прочтении «родной край» есть содержательная суть и в силу этого объяснительное начало микротипа цивилизации «край». Объективность «родного края» определяет через модус «здесь-и-сейчас» морфологию «края», а субъективность – осознание места в значении малой родины – духовно-смысловую доминанту, аксиологический стержень микротипа цивилизации, фиксируемой одноименной ментальностью. Выполняя функцию исторического сознания на локальном уровне, ментальность «родной край» обеспечивает историческое бытие микротипа цивилизации «край».

Таким образом, цивилизационная парадигма позволяет концептуализировать (сущностно определить) «край» как материальную геоисторическую форму ментальности «родной край», смысловой статус которой определен модусом «здесь-и-сейчас» как «родное место».

Поскольку микротип цивилизации «край» есть материализованное состояние «здесь-и-сейчас», то он является реальным историческим хронотопом (носитель аксиологического ядра), то есть способом существования смыслонесущей доминанты российского социума – Родина. Таким образом, микротип цивилизации «край» есть такое сущностно «конечное», в ко-

тором содержится вся потенция реальной множественности цивилизации макротипа «отечество-Россия». Отсюда «край» выступает в качестве универсального кода Российской цивилизации, проявляющийся в универсализме стиля жизнедеятельности обитателя края. Этот стиль характеризуется не тем, что осознанно преследуется жителем края, что находится в фокусе животрепещущей повседневности, а тем, что остается как бы им не замеченным, но что составляет для него изначальную данность, впитываемую в процессе социализации как унаследованное, нормативное начало жизни в семье, обществе в целом. Это любовь к России. Ключевая особенность российской общности – самосохранение через самоограничение – востребовала общинную ментальность крестьянства с ее способностью признавать «Общее» более важным, чем «Частное» (отнюдь не отвергая последнего). Отсюда духовно-нравственная доминанта российской истории – идея отдать все ради общего блага и не искать личной выгоды. Если европеец любит «себя» в Родине, то русские – Родину в «себе».

Универсальный код российской цивилизации «край» есть результат диалектического взаимодействия двух отправных начал: первое – локально-объективное – пространственно-временное непрерывное единство, выраженное модусом «здесь – и – сейчас»; второе – локально-субъективное – историческое сознание местного социума, непрерывно воспроизводящее пространственно-временной модус «здесь – и – сейчас» ментальностью «родной край» в трех временных проекциях. Отсюда край представляет собой двухполюсную структуру, сопряжение локально-континуального (локальная пространственно-временная связь) и локально-темпорального (локальная связь трех модальностей времени). Структурирующим

компонентом микротипа цивилизации «край», совмещающим модусом «здесь-и-сейчас» континуально – темпоральную связь, выступает антропогенный элемент – местный житель, сознание которого отразило двухполюсность смысловой связкой «конкретное место – конкретное время» в преобладающем пространственно-временном контексте истории, что и зафиксировалось ментальностью «родной край».

Цивилизационный анализ, исходя из вышесказанного, позволяет дать следующую формулировку понятия «край»: это хронологический культурно-исторический микротип организации самобытной общности людей, объединенных идентичностью менталитета «родной край», модус которого выступает основанием пространственно-временной морфологии.

Поскольку основной функцией научной теории является онтологически-познавательная, имеющая цель научного познания объективного мира, то онтологическое знание микротипа цивилизации выступает в качестве методологической основы научно-познавательной деятельности, направленной на изучение «края».

Двухполюсность структурирующих начал цивилизационной парадигмы определила два исследовательских подхода и принципа в познании «края», во-первых, пространственно-временное единство или геоисторический подход, воспринимающий «край» как результат диалектического взаимодействия социального пространства и социального времени. Средством реализации данного подхода является локальный принцип, который позволяет осуществить «стыковку» пространственно-временных социальных параметров, «увидеть» диалектическую взаимосвязь социального пространства и социального времени. Второй исследовательский подход – антропологический, осмысливающий локальное

социальное пространственно-временное единство как процесс творчества человеческой субъективности, результат которой проявляется в двух ипостасях: материальной (объективной) – «край» и идеальной (субъективной) – ментальность «родной край». Антропологичность раскрывается рефлексивной способностью и эмоциональностью человека на основе аксиологического принципа, определяющего «процедурой придания смысла» конкретный ландшафт в значении «родное место», ментальная проекция которого «родной край», выполняя функцию матрицы микротипа цивилизации, решает научно-познавательную проблему «края».

В научно-практической плоскости указанные исследовательские подходы и принципы реализуются модусом «здесь-и-сейчас». Выступая как принцип теории микротипа цивилизации, как средство объединения исходных понятий в цивилизационную парадигму «края», модус в краеведческой научно-исследовательской деятельности выполняет универсальную познавательную функцию (формула). В онтологическом аспекте модус «здесь-и-сейчас» выражает в концентрированном виде знание цивилизации микротипа «край» как конкретно-объективной пространственно-временной социальной (геоисторической) реальности. Модус «здесь-и-сейчас» – это своего рода онтологический стержень, проходящий сквозь понятия «край», «родное место», «родной край». В гносеологическом аспекте модус «здесь-и-сейчас» выступает ведущим первоначалом, исходным моментом в исследовании «края», характеризуя этим его суть. Только через модус «здесь-и-сейчас» полноценно раскрываются эвристические возможности геоисторического подхода и локального принципа, осуществляется антропологическое видение «края»

в контексте пространственно-духовной самоидентификации как действительно-го жизненного процесса деятельных людей. В аксиологическом аспекте модус «здесь-и-сейчас» формирует ментальный конструкт микротипа цивилизации «родной край». Выполняя смыслообразующую функцию, модус выступает уже в качестве аксиологического стержня понятий «край», «родное место», «родной край». Создавая пространственно-временное (цивилизационное) смысловое единство, ментальное содержание модуса «здесь-и-сейчас» порождает в нем стремление к практической реализации, к своему материальному воплощению, утверждению себя в предельный хорологический тип цивилизации на микроуровне. Универсальность модуса «здесь-и-сейчас», совмещающего в себе онтологическую, гносеологическую и аксиологическую функцию, определила его в качестве идеала краеведческого познания. Модус эвристичен, он показывает, как необходимо организовать процесс получения нового краеведческого знания, в нем заключено знание о том, как должно совершаться краеведческое познание. Полифункциональность модуса «здесь-и-сейчас», раскрывающая теоретико-познавательную фундаментальность микротипа цивилизации «край», утверждает его методом научно-краеведческой деятельности. Непосредственно в исследовательской практике метод «здесь-и-сейчас» реализуется методикой, то есть постигает новое через совокупность эвристических правил и процедур, приемов и операций, суть которых выражена в локальном и аксиологическом принципе. Локально-аксиологическая методика метода «здесь-и-сейчас» с необходимостью предполагает:

- 1) поскольку микротип цивилизации «край», как геоисторическая реальность, есть результат «слияния» социально-пространственных и социально-времен-

ных параметров, то полноценное его изучение возможно только при условии нахождения в самом месте этого «слияния», т. е. в крае; 2) поскольку микротип цивилизации «край» есть материальное воплощение ментальности «родной край», а последнее является продуктом ландшафтно-смысловой самоидентификации обитателей места, то только представитель местного социума может осуществить эффективное, проникающее исследование края; 3) поскольку ментальность «родной край» есть результат процедуры придания смысла, то в исследовательской практике это смысловое (родное место) обозначение ландшафта выступает в качестве когнитивной процедуры постижения ментальности «родной край», как саморефлексия, материализующая микротип цивилизации «край»; 4) поскольку ментальность «родной край» выполняет функцию исторического сознания (сопряжение трех модальностей времени: прошлое, настоящее, будущее) на локальном уровне, транслируя во времени смысловую доминанту (родное место – осознание места в значении малой родины), то только темпоральное измерение, устанавливающее связь времен, определяет духовно-нравственное содержание ментальности «родной край».

Таким образом, исходя из онтологически-эпистемологической парадигмы микротипа цивилизации, определившей теоретико-познавательную концепцию – методологию «края», краеведение есть геоисторическое (пространственно-временное) социокультурное самопознание (интроспекция) родного места в преемственном пространственно-временном контексте истории, в единстве трех модальностей – прошлое, настоящее, будущее. Краеведение – это история исторического сознания местного социума на предельном социокультурном уровне «край».

Литература

1. Шмидт С. О. Без краеведения нет России! // Мир библиографии. – 1999. – № 1. – С. 2–11.
2. Шмидт С. О. История, современное состояние и перспективы развития краеведения // Краеведение в России: история, современное состояние, перспективы развития: материалы Всероссийского семинара краеведов «Любовь к малой родине – источник любви к Отчизне». Зарайск, 30 января 2004 г. – М.: АНО Издательский центр «Москововедение», 2004. – С. 11–30.
3. Гомаюнов С. А. Местная история: проблемы методологии // Вопросы истории. – 1996. – № 9. – С. 158–163; Топчий А. Т. Историческое краеведение. (Предмет и метод) // Историческое краеведение: теория и практика: материалы Российской научно-практической конференции. – Барнаул, 1996. – С. 35–39; Кацуба Д. В. Методологические и методические аспекты изучения истории населенного пункта // Историческое краеведение в школе и вузе: материалы первой Всероссийской научной конференции (14–15 декабря 1994 г.) – Кемерово, 1994. – С. 92–96; Козлов В. Ф. Организационные основы современного вузовского краеведения // Методология региональных исторических исследований: материалы Международного семинара. 19–20 июня 2000 года, Санкт-Петербург. – СПб.: Нотабене, 2000. – С. 32–34; Добренский С. И. Рефлексия исторического краеведения и региональная история в Российской историографии конца XX – начала XXI веков // Краеведческие исследования. (Краеведение и местные сообщества). – Рязань, 2004. – Вып. 2. – С. 19–28; Корзун В. П., Рыженко В. Н. Регионоведческое направление в деятельности исторических кафедр провинциальных университетов // Методология региональных исторических исследований: материалы Международного семинара. 19–20 июня 2000 года, Санкт-Петербург. – СПб.: Нотабене, 2000. – С. 35–37; Афиани В. Ю. Десять лет программе «Культура Российской провинции» // В. О. Ключевский и проблемы Российской провинциальной культуры и историографии: материалы научной конференции. Пенза, 25–26 июня 2001 года. – М., 2005. – Кн. 2. – С. 24–34; Клубков П. А. «Регион», «край», «краеведение» как слова и понятия // Методология региональных исторических исследований: материалы Международного семинара. 19–20 июня 2000 года, Санкт-Петербург. – СПб.: Нотабене, 2000. – С. 23–25; Мохначева М. П. Провинциальная историография и историческое краеведение: предметные поля и дисциплинарные полномочия // Проблемы методологии и источниковедения: материалы III научных чтений памяти академика И. Д. Ковальченко. 1–2 декабря 2003 г. – М., 2006. – С. 76–91.
4. Шмидт С. О. Вступительное слово // Современное состояние и перспективы развития краеведения в регионах России: материалы Всероссийской конференции. 10–11 декабря 1998 г. Москва. – М., 1999. – С. 7–18.
5. Шмидт С. О. Краеведение // Российская музейная энциклопедия / Российский институт культурологии МК РФ и РАН. – М., 2005. – 845 с.
6. Шмидт С. О. Краеведение и региональная история в современной России // Методология региональных исторических исследований: материалы Международного семинара. 19–20 июня 2000 года, Санкт-Петербург. – СПб.: Нотабене, 2000. – С. 11–15.
7. Тагильцева Н. Н. Специфика краеведения как синтеза наук. (На примере краеведения Уральского региона конца XIX в. – 1930-х гг. XX в.) // Источниковедение и краеведение в культуре России: сборник к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту. – М.: РГГУ, 2000. – С. 295–297.
8. Селиванов А. М. Историческое краеведение: накопление и развитие краеведческих знаний в России (XVIII–XX вв.). – Ярославль: Ярослав. гос. ун-т, 2005. – 367 с.

9. Лихачев Д. С. Любить родной край // Отечество. Краеведческий альманах. – 1990. – № 1. – С. 7–10.
10. Лихачев Д. С. Краеведение как наука и как деятельность // Историческое краеведение в СССР: вопросы теории практики: сб. ст. / АН Украины; Ин-т истории Украины / отв. ред. П. Т. Тронько. – Киев: Наук. думка, 1991. – С. 3–4.
11. Лихачев Д. С. Русская культура. – М.: Искусство, 2000. – 440 с.
12. Барков А. С. О научном краеведении // Он же. Вопросы методики и истории географии. (Избранные работы). – М., 1961. – 263 с.
13. Барков А. С. Еще о научном краеведении // Он же. Вопросы методики и истории географии. (Избранные работы). – М., 1961. – 263 с.
14. Барг М. А. Категория «цивилизация» как метод сравнительно-исторического исследования. (Человеческое измерение) // История СССР. – 1991. – № 5. – С. 70–85; Он же. Проблема человеческой субъективности в истории (Методологический аспект) // Цивилизация / Российская АН, Отделение истории, Институт всеобщей истории. – М.: Наука, 1992. – Вып. 1. – С. 69–87; Он же. Цивилизационный подход к истории. Дань конъюнктуре или требование науки // Коммунист. – 1991. – № 3. – С. 27–35; Он же. Эпохи и идеи. Становление историзма. – М.: Мысль, 1987. – 348 с.; Он же. Историческое сознание как проблема историографии // Вопросы истории. – 1982. – № 12. – С. 49–66; Ковальченко И. Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах // Новая и новейшая история. – 1995. – № 1. – С. 3–33; Он же. Научные труды, письма, воспоминания (из личного архива академика): сб. материалов. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. – 519 с.; Он же. Методы исторического исследования. – М.: Наука, 1987. – 438 с.; Копнин П. В. Гносеологические и логические основы науки. – М.: Мысль, 1974. – 567 с.; Кедров Б. М. О геометоду как особом способе познания // География в системе наук. – (Серия «Современные проблемы географии» Академия наук СССР, Географическое общество СССР). – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1987. – Сб. 2. – С. 7–10; Гревс И. М. История в краеведении // Краеведение. – 1926. – № 4. – С. 487–508; Феноменов М. Я. Задачи губернского общества изучения местного края в деле плановой организации краеведной работы // Краеведение. – 1926. – № 2 – С. 153–165; Анциферов Н. П. Краеведный путь в исторической науке (Историко-культурные ландшафты) // Краеведение. – 1928. – № 6. – С. 322–338; Архангельский С. Локальный метод в исторической науке // Краеведение. – 1927. – № 2. – С. 181–194; Феноменов М. Я. Значение монографического изучения деревни // Краеведение. – 1926. – № 3. – С. 297–310; Муратов М. В. Изучение местного края. Опыт введения в краеведение. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Мир, 1925. – 109 с.; Большаков А. М. Введение в краеведение / предисл. акад. С. Ф. Ольденбурга. – М.; Л.: Прибой, 1929. – 208 с.
15. Даль В. И. Толковый словарь живого Великорусского языка. – М., 1979. – Т. 2. – 779 с.
16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М., 1989. – Т. 2. – 671 с.
17. Даль В. И. Толковый словарь живого Великорусского языка. – М., 1979. – Т. 4. – 683 с.
18. Богословский М. М. Областная история России, ее научное обоснование и современные задачи // Вопросы краеведения. Сборник докладов, сделанных на Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края в Москве в декабре 1921 года, созванной Академическим центром / под ред. В. В. Богданова. – М.: Нижполиграф, 1923. – С. 118–124.

М. В. Черняк

УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Город – создатель нового типа пространства, как внешнего (географического и архитектурного), так и внутреннего (ментального, семиотического). Социально-культурные условия формирования толерантности в городской среде должны базироваться на устранении или нейтрализации конфликтных факторов на уровне человеческого общежития. Социальная стабильность в условиях урбанизированного пространства определяется уровнем толерантного мышления и поведения горожан.

Ключевые слова: город, городская среда, толерантность.

M. V. Tchernyak

CONDITIONS FOR TOLERANCE FORMATION IN THE SPACE OF A MODERN URBAN CULTURE

City is the creator of a new type of space, both external (geographic and architectural) and internal (mental, semiotic). Socio-cultural conditions for tolerance formation in the urban environment should be based on the removal or neutralization of conflict factors at the level of human community. Social stability in the urbanized space is determined by the tolerance level of thinking and behavior of citizens.

Keywords: city, urban environment, tolerance.

В настоящее время все более актуальной темой научных исследований становится толерантность как социальный и психологический феномен.

Несомненная важность изучения толерантности обусловлена необходимостью создания социально-педагогических программ по ее воспитанию, поскольку формирование толерантного сознания является одним из условий выживания постиндустриального общества.

Успехи и перспективы развития толерантности несомненны в социально-культурной сфере. Но формирование этических ценностей зависит не только от отдельно взятого человека и общества в целом, но и от качества социально-экологического пространства, в котором осуществляет свою жизнедеятельность человек как субъект культуры.

Можно предположить, что ценности толерантности способны овладеть массовым сознанием людей при условии их соответствия четырем основным формам потребностей сохранения (самосохранения индивидуума, биологического воспроизводства, сохранения индивидуума в обществе, сохранение своего сообщества) [см.: 5, с. 24–26].

Если эти условия в целом не будут соблюдаться, перспективы толерантной культуры окажутся сведенными к нулю.

В связи с этим исследование социально-экологического пространства современной городской культуры в контексте возможностей толерантности ставит перед специалистами целый ряд вопросов. Актуальность урбанистической проблематики обуславливается тем фактом, что, будучи специфическим социально-историческим

явлением, город во многом раскрывается как наиболее яркое проявление сущности всемирного культурно-исторического и социального процесса. Город – преобразующая сила в развитии новой (по отношению к первобытному обществу) исторически определенной социальности (соответствующей цивилизации). Именно в такой новой форме социально-исторической организации, как город, происходит изменение социального и географического пространства, содержания производственной и культурной жизни, усложнение социальных отношений и социально-стратификационной структуры населения.

Первая и главная характеристика города – это количественные параметры (численность населения, размеры поселения, плотность населения на единицу городской площади – то, что исследователи называют «теснотой»). А вторая – переплетающаяся с первой – качественные показатели (виды деятельности жителей города, функции, выполняемые городом, взаимодействие с ближней и дальней округой). Вместе с количественно-качественными характеристиками города происходит его пространственное структурирование.

Любой город, независимо от площади занимаемой территории и численности населения (районный центр, средний по параметрам полис, мегаполис), имеет хозяйственно-экономическую, административную и культурную структуру, которая является приближенной моделью государства в целом. Особенности географического расположения накладывают отпечаток на ментальность, хозяйственно-экономическую жизнь людей в городской среде, и от того, насколько она правильно организована в культурном отношении, зависит и оптимальное состояние социально-экологического пространства города и, соответственно, качество жизни его населения.

Развитие города сопровождается изменением городского пространства, как внешнего (географического и архитектурного), так и внутреннего (ментального, семиотического).

Поэтому город в условиях современной мировой культуры выступает в качестве своеобразной социально-исторической лаборатории, формирующей облик человека городского и человека вообще, облик культуры и общества в целом. В нем происходят разнообразные и неоднозначные процессы, возникают новые (промышленные) формы производства, в которых развиваются обособленные виды деятельности. В городе создается правовое регулирование взаимоотношений, которое находит свое выражение в пространственной структуре города. В городской среде возникают и апробируются различные формы взаимодействия людей, вырабатываются правила поведения в частной и общественной жизни, возникают все более опосредованные взаимозависимости, складываются новые формы общения.

Также происходит изменение религиозной жизни общества, которая из природного пространства переходит во внутригородское (искусственное) пространство. Урбанизированная среда формирует телесность человека как городского жителя, а сам город становится своеобразным антропологизированным телом со своей идеологией, мировоззрением и социальными институтами. Психологические черты горожан также подвергаются переработке, постепенно приближаясь к некоторому среднему показателю и создается единое, своего рода общее, нивелированное сознание, новая городская ментальность.

Материальная культура обычного современного города в виде жилищ, средств производства, транспорта, предметов быта и развлечений, зон отдыха составляет основу среды обитания человека. Духов-

ная культура представлена в архитектуре, искусстве и других формах художественного творчества. Нормативная культура прямым образом соотносится с многообразием синэкологических связей внутри государственно и политически оформленных сообществ людей.

Социально-культурные условия формирования толерантности в городской среде, по нашему мнению, должны базироваться на устранении или нейтрализации, прежде всего, конфликтных факторов на уровне человеческого общежития. Для этого, согласно «пирамиде» А. Маслоу, необходимо максимально удовлетворить «базовые», витальные потребности человека, связанные с основным формам потребностей сохранения. Нужда, как свидетельствует история, никогда не способствовала утверждению каких-либо идей терпимости и ненасилия.

Город, как особый тип поселения, характеризуется большим количеством населения, сосредоточенным на относительно небольшом пространстве. Городская теснота диктует особый вид жилища – многоэтажные и многоквартирные здания, без предоставления земельных участков для ведения хозяйства или отдыха.

Недостаточность физического пространства человека – один из самых важных конфликтных мотивов, и компромисс здесь достигается за счет выработки социальных процедур легитимации общежития. В будущем ученые рассчитывают, что проблема перенаселенности современных мегаполисов можно будет решить с помощью осваивания новых пространств – недр земли и Мирового океана (плавучие и подводные города). По мнению специалистов, к 3000 г. в таких городах, возможно, станет проживать 90 % всего человечества [см.: 4, с. 239].

Следует отметить, что городской человек во многом личность обособленная, самостоятельно делающая выбор рода

и вида своего занятия, способа добычи своего хлеба насущного, этических норм поведения, убранства жилища и типа одежды. Городской человек живет бок о бок с людьми, с которыми у него нет кровнородственных связей, но есть и формируются отношения соседства. Сосед – человек, с которым, при всей близости и тесноте, необходимо научиться соблюдать определенную социальную дистанцию, не вмешиваясь в его личную жизнь и не допуская его слишком близко в свою собственную. Эти отношения регулирует этикет и, более жестко, – закон.

В пространстве города, как нигде более, выражено противоречивое соединение тесноты межличностных контактов горожан и в то же время глубокое их одиночество.

Ж. Бодрийяр полагает, что в городских условиях («современной метрополии») агрессивные условия внешней среды включают в себя растущую концентрацию индивидов, которая растворяет индивидуальность в массе. В такой ситуации, по его мнению, исчезает оппозиция «приватное – публичное». Приватная сфера становится публичной в качестве темы средств массовой информации или в качестве новых форм культуры, например управленческой. Публичное же пространство, вписанное с помощью средств массовой коммуникации в замкнутый мир отдельного жилища и потребляемое индивидуально как совокупность образов, перестает быть публичным. Реакцией индивида на такую среду становится отказ и от эмоционального, и от интеллектуального восприятия действительности, индивид в современной метрополии предпочитает иррациональное, инфантильное поведение, которое основывается на образах и архетипах. Ж. Бодрийяр также отмечает снижение способности индивидов различать добро и зло, полезное и вредное, нужное и ненужное [см.: 1, с. 131].

Следует учитывать, что город выступает структурирующей формой по отношению к человеку: городской человек создает пространственное устройство города, и одновременно город формирует человека. В этом плане важнейшим объектом исследования является менталитет человека в условиях городской среды. Прежде всего, отметим, что менталитет горожан представляет собой общественное сознание и социально-психологическое осознание особой общности людей, объединенных пространственно, социально-исторически и экономически, организованных в городе.

Менталитет определяет не только мировоззрение, но и внутренние психологические установки людей, готовность их к восприятию каких-либо идей или их защиты, систему чувств и переживаний. Эта сложная совокупность сознательного и бессознательного оказывает глубокое влияние на всю систему установок, восприятия, оценивания окружающего, самосознания, самоидентификации человека и выбор им своего поведения [см.: 2, с. 249–259].

Еще одна социальная сепарация поджидает человека в городе – это смешение и различие племен, рас и народов. В одних случаях межэтническое противостояние сглаживается юридическими актами, провозглашающими равенство горожан, (граждан) независимое от происхождения, расовой или социальной принадлежности. В других – этнической или профессиональной группе предписывается изоляционная мера – проживание в особых районах города (гетто). В то же время из-за тесного соприкосновения с людьми других этносов каждый горожанин осознает свою этническую принадлежность и одновременно научается жить в полиэтническом мире.

Действительно, город представляет собой настоящий полиэтнический тигель. Горожанин осознает свою этническую при-

надлежность, противопоставляя себя представителям других этносов. Одновременно вырабатываются нормы сотрудничества с другими горожанами и чувство единства, как жителей одного города. Противоречивый характер городских условий находит свое выражение в том, что город одновременно способствуют и веротерпимости и религиозной нетерпимости. Нередко социальное напряжение, социальное противостояние принимают форму религиозно окрашенного конфликта, сопровождаемого буйством толпы, человеческими жертвами, социальными и экономическими потрясениями [см.: 3, с. 101].

Кроме того, город, представляющий собой новую пространственную структуру, пространство новой жизни, более жестко организован, нежели сельская община. В процессах урбанизации возникают новые формы институализации и идентификации общества в целом и отдельного человека в частности. В городе иной становится социальная организация населения, формируется социальное расслоение, дистанцируются и фиксируются различные социальные роли людей, отражающиеся в различных сторонах жизни горожан, начиная от различий в функциях, взаимоотношениях, этикете, одежде, пище, жилище и заканчивая изменением и особой структурированностью городского пространства.

Социально-стратификационная структура населения выступает в качестве одной из главных характеристик города в его динамике и статике. Рост населения, изменения его социально-экономических и ментальных сторон диктуют изменения форм взаимодействия и взаимовлияния. Формирование социальной структуры городского населения – процесс во многом противоречивый и многозначный, тесно связанный с системой расселения людей. В городе проявляется явное неравенство, определяемое уровнем экономического и социального «веса», потребления, круга общения,

районом расселения. И отношения между группами городского населения закрепляет и провоцирует социальное расслоение в социально-психологическом и физическом пространстве. Данное неравенство психологически люди воспринимают как несправедливость и чаще всего ненавидят эти невидимые, но труднопреодолимые социальные границы. Однако стремление к равенству, к стиранию стратификационных различий часто приводят к новому неравенству.

Для определения места человека в социально-стратификационной структуре общества существует целая гамма показателей – экономических, политических, психологических, – явных и скрытых знаков, символов и понятий, отражающихся в системах расселения. Кажется, что люди, выбирая место жительства и район проживания или отдыха, тип жилища, следуют за переменчивой модой, но сама мода выступает здесь социальным индикатором пространственной организации общества [см.: 6, с. 55].

Жилище становится символическим знаком социального статуса человека, закреплённым местом проживания, характером жилища, его внутренним убранством, набором и назначением предметов домашнего обихода.

Таким образом, город является создателем нового типа пространства – социального, где люди не только живут и занимаются разнообразной деятельностью, но создают новый тип отношений, новую многогранную структуру общества, основанную на осознании глубоких различий и противоречий между ними, социальных, политических, экономических и этнических неравновесий. Эти новые отношения выражаются в системе расселения внутри города, создают новую топографию города и общества в целом, отражающую разнообразные социальные различия и противостояния между отдельными людьми и между сообществами, а также их сотрудничество в рамках единого городского пространства.

Исследуя окружение и деятельность жителей городов, мы с необходимостью приходим к однозначному выводу, что социальная стабильность в условиях урбанизированного пространства во многом будет определяться уровнем толерантного мышления и поведения горожан. Но в целом данную проблему в перспективе ещё предстоит тщательно изучать на основе многих дисциплин, так или иначе связанных с исследованием человека и его окружающей среды.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Система вещей / пер. с фр. и сопровод. ст. С. Зенкина. – М.: Рудомино, 2001. – 255 с.
2. Буровский А. М. Психологическое пространство городского ландшафта в характеристике урбанизационных процессов // Урбанизация в формировании социокультурного пространства. – М.: Наука, 1999. – С. 249–259.
3. Лейбович О. Л., Кабаков А. Н., Шушкова Н. В. Большой город в постсоветском пространстве // Мир России. – 2004. – № 1. – С. 91–105.
4. Патури Ф. Р. Зодчие XXI века: Смелые проекты ученых, изобретателей и инженеров: пер. с нем. – М.: Прогресс, 1983. – 328 с.
5. Плюснин Ю. М. Проблема биосоциальной эволюции. – Новосибирск: Наука, 1990. – 240 с.
6. Экологические проблемы капиталистического города. – М.: Наука, 1985. – 183 с.

ПЕДАГОГИКА И СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

PEDAGOGICS AND SOCIO-PEDAGOGIC ACTIVITY

УДК 3702

ОБРАЗОВАНИЕ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН

Интервью

с доктором педагогических наук, профессором,
зав. межвузовской кафедрой общей и вузовской педагогики КемГУ,
лауреатом премии Правительства РФ, заслуженным работником высшей школы РФ,
академиком МАН ВШ, почетным профессором Кузбасса, почетным учителем Кузбасса
Н. Э. Касаткиной

EDUCATION IN THE AGE OF CHANGES

Interview

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Head of inter-university chair of general and higher education pedagogics
in Kemerovo State University, winner government prize of the Russian Federation,
Honoured Worker of the Russian Federation higher education, Academician of IAS HE,
Kuzbass Honoured Professor, Kuzbass Honoured Teacher
N. E. Kasatkina

- В последнее время в печати широко обсуждается вопрос о реформировании системы общего образования. Каковы наиболее существенные характеристики этой реформы?

- Новые стандарты начального и основного общего образования, на мой взгляд, не оказывают существенного влияния на содержание образования. За исключением того, что в них отсутствует региональный компонент. Что касается старшего звена школы, то я бы выделила четыре основных момента, связанных с его реформированием. Во-первых, реформирование возможно и может быть даже нужно, но в предлагаемом варианте оно никак не соотносится с программой профильной школы. Более того, есть

основания считать, что данная реформа перечеркивает достаточно хорошо разработанную концепцию профильной школы. Таким образом, не реализовав одну концепцию, мы переходим к реализации другой. Во-вторых, безусловно положительным является факт возможности выбора школьниками предметов для изучения. Однако можно прогнозировать, что базовый уровень подготовки школьников будет существенно ниже ожидаемого. Как известно, определены три обязательных предмета: физическая культура, БЖД и «Россия в мире» (кстати, по поводу предмета «Россия в мире» нет четких разъяснений относительно его содержания, целей и результатов изучения). А остальные шесть образовательных областей предоставляют школь-

никам возможность для выбора одного или двух предметов. Это вызывает определенные вопросы. Например, образовательная область «Математика и информатика». Как школьник может выбрать информатику без математики? Или образовательная область «История и обществознание». Как ученик может выбрать обществознание и при этом не изучать историю? В принципе, учащийся может выбрать и два предмета из одной образовательной области, но всего должно быть не более девяти предметов, которые он изучает. В-третьих, предполагается, что каждый ученик может осваивать программу на трех уровнях: интегрированном, базовом и профильном. С одной стороны, это один из вариантов дифференциации обучения. Но, с другой стороны, реализация такого уровневого обучения в обычной общеобразовательной школе мне представляется проблематичной, так как финансирование школы является подушевым и на все три уровня в школе средств наверняка не хватит. В-четвертых, очевидно, что старшие школьники на профильном уровне будут выбирать два-три предмета для сдачи ЕГЭ. В результате общий уровень подготовки выпускников школы резко упадет. Не зря во время опроса телезрителей «5 канала» на вопрос «Какой вариант школьной программы вы предпочитаете?» 98 % зрителей ответили: «Верните программу советской школы». Все сказанное выше говорит о том, что проблемных вопросов стандарты в школе принесут больше, чем дадут положительных результатов.

- Каких изменений нам следует ожидать в системе профессионального образования?

- В свое время Кемеровский государственный университет в качестве головного вуза выступал разработчиком многоуровневой системы подготовки студентов. За основу была взята следующая модель: четырехлетнее основное высшее образова-

ние для всех студентов, а далее часть поступает на специалитет сроком обучения один год, а часть – в магистратуру сроком обучения два года. Я и сегодня считаю такую модель идеальной. Судите сами, единственным недостатком данной модели является то, что специалист по новому проекту Закона «Об образовании» не имеет возможности поступить в аспирантуру на бюджетное место. Однако, как специалист, он подготовлен хорошо. Что касается обучения «бакалавриат-магистратура», то сам по себе бакалавриат специальности не дает. Кроме того, Министерство труда не включило в классификатор профессий бакалавров. Что касается обучения в магистратуре, то по его результатам выпускник имеет право поступить в аспирантуру и заниматься научными исследованиями. Однако, как показывает анализ рынка труда, далеко не все магистры становятся учеными. Вызывает резкое непонимание возможность подготовки бакалавров в колледжах как учреждениях среднего профессионального образования. Есть опасность «скатывания» отдельных вузов до уровня среднего профессионального образования: содержание и технологии подготовки разные, ресурсная база также различается, как ни назови подготовку бакалавра в учреждениях среднего профессионального образования – практикоориентированной или какой-либо еще. В результате ни учреждения среднего профессионального образования, ни учреждения высшего профессионального образования не получат ожидаемого повышения качества образования. У потребителей образовательных услуг и работодателей нет четкого понимания, кто такой «бакалавр»: высококвалифицированный рабочий или специалист со средним образованием, или выпускник учреждения высшего профессионального образования. Я полагаю, что и в современных условиях самостоятельное значение сохраняют система начального профессио-

нального образования, система среднего профессионального образования и система высшего профессионального образования. Учреждения начального профессионального образования следует сохранить, так как они:

1. Могут социально обеспечить тех граждан, которые в этом нуждаются.

2. Могут реально осуществлять подготовку рабочих кадров.

Если данные учреждения не справляются с возложенными на них задачами, то содержание и методы их работы нужно менять, совершенствовать, но система этих учреждений должна сохраняться. Не могу оценить положительно предлагающиеся меры по переводу учреждений начального профессионального образования в учреждения среднего профессионального образования в силу следующих причин. Во-первых, в учреждениях среднего профессионального образования нет такой системы социальной поддержки обучающихся. Во-вторых, в учреждениях начального профессионального образования обучается особая категория подростков, и если эти учреждения будут закрыты, то криминогенная обстановка резко обострится. В-третьих, в России уже имеется опыт объединения учреждений начального и среднего профессионального образования, в результате чего исчезли и те и другие учреждения. Что касается среднего профессионального образования, то оно тоже разное. В его систему входят технические колледжи и колледжи социального профиля: медицинские, педагогические и колледжи культуры. В Кемеровской государственной медицинской академии был открыт факультет сестринского дела. Однако, как показывает практика, выпускники этого факультета так и остаются по уровню своей подготовки и реально выполняемой профессиональной деятельности медицинскими сестрами. В Кемеровском государственном университете также есть группа студентов, продолжающих обучение по-

сле колледжа. В процессе их учебной и социально-профессиональной адаптации также имеются определенные проблемы. Конечно, реформа среднего профессионального образования необходима. Я бы предложила следующий сценарий: два года студенты обучаются при университете и за полгода выполняют выпускную квалификационную работу и получают диплом при университете. Это потребует определенных изменений в региональной системе образования, но качество подготовки при этом будет достаточно высоким. Я отрицательно отношусь к устранению из системы высшего профессионального образования академий. Как известно, университеты являются многопрофильными учреждениями высшего профессионального образования, а академии – монопрофильными. Перевод академий в разряд институтов понизит и качество деятельности институтов, и качество деятельности университетов. Например, в течение десятилетий Высшее техническое училище имени Н. Э. Баумана было известно во всем мире. Потом это учреждение стало называться университетом. Я считаю, что, к сожалению, реформы приводят часто не к изменению содержания, а к изменению вывески. На деятельность вузов большое влияние оказало введение ЕГЭ. Лично я вначале была против: ЕГЭ не дает возможности продемонстрировать школьникам свою эрудированность, степень сформированности аналитических умений, творческих способностей и др. Хотя нельзя не отметить, что контрольно-измерительные материалы для средней общеобразовательной школы постоянно совершенствуются и в настоящее время положительно отличаются от контрольно-измерительных материалов, которые используются в высшей школе. Тесты, предлагаемые для оценки знаний студентов по дисциплине «Педагогика и психология», на мой взгляд, просто абсурдны. Получается, что весь мир отказался от такой формы, как ЕГЭ, а Россия

к этой форме только пришла. Но, с точки зрения школьников и их родителей, в ЕГЭ есть и положительные моменты. В старшей школе учащихся в последние годы становится меньше, следовательно, у них больше возможности продолжить образование в вузе. Кроме того, в течение лета после одиннадцатого класса школьники могут отдыхать. Реализуя в Кемеровском государственном университете программу «Адаптация», мы отмечаем, что в последнее время показатели физического здоровья первокурсников становятся лучше. Когда вводился ЕГЭ, то преследовались две основные цели. Во-первых, снять коррупционную составляющую в вузах. Во-вторых, чтобы «бедный сибирский школьник» мог поступить в московские вузы. Что мы имеем в результате? Уменьшилась коррупционная составляющая в вузе, но она никуда не исчезла, а переместилась в школу, а «бедный сибирский школьник», в большинстве своем, как не мог учиться в московском вузе, так и не может, потому что все эти вузы получили право дополнительных вступительных экзаменов. Результаты анализа успеваемости и других показателей первокурсников, поступивших до ЕГЭ и по его результатам, показывают, что глобальных различий нет.

- *Какой вы видите систему взаимодействия вуза и школ в условиях осуществляющихся в настоящее время преобразований?*

- В том виде, в котором реализовывалось непрерывное образование в 90-х годах, оно больше не актуально. Школа не в состоянии оплачивать работу преподавателей вузов. За исключением элективных курсов и только за счет родителей. Томский государственный университет, Томский государственный технический университет, Сибирский государственный индустриальный университет (г. Новокузнецк) находят возможность и оплачивают работу своих преподавателей сами. В Кемеровском государственном университете

в процессе становления Центра непрерывного образования также в нагрузку каждому преподавателю было отведено 50 часов для работы в школах. В настоящее время, когда идет сокращение преподавателей в вузах, возможность оплачивать работу в школе преподавателям есть не всегда. Новая система оплаты труда преподавателя в вузе не предусматривает этого.

- *Какова идеальная модель абитуриента и в чем отличие от нее реальных выпускников школ?*

- Начнем с истории. Советскую школу всегда отличал высокий уровень общей подготовки. Однако если быть до конца откровенными, то это характеризует только советскую школу 60–70-х годов. В 80–90-х годах этого уже не было. Когда мы говорим об успехах советской школы 60–70-х годов, то часто забываем, что в старшую школу переходило менее 25 % выпускников основной школы. Говоря другими словами, был естественный отбор. А в 80-е годы произошел массовый переход на полное среднее образование. Поэтому все блестящие результаты остались в 60–70-х годах. Я считаю, что это подтверждает истину: для развития таланта должна быть конкуренция, и для этого надо много работать. Новые технологии, внедренные в школу, создают у детей иллюзию, что можно учиться, не учась. Этому способствуют всевозможные пособия, решебники, копии сочинений. Взрослые пишут – дети переписывают. Давайте задумаемся: черновики и другие рабочие материалы печатают в типографии и выдают за образцы! При такой системе подготовки в школе даже самые талантливые из абитуриентов не способны к самостоятельной работе в полном объеме и не могут включаться в научные исследования. В Кемеровской области можно привести исключение из этого общего правила: Городской классический лицей (г. Кемерово) и Лицей № 84 (г. Новокузнецк). Даже гимназии не готовят выпускников к са-

мостоятельному обучению в вузе. Выход из сложившейся ситуации я вижу в том, чтобы законодательно запретить издание типографским способом всевозможных шпаргалок, решебников и др. Школьники не могут самостоятельно мыслить, а вузовские технологии в последнее время все больше рассчитаны на пассивную деятельность студентов: сокращаются часы на семинарские, лабораторные работы, при этом объем необходимой для усвоения информации остается достаточно большим. Нет времени на активизацию учебного процесса и на использование проблемных методов обучения. Половина и более учебных часов в учебном плане отводится на самостоятельную работу студентов. Однако они осуществляют эту работу преимущественно в Интернете. В свое время большие надежды возлагались на дистанционное обучение. Практика показала, что обучаясь дистанционно, студенты также предпочитают использовать Интернет, в котором, как известно, больше бесполезной и даже вредной учебной информации, чем той, которая нужна. Я предлагаю создавать учебные порталы, работу которых организовывали бы ведущие ученые страны. Предлагаю также восстановить аудиторные часы в необходимом для использования активных методов обучения объеме. Не может быть образование дешевым. И не все должно осуществляться так, как угодно Министерству финансов РФ. Я наблюдаю за развитием системы российского образования в течение последних пятидесяти лет. И в течение последних пятидесяти лет все изменения приводили только к худшему. Значит, вывод напрашивается сам собой: что-то в методологии, теории и практике этих изменений не так.

- *Каковы перспективы двухуровневой системы высшего образования в нашей стране?*

- Я уже говорила о той модели двухуровневой подготовки студентов, которую

я считаю идеальной. Если становление двухуровневой системы будет продолжаться не так, как должно, а так, как это происходит сейчас, то количество мест магистратуры гипотетически должно быть равно количеству оканчивающих бакалавриат. С точки зрения подготовки к профессиональной деятельности, это равным счетом ничего не дает. Магистр готов к практической профессиональной деятельности хуже специалиста. Многоуровневая система имеет смысл только в одном случае: если студент получает базовое высшее образование, а потом имеет право выбора специалитета или магистратуры. В настоящее время из большинства программ подготовки специалитет исключен, а бакалавр, как я уже говорила, подготовлен к профессиональной деятельности хуже. В результате на работу придут выпускники вузов с недостаточным уровнем подготовки. Многие студенты, осваивающие программу магистратуры, совмещают обучение с работой. А в аспирантуру могут поступить только выпускники магистратуры. Следовательно, магистратура – это своего рода промежуточное звено. Опять получается, что идею заимствовали, но в худшем варианте. За рубежом для получивших степень бакалавра предусмотрены различные курсы. У нас же этого нет. Бакалавр – это человек, получивший общее высшее образование, но объем профессионального образования у него недостаточен. Нетрудно спрогнозировать, что работодателей такие выпускники вузов не устроят. В этом плане программы подготовки студентов надо дорабатывать.

- *Как изменится система непрерывного образования в будущем?*

- Ответ на этот вопрос зависит от того, что мы будем понимать под непрерывным образованием. В нашей стране традиционно оно понимается как непрерывное и преемственное образование от детского сада до профессиональной переподготов-

ки и повышения квалификации. За рубежом под непрерывным образованием понимается только образование взрослых. Я считаю, что российская трактовка наиболее правомочна. В новых стандартах для общеобразовательной школы предусмотрено предшкольное образование. И хотя эти стандарты еще окончательно не утверждены, есть основания считать, что в школу первоклассники придут более подготовленными. Собственно школьное образование включает в себя три подсистемы: начальное образование, основное образование и полное (среднее) образование. На мой взгляд, переход от средней школы к высшему образованию логичнее и результативнее осуществляется посредством профильного обучения. Профиль выбирается на базе 9 класса. Я считаю, что ошибок в процессе выбора пути продолжения образования и профессии в условиях профильного обучения дети допускают меньше. Сейчас опять пересматриваются программы профильного обучения. Что касается обучения взрослых, то для работающих специалистов профессиональная переподготовка предусмотрена не реже, чем один раз в пять лет. Будем иметь в виду, что в настоящее время возможны программы повышения квалификации в объеме 72 часа. При новой системе оплаты труда это 36 часов аудиторного обучения плюс 36 часов самостоятельной работы слушателей. Нетрудно сделать вывод, что две недели аудиторного обучения за 5 лет – это крайне мало. В Российской Федерации сейчас разработана новая система финансирования переподготовки и повышения квалификации учителей. Идеология предлагаемого подхода, на первый взгляд, не вызывает возражений. Один раз в пять лет учителям выделяются деньги, и они выбирают, в каком городе и в каком образовательном учреждении проходить переподготовку и повышение квалификации. Однако в реальности мак-

симальная сумма 3500 рублей, включая проезд, суточные и само обучение. Ясно, что при таких условиях говорить о выборе не приходится. Будем иметь в виду, что за счет этого уменьшается финансирование институтов повышения квалификации работников образования. В частности, это приведет к тому, что в этих учреждениях не останется штатных преподавателей, а процесс обучения будут осуществлять приглашенные специалисты. Это означает, что вся сложившаяся система повышения квалификации и переподготовки будет разрушена. Известно, что институты повышения квалификации всегда, кроме работы с учителями, в период прохождения курсов проводили большую межсессионную работу: консультации, конференции, курировали работу методических объединений и др. Опять получается, что мы больше теряем, чем находим. То есть все необходимые компоненты системы непрерывного образования в настоящее время имеются, но в будущем не все они будут финансироваться.

- *Какое место в современном вузе занимает научно-исследовательская работа?*

- Я бы разделила научно-исследовательскую работу на научно-исследовательскую работу профессорско-преподавательского состава и научно-исследовательскую работу студентов. Основная проблема заключается в том, что вся научно-исследовательская работа осуществляется за счет грантовой поддержки. При этом не учитывается, что есть ряд направлений научно-исследовательской работы, которые не вписываются в грантовые программы, так как имеют свою специфику. Кроме того, по фундаментальным направлениям науки преподавателям вуза грант получить нереально. Поэтому преподаватели в старых советских традициях осуществляют научно-исследовательскую деятельность за собственные деньги. Все гранты носят,

как правило, инновационный характер и предполагают разработку инновационных технологий. Однако, эти технологии содержатся только в отчетах и очень трудно оценить, насколько могут быть внедрены в широкую практику полученные по результатам исследования инновационные технологии. Не способствует развитию научных исследований в региональных вузах и то, что 80 % всех грантов остаются в Москве и Санкт-Петербурге. Однако научный потенциал страны сконцентрирован не только там, в то время как экспертные комиссии, как правило, состоят из представителей Москвы и Санкт-Петербурга. Поэтому объективность решений о присуждении грантов вызывает сомнение. Региональные вузы находятся в заведомо худшей ситуации. В них научно-исследовательская работа осуществляется чаще всего за счет региональной поддержки и спонсоров. Если дальше все будет оставаться по-прежнему, на большие успехи региональной вузовской науке рассчитывать не приходится, хотя в региональных вузах иногда отдельные направления научных исследованиях осуществляются более качественно, чем в центральных. Научно-исследовательская работа студентов финансируется за счет грантов еще меньше, и, как правило, лучшие работы, получившие региональную грантовую поддержку, также в будущем финансируются за счет областных программ. Из каждого выпуска 10–15 % студентов серьезно занимаются научно-исследовательской работой. Лучшие результаты чаще всего достигаются на естественно-научных факультетах. На гуманитарных – меньше, но и оригинальных заявок от студентов-гуманитариев также поступает меньше. Однако, если быть объективными, в советское время на науку в вузах также выделялось немного денег. И в этом плане мало, что изменилось. Но, в идеале, не должно быть преподавателя и выпускника

вуза, не занимающегося наукой. В диссертационном совете по педагогике при Кемеровском государственном университете 110 учителей успешно защитили кандидатские диссертации и остались работать в школе. Практически все они во время обучения в вузе занимались научными исследованиями.

- *Какие направления педагогических исследований представляются вам наиболее перспективными?*

- Дисциплина «Педагогика и психология» входила во все профессиональные образовательные программы ФГОС второго поколения. Из стандартов третьего поколения данную дисциплину исключили. Она осталась только в программах классических университетов и педагогических вузов. Объем данной дисциплины явно недостаточен, так как для руководителя с высшим образованием знания основ педагогики и психологии обязательны. Тем более не может быть преподавателя высшей школы, не владеющего педагогикой и психологией. Наш выдающийся соотечественник Лев Ландау говорил: «Есть наука и есть наукообразие. Наука – это когда просто говорят о сложном, наукообразие – это когда усложняют подчас очевидные вещи». К сожалению, в процессе обучения в вузе преобладает второй путь, отсюда лекции и учебники содержат излишне много терминов, понятий, доктрин, подходов и др. От преподавателя вуза требуются знания педагогики и психологии для того, чтобы в процессе обучения студентов осуществлять переход от науки к содержанию учебного предмета и далее – к содержанию учебного материала. К сожалению, и учебники по педагогике также страдают излишним наукообразием.

Если говорить о педагогике как науке, то она, как и любая другая наука, включает в себя общие принципы, законы, закономерности, понятия. Педагогический эксперимент, с моей точки зрения, должен обя-

зательно иметь систему математической обработки. Как говорил К. Маркс, наука только тогда совершенна, когда пользуется математическим аппаратом. Многие убеждены, что в педагогических исследованиях можно обойтись и без этого. Однако, выступая на экспертном совете ВАК, я выразила точку зрения диссертационного совета, председателем которого я являюсь, состоящую в том, что математическая обработка результатов педагогических исследований является обязательной. Очень часто педагогические исследования критикуют за то, что в них слишком много выделяется педагогических условий и основ. Я считаю, что каждое время требует новых условий и основ. Есть педагогические условия и принципы, разработанные Я.-А. Коменским, но меняются условия, мотивы, установки, особенности, поэтому новые феномены, которые изучаются в педагогических исследованиях, требуют разработки и обоснования новых условий. Как школа и образование являются вечными, так и педагогика как наука является вечной.

- Какое место в современной средней школе занимает эстетическое воспитание и как оно будет развиваться в будущем?

- В средней школе есть определенные проблемы с организацией эстетического воспитания детей. Предмет «Мировая художественная культура» в школе не прижился. В новых образовательных стандартах не предусмотрено увеличение часов на эстетическое воспитание. Отводится два часа в неделю с 1 по 8 класс. Однако добавляется 10 часов в неделю на внеурочную работу, поэтому актуализируются вопросы разработки программ непрерывного воспитания, в том числе и эстетического, от детского сада до старшего звена школы. Для того, чтобы учителя проводили эту работу, их нужно специально готовить, и здесь я вижу место Кемеровского государственного университета культуры

и искусств. В школе должна быть создана система эстетического воспитания, включающая клубы, студии, хоры, танцевальные коллективы. Часы предусмотрены для педагогических работников, которые могут работать, как в системе дополнительного образования, так и в школе. Предполагается, что с 1 по 9 класс на уроках формируются основы эстетического воспитания, далее, во второй половине дня, внеурочная деятельность плюс система дополнительного образования в клубных и других объединениях. Университету культуры и искусств есть смысл разработать программы подготовки студентов, обеспечивающие их готовность к работе по эстетическому воспитанию детей в условиях реализации стандартов второго поколения в общеобразовательной школе. Однако уже сейчас можно привести примеры того, что общеобразовательные школы добиваются высоких результатов в эстетическом воспитании детей. Если говорить о городе Кемерово, то это прежде всего школа № 93.

- Должна ли измениться система художественного образования в нашей стране или традиционная советская система художественного образования представляется вам идеальной?

Когда возникло предложение профессионально направленное обучение начинать с 9 класса, все деятели культуры восстали. Чего нельзя сказать об области спорта. На мой взгляд, причина данной проблемы заключается в том, что разработчики законопроекта ошиблись и не сделали ссылку о специфике художественных школ и школ искусств. Естественно, что для этих школ должно быть сделано исключение. Музыкальные школы должны работать дифференцированно: для особо одаренных и для всех остальных. Это же может быть отнесено и к художественным школам, и к училищам. В целом художественное образование требует реформирования, но это реформирование должно

относится прежде всего к системе работы с детьми, то есть строиться на психолого-педагогических основах. Преподаватели детских музыкальных и художественных школ, как правило, ориентированы не на психологию ребенка и педагогику работы с ним, а на профессионально оцениваемые результаты. И здесь, на мой взгляд, пре-

подавателям университета культуры и искусств также есть, над чем подумать.

- Наталья Эмильевна! На днях пришло сообщение о вручении Вам Благодарности Президента РФ. Примите поздравления от имени редакции нашего журнала, авторов и читателей.

- Спасибо.

УДК 378

И. С. Пилко

О ПРИОРИТЕТАХ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА К ВЫСШЕМУ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ

Охарактеризованы основные приоритеты компетентностного подхода к высшему образованию: технологизация, модульность, формализация, проектность, студентоцентрированность. Обозначены проблемы разработки основных образовательных программ в соответствии с требованиями ФГОС ВПО. Определены перспективы реализации компетентной модели образовательной деятельности в учебной практике КемГУКИ.

Ключевые слова: компетентностный подход, приоритеты, ФГОС ВПО, основные образовательные программы, КемГУКИ, образовательная деятельность, перспективы.

I. S. Pilko

ABOUT PRIORITIES OF THE COMPETENT APPROACH TO HIGHER PROFESSIONAL EDUCATION

The basic of the competent approach to higher education are characterized: modularity, formalization, projection, student orientation. Problems of working out of the basic educational programs according to requirements of FSES HPE are designated. Prospects of realization of competent model of educational activity in educational practice of KemGUKI are defined.

Keywords: the competent approach, priorities, FSES HPE, basic educational programs, KemGUKI, educational activity, prospects.

Так уж случилось, что вузы культуры и искусств с большим (практически двухлетним) опозданием приступили к реализации мероприятий по переходу на уровневую систему высшего профессионального образования (ВПО) и Федеральные образовательные стандарты (ФГОС ВПО). Оживленные дискуссии

о перспективах художественного образования в России сдерживали процесс принятия образовательных стандартов по отдельным направлениям подготовки и специальностям группы 070000 – Культура и искусство. Целевое финансирование обучения профессорско-преподавательского состава и административно-управленческого пер-

сонала учебных заведений основам образовательной модели по европейскому образцу не коснулось вузов нашего профиля. В результате постигать смысловые акценты компетентностного подхода пришлось методом самообразования, изучения множества рассеянных в печатном и электронном сегментах информационного пространства официальных документов, публикаций теоретического и прагматического характера.

Главными методологами формирования новых образовательных программ, отвечающих требованиям ФГОС ВПО и базовым положениям Болонской декларации, выступили технические вузы: Московский институт стали и сплавов (Технологический университет) и Санкт-Петербургский государственный университет информационных технологий, механики и оптики. Профильные для вузов культуры и искусств учебно-методические объединения не спешили с разработкой учитывающих отраслевую специфику установок, комментариев, рекомендаций. Потребовалась серьезная «самостоятельная» работа по адаптации предлагаемых форматов к потребностям гуманитарного и художественного образования.

«Краеугольными» основаниями проводимой реформы высшей школы служат:

- ✓ компетентностный подход,
- ✓ образовательные технологии,
- ✓ качество образования.

Четко выражена основная целевая установка проводимых преобразований – **перенос акцента с преподавателя и содержания дисциплины на студента и ожидаемые результаты образования (компетенции) при усилении практико-ориентированной направленности обучения.** При очевидном смещении акцентов с фундаментализма профессионального образования к прагматизму декларируется принцип **сохранения российских традиций фундаментальной подготовки в системе высшего образования.** По мне-

нию идеологов компетентностного подхода, баланс прагматизма и фундаментализма может обеспечиваться за счет преемственности и содержательной конкретизации образовательных моделей трех уровней: ФГОС ВПО – Примерных основных образовательных программ (ПрООП), типовых для направления подготовки/специальности, – Основных образовательных программ (ООП), разрабатываемых каждым вузом самостоятельно.

Чтобы оценить возможности и перспективы практического решения этой сложной в содержательном и организационном аспектах задачи, рассмотрим основные **приоритеты** компетентностно-ориентированной модели образовательной деятельности.

Технологизация учебного процесса.

Этот приоритет определяется нами как базовый, т. к. именно он дает реальную возможность «конструировать» и реализовывать образовательные программы, отвечающие следующим условиям:

1. Концептуальность (опора при моделировании содержания обучения на определенную научную концепцию).

2. Постановка диагностических целей, выраженных категориями: «знать» – «уметь» – «владеть».

3. Планирование обучения на основе точного определения желаемого эталона в виде наблюдаемых действий обучаемых и используемых для этой цели образовательных технологий.

4. Предварительное тестирование и конкретизация учебных целей с учетом реальных возможностей обучаемых и дифференциации уровней усвоения образовательной программы (пороговый, базовый, повышенный).

5. Последовательная ориентация всего хода обучения на цели, которая обеспечивается наличием оперативной обратной связи и сопровождается соответствующей диагностикой и коррекцией хода обучения.

6. Разбивка обучения на отдельные воспроизводимые обучающие циклы (модули).

7. Управляемость процессом обучения.

8. Эффективная организация образовательной деятельности (адекватность затрат результатам; гарантированность достижения определенного стандарта обучения).

9. Воспроизводимость процесса и результата обучения (возможность применения другими).

Модульность. Междисциплинарный характер основных образовательных программ стимулирует появление интегративных модулей, направленных на формирование комплексов общекультурных и профессиональных компетенций. Каждый модуль (рис. 1), решающий частные дидактические задачи, является системообразующим компонентом образовательной программы, устанавливая связи между ожидаемыми результатами образования, содержанием обучения, методами формирования и оценивания компетенций.

Формализация. Новое поколение образовательных стандартов уделяет приоритетное внимание формальным характеристикам учебного процесса: нормативам учебной нагрузки, кадрового, учебно-методического, материально-технического обеспечения; используемым образовательным технологиям, диагностическим средствам, формам и методам учебной деятельности. Из стандартов исчезло понятие «дидактические единицы»: одни и те же компетенции обучаемых позволяют формировать вариативным контентом, что затрудняет формирование *единого* (в содержательном аспекте) образовательного пространства.

Проектность. Отдельные элементы ФГОС ВПО (компетенции, требования к знаниям, умениям, «владениям») служат «строительными» элементами, из которых и «складывается» образовательная программа: под каждую компетенцию подбирается формирующее ее содержание обучения, адекватные образовательные

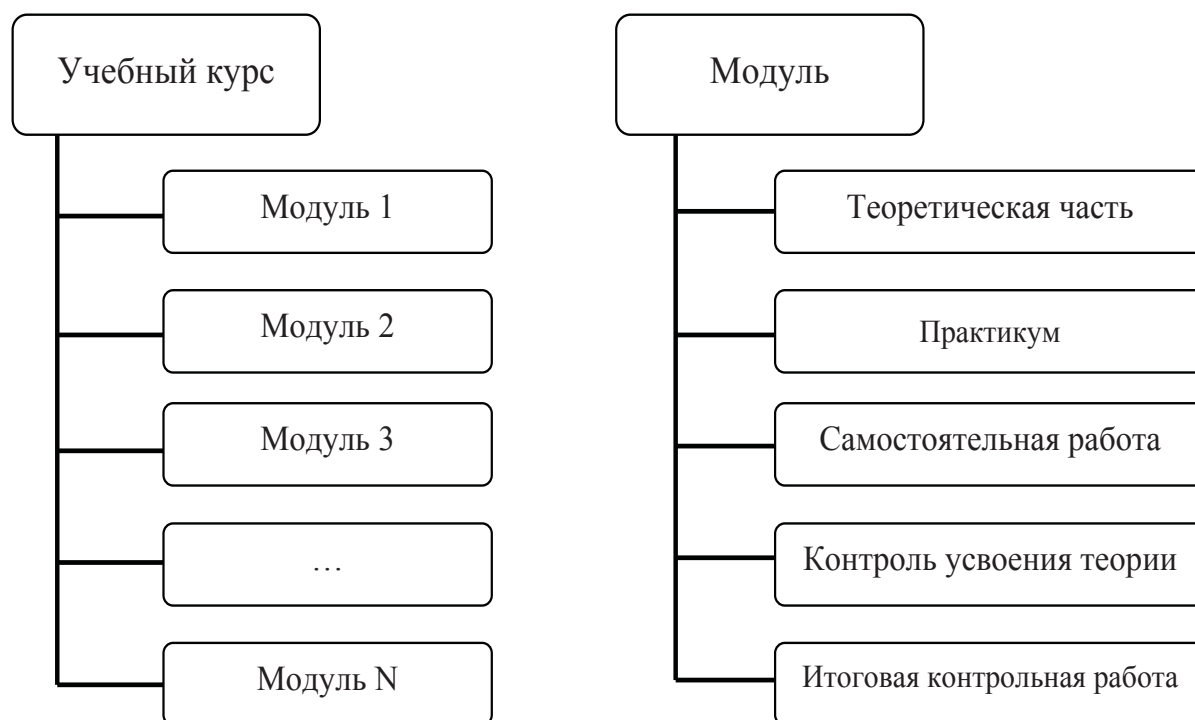

Рис. 1. Структура учебного модуля

технологии, формы и средства диагностики. Просчитав «частоту встречаемости» отдельных компетенций в ООП, рабочих программах учебных дисциплин, можно выделить «ядерные» и распределить их по формам рубежного и итогового контроля. Таким же образом можно «вычислить» компетенции, подлежащие оцениванию в ходе междисциплинарного государственного экзамена и защиты выпускной квалификационной работы.

Студентоцентрированность. Этот приоритет предполагает, что студент выступает в роли равноправного партнера учебного взаимодействия, а учебный процесс базируется на: а) учете личностных особенностей и потребностей студентов, включая формирование «индивидуальных образовательных траекторий»; б) акценте на самостоятельную деятельность и рефлексию; в) повышении личной ответственности за результаты обучения. В качестве механизма реализации этого приоритета выступает деятельностный тип обучения, предполагающий использование активных практико-ориентированных образовательных технологий (проектирование, моделирование, исследования, деловые игры, тренинги, имитационные занятия) и методов диагностики (ситуационные задания, публичные защиты, портфолио). Педагог выступает в качестве менеджера – организатора образовательной деятельности: он проектирует и организует учебный процесс в компетентностном формате, активизирует творческое мышление, развивает интеллектуальные способности, контролирует результаты образования.

Признавая весомость данных приоритетов в контексте проводимой реформы, внимательный аналитик будет искать и вряд ли найдет убедительные ответы на неизбежно возникающие вопросы:

Как при сокращении сроков обучения, удельного веса аудиторных и лекционных занятий обеспечить фундаментальность подготовки?

Как при приоритетном внимании **формам**, а не **содержанию** обучения обеспечить всеобщую мобильность студентов?

Как в новой образовательной ситуации избежать нивелирования личности педагога?

Как обеспечить дифференцированную по уровням (пороговый, базовый, повышенный) **объективную** диагностику сформированности компетенций?

Уже на стадии проектирования основных образовательных программ проявили себя очевидные недостатки ФГОС ВПО:

- ✓ неадекватность компетентностных моделей потребностям практики (о чем свидетельствует рассогласованность образовательных стандартов с регламентами профессиональной деятельности специалистов в области культуры и искусства);

- ✓ слабая связь между компетенциями и составляющими их «знаниями», «умениями», «владениями»;

- ✓ отсутствие принципов разграничения между «умениями» и «владениями» (возможные альтернативы: «уметь использовать методы и средства»; «владеть методами и средствами»);

- ✓ семантические неточности и методические погрешности.

Не первый раз оказываясь в проблемной ситуации с нечетко заданными исходными условиями и имея опыт разработки и реализации образовательных стандартов 2-го поколения, Лаборатория инновационных образовательных технологий совместно с Учебно-методическим управлением КемГУКИ предложила в качестве ключевого приоритета при переходе на компетентностную модель профессионального обучения рассматривать **технологический подход к разработке основных образовательных программ**. Как уже отмечалось выше, его базовым принципом является **концептуальность** – наличие единой идеологии, в качестве которой может выступать системный, деятельностный, структурно-функциональный и

иные методологические подходы, конкретная педагогическая или художественно-творческая система.

Так, в Институте информационных и библиотечных технологий (ИИБТ) такой методологией признан технологический подход к библиотечно-информационной деятельности с четко определенным набором базовых компонентов (рис. 2).

ниями, умениями, навыками, задаваемыми образовательным стандартом, и формируемыми их учебными дисциплинами (рис. 4). Для ФГОС ВПО и проектируемых на их основе образовательных программ данная форма закрепления компетенций, знаний, умений, владений за конкретными учебными дисциплинами стала обязательной.

Рис. 2. Технологическая структура библиотечно-информационной деятельности

Каждой составляющей библиотечной (информационной) технологии ставятся в соответствие учебные дисциплины, предметом изучения которых выступает тот или иной компонент или технологическая подсистема (рис. 3). Этот подход был апробирован преподавателями ИИБТ при разработке проекта ГОС ВПО 2-го поколения и последовательно реализован в действующем в настоящее время учебном плане специальности «Библиотечно-информационная деятельность».

Мы можем гордиться тем, что еще в 2002 г. при разработке проекта ГОС ВПО 2-го поколения творческой группой преподавателей ИИБТ была предложена форма, устанавливающая соответствие между зна-

К сожалению, не все методические решения, связанные с формированием основных образовательных программ в соответствии с требованиями ФГОС ВПО, были столь же очевидны. Их пришлось искать эмпирическим путем, основываясь на прошлом опыте и критическом анализе современных весьма противоречивых рекомендаций.

До преподавателей университета – членов рабочих групп по переводу КемГУКИ на уровневую систему ВПО и ФГОС ВПО – принятые методические решения доводились на занятиях учебно-практического семинара «Технология проектирования компетентностно-ориентированных основных образовательных программ» (табл. 1).

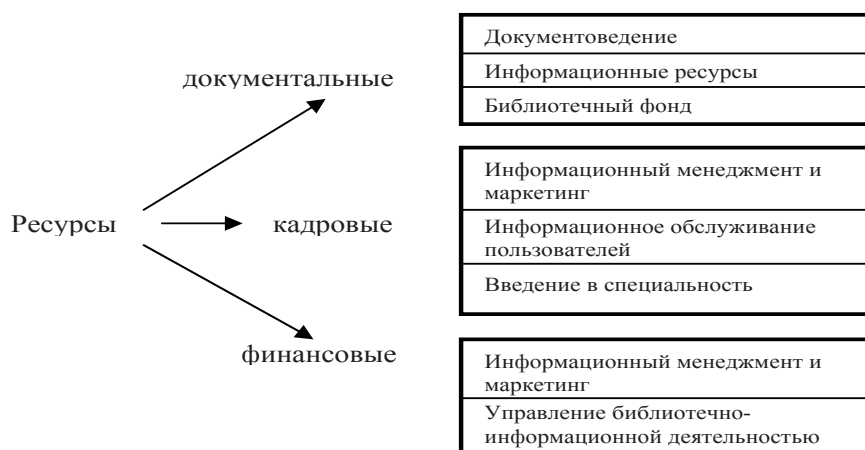

Рис. 3. Соответствие учебных дисциплин специальности «Библиотечно-информационная деятельность» ресурсной подсистеме библиотеки

Выпускник должен знать:

- классификацию, ассортимент и потребительские свойства информационных продуктов и услуг	Информационная технология. ОК	ОПД 08
	Информационное обслуживание пользователей	СД 07
- систему документационного обеспечения информационных технологий, типологию регламентов библиотечно-информационной деятельности	Информационная технология. ОК	ОПД 08
	Управление библиотечно-информационной деятельностью	ДС 06

Рис. 4. Соответствие между знаниями выпускника и формирующими их учебными дисциплинами

Таблица 1

Тематический план семинара «Технология проектирования компетентностно-ориентированных основных образовательных программ»

№ п/п	Тема
1.	Компетентностно-ориентированный подход к формированию основных образовательных программ
2.	Компетентностная модель выпускника: конкретизация типовой модели в ООП
3.	Учебный план: концепция, структура, содержательное наполнение
4.	Проектирование рабочих учебных программ и учебных модулей
5.	Современные образовательные технологии в реализации компетентностно-ориентированных ООП
6.	Оценка результатов освоения компетентностно-ориентированной учебной программы. Требования к контрольно-измерительным материалам
7.	Разработка программ учебных и производственных практик
8.	Разработка программы итоговой государственной аттестации

Результатом совместных усилий всего профессорско-преподавательского состава, временных творческих коллективов по проектированию основных образовательных программ, консультационной, экспертной, редакторской групп в короткие сроки выполнен основной объем подготовительных работ, позволяющих КемГУКИ в новом учебном году осуществлять набор на 21 направление подготовки по программе бакалавриата, одну программу специалитета, 4 магистерские програм-

мы. В ближайшем будущем коллективу предстоит серьезная работа по реализации разработанных образовательных программ, освоению актуальных образовательных технологий, формированию надежного информационного и учебно-методического обеспечения образовательной деятельности на базе современных информационно-коммуникационных технологий, практической реализации приоритетов компетентностного подхода в учебно-педагогической практике.

УДК 378

Т. Ю. Казарина

ОРГАНИЗАЦИЯ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА В ИНСТИТУТЕ ВИЗУАЛЬНЫХ ИСКУССТВ КЕМГУКИ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА НА ФГОС ВПО ТРЕТЬЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Дается анализ организации учебного процесса в Институте визуальных искусств Кемеровского государственного университета культуры и искусств в период перехода на подготовку бакалавров по художественно-творческим направлениям.

Ключевые слова: учебный процесс (УП), организация учебного процесса, Институт визуальных искусств (ИВИ), SWOT-анализ, ФГОС ВПО, направления подготовки; бакалавриат, основная образовательная программа (ООП), кредитно-модульная система, модуль.

T. Y. Kazarina

ORGANAZATION OF EDUCATIONAL PROCESS AT VISUAL ARTS INSTITUTE IN KEMGUKI IN THE TRANSITION TO THE GEF HPE

The article gives the analysis of the educational process at Visual Arts Institute in Kemerovo State University of Culture and Arts at the period of transition for the training of bachelors in creative art directions.

Keywords: learning process (LP), the organization of educational process, Visual Arts Institute (VAI), SWOT-analysis, the GEF HPE, training courses, Bachelorship, basic educational program (BEP), credit-modular system, module.

В новой структуре Кемеровского государственного университета культуры и искусств (КемГУКИ) Институт визуальных искусств (ИВИ) является учебным институтом. Учебный процесс в институте организуется в соответствии с требова-

ниями Федерального закона «Об образовании», Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», ГОС ВПО, Устава КемГУКИ и Положения об организации учебного процесса. Институт визуальных искусств создан

на базе факультета визуальных искусств, в его структуре три выпускающие кафедры: кафедра дизайна, кафедра фотовидеотворчества, кафедра декоративно-прикладного искусства.

Выделим специальности, по которым осуществляется подготовка специалистов в настоящее время в ИВИ, и обозначим направления подготовки бакалавров, по которым начнется подготовка со следующего учебного года.

учных публикациях А. С. Малин, В. А. Богословский, Е. В. Караваева, Е. Н. Ковтун, С. В. Коршунов, И. Б. Котлобовский, О. П. Мелехова, С. Е. Родионова, И. Г. Телешова и др. [1, 2, 3, 4].

Учебный процесс (УП) – конкретный вид целостного педагогического процесса, который реализует цели образования, воспитания и общего развития личности в специфических организационных формах обучения.

Таблица 1

Номенклатура специальностей/направлений подготовки, реализуемых в ИВИ

Выпускающая кафедра	Специальности/направления подготовки	
	ГОС ВПО	ФГОС ВПО
Кафедра дизайна	070601 Дизайн Специализация – Графический дизайн. Квалификация – дизайнер (графический дизайн) (6 лет). Форма обучения – очная	072500 Дизайн Профиль – Графический дизайн. Квалификация – бакалавр (4 года). Форма обучения – очная
Кафедра фотовидеотворчества	071301 Народное художественное творчество Специализация – Фототворчество. Квалификация – художественный руководитель любительской фотостудии, преподаватель (5 лет). Специализация – Кино-, видеотворчество. Квалификация – художественный руководитель любительской видеостудии, преподаватель (5 лет). Форма обучения – очная, заочная	071500 Народная художественная культура Профиль – Руководство студией кино-, фото- и видеотворчества. Квалификация – бакалавр (4 года). Форма обучения – очная, заочная
Кафедра декоративно-прикладного искусства	070801 Декоративно-прикладное искусство Специализация – Художественная керамика. Квалификация – художник декоративно-прикладного искусства (6 лет). Форма обучения – очная	072600 Декоративно-прикладное искусство и народные промыслы Профиль – Художественная керамика. Квалификация – бакалавр (4 года). Форма обучения – очная

Вопросам организации учебного процесса в условиях перехода на реализацию ФГОС ВПО уделяют внимание в своих на-

Учебный процесс включает в себя четыре основные стадии:

- подготовка и организация учебного процесса;

- ход учебного процесса и управление им;
- государственная аттестация по специальностям (направлениям подготовки);
- анализ профессиональной деятельности выпускников с целью корректировки их подготовки.

В настоящее время в высшем профессиональном образовании реализуются два основных принципа организации учебного процесса: **линейный** (традиционный) и **нелинейный** (модульный или кредитно-модульный с использованием зачетных единиц). Сравним их:

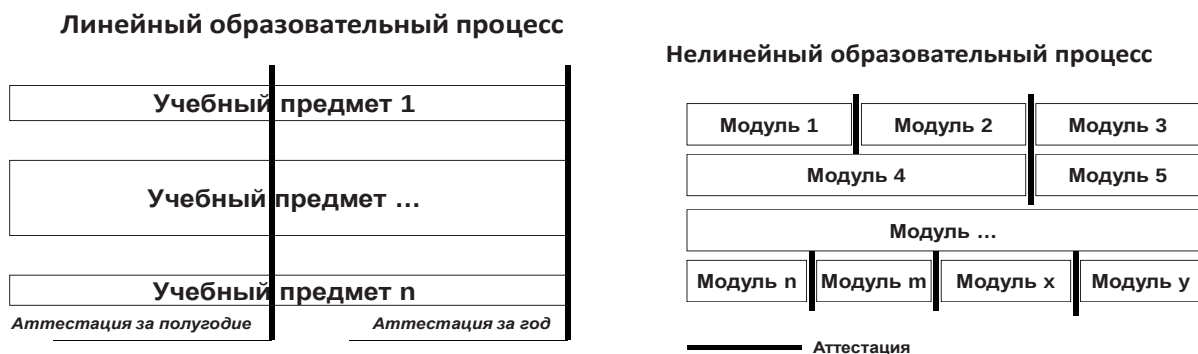

Рис. 1. Принципы организации учебного процесса

Что характерно для традиционной семестровой линейной системы? В случае ее реализации жизнь студента делится на два неравных отрезка: период спокойного (порой весьма вольготного) существования в течение полугодия, а затем короткий период безудержных авралов в ходе экзаменационной сессии.

Конечно, реализация новых стандартов высшего профессионального образования требует и инновационных форм организации учебного процесса. В этой связи модульная (кредитно-модульная) система является инновационной по отношению к линейной системе. Модульная система в настоящее время «обкатана» и активно внедряется вузами России.

Кредитно-модульная система – это модель организации учебного процесса,

основывающаяся на единстве модульных технологий обучения и зачетных кредитов ECTS как единиц измерения учебной нагрузки студента.

Модуль – часть образовательной программы, учебной дисциплины (курса) или учебных дисциплин (курсов), имеющая определенную логическую завершенность по отношению к целям и результатам освоения образовательной программы. Каждый модуль представляет собой совокупность учебных дисциплин, практик, форм контроля, методическое обеспечение и т. п., ответственных за формирование определенной компетенции (компетенций) [2].

Что дает модульное обучение? С позиции обучающегося (студента) – это возможность получения образования с минимальными затратами, в удобной форме, в удобное время, в своем темпе. С позиции обучающего (преподавателя) – высвобождение времени для тьюторской работы. С позиции учебного заведения – возможность обучения большего количества обучающихся теми же силами преподавателей и на той же учебной базе [1].

Модульная система, позволяя вводить дополнительные точки контроля качества знаний, нацелена на сглаживание столь неравномерного распределения усилий и стремится к тому, чтобы студенты напрягались в течение всего времени обучения, а не два раза в год. Конечно, сама по себе «нарезка» учебного года на модули не ре-

шает задачи содержания образования. Поэтому она должна сопрягаться с введением других инструментов, обеспечивающих равномерные и интенсивные усилия студентов, и, прежде всего, с введением накопительной системы оценки знаний.

Следует сказать об основных организационных условиях введения модульной системы: создание современной учебно-методической и материально-технической базы для обеспечения внедрения современных обучающих технологий; наличие жесткой учебной дисциплины, как со стороны студентов, так и со стороны преподавателей и администрации вуза, а также высокая мотивация первых к обучению, а вторых к самосовершенствованию и самообучению.

Модульная система потребует соблюдения определенных этапов для ее реализации: разработка «модульных» рабочих учебных планов; разработка технологических карт по всем дисциплинам; учет «модульности» при планировании нагрузки профессорско-преподавательского состава (ППС); накопительная система оценивания; модульный формат учебных программ; рейтинг студентов. И еще один важный момент, о котором нельзя забывать: модульное построение основной образовательной программы (ООП) должно быть закреплено в соответствующих нормативных документах вуза [1].

В ИВИ в дальнейшем продолжится реализация линейного принципа организации учебного процесса. И это связано со спецификой художественно-творческих специальностей института. Модульная система организации учебного процесса с использованием системы зачетных единиц по художественным направлениям подготовки «Дизайн» и «Декоративно-прикладное искусство и народные промыслы» будет затруднена, так как деление на модули предусмотрено только по нескольким дисциплинам учебных планов. Кроме того, характер

преподавания многих дисциплин общепрофессионального и профессионального циклов требует организации учебного процесса с использованием регулярных натуральных постановок, непрерывающегося процесса рисования и живописания, проектирования, коллективного просмотра и анализа учебных и творческих работ. И в этом заключается специфика организации учебного процесса в ИВИ. В этом случае будет затруднена модульная система организации учебного процесса с набором кредитов (зачетных единиц). По направлению подготовки «Народная художественная культура» по профилю «Руководство студией кино-, фото- и видеотворчества» модульная система может быть применена при соблюдении условий, о которых уже говорилось. Но в любом случае модульная система является основой для перехода на систему зачетных единиц.

Выделим основные элементы учебного процесса, без которых невозможна его эффективная организация в новых условиях перехода на уровневое образование: наличие ФГОС ВПО; разработка ООП по направлениям подготовки; рабочие учебные планы и график учебного процесса по направлениям подготовки бакалавров; расписание учебных занятий; кадровое обеспечение учебного процесса; материально-техническое обеспечение учебного процесса; аудиторный фонд; учебно-методическое обеспечение; нормативная документация, регламентирующая все процедурные моменты, возникающие при организации учебного процесса.

Для того чтобы понять наши внутренние возможности и оценить внешние воздействия на организацию учебного процесса в условиях перехода на реализацию ФГОС ВПО, была применена технология SWOT-анализа. И это позволило систематизировать всю имеющуюся информацию по организации учебного процесса в ИВИ,

увидеть ясную картину «поля боя», попытаться принять взвешенные решения, касающиеся дальнейшего развития.

SWOT-анализ – это технология для определения сильных и слабых сторон определенной проблемы (в данном случае – организации учебного процесса, сложившейся на сегодняшний день), а также возможностей и угроз, исходящих из ее ближайшего окружения (внешней среды).

SWOT-анализ включает следующие составляющие: **сильные стороны (Strengths)** – преимущества; **слабые стороны (Weaknesses)** – недостатки; **возможности (Opportunities)** – факторы внешней среды, использование которых создаст преимущества; **угрозы (Threats)** – факторы, которые могут потенциально ухудшить положение.

Внутренние характеристики SWOT-анализа – это преимущества и недостатки, которые можно контролировать и корректировать при организации УП. Выделим основные из них.

Сильные стороны, выявленные в результате SWOT-анализа:

Творческий характер УП (взаимодействие учебных и творческих задач). Следует сказать, что в соответствии с ФГОС ВПО творческая и научно-исследовательская работа становится составной частью образовательного процесса по всем трем направлениям подготовки ИВИ. Разделом учебной практики является художественно-творческая работа студентов, поэтому в рабочих программах практик и дисциплин будет обозначено участие

Таблица 2

SWOT-анализ состояния учебного процесса ИВИ

внутренние	Сильные стороны (Strengths): • Творческий характер УП. • Прикладная (технологическая) направленность УП. • Традиции в организации УП. • Реализация проектных технологий, технологии портфолио в УП. • Высокий процент ППС – членов творческих Союзов России (39,4 %). • Высокий процент ППС с государственными почетными званиями (39,4 %). • Обеспеченность УП учебно-методическими материалами. • Разработка ООП по трем направлениям подготовки бакалавров	Слабые стороны (Weaknesses): • Низкий процент ППС ИВИ с ученой степенью (15,2 %). • Слабая компьютерная грамотность ППС (кафедра ДПИ). • Недостаточная методическая грамотность определенной части ППС. • Слабое техническое оснащение УП (80,2 % износа компьютерного оборудования). • Недостаточность локальных актов (положений, инструкций), регламентирующих УП в условиях реализации ФГОС ВПО
внешние	Возможности (Opportunities): • Стимулирование учебной деятельности студентов (стипендии Президента РФ, Губернатора КО, Кузбассэнерго, премии, муниципальные, субсидии). • Участие социальных партнеров в организации УП. • Наличие ФГОС ВПО для разработки ООП по всем направлениям подготовки и организация УП в новых условиях	Угрозы (Threats): • Наличие конкурентов (ОУ) на рынке образовательных услуг. • Уменьшение конкурса на специальности (направления подготовки) ИВИ. • Отсутствие ПрООП УМО (по направлениям «Декоративно-прикладное искусство и народные промыслы», «Дизайн»)

студентов в выставках, конкурсах, фестивалях, конференциях.

Прикладная (технологическая) направленность УП. Проявляется по всем специальностям (направлениям подготовки): технологии графического дизайна, фототехнологии, видеотехнологии, технологии декоративно-прикладного искусства являются главной составляющей содержания учебного процесса.

Реализация проектных технологий, технологии портфолио в УП. Важно сохранить традиции выполнения курсовых и выпускных квалификационных работ (ВКР) проектного (творческого) характера. Так, например, УМО МГУКИ рекомендует в ПрООП сделать ВКР теоретической, но сложившийся богатый опыт подготовки специалистов доказывает, что именно творческий проект позволяет полностью оценить возможности выпускника.

Традиции в организации УП в ИВИ. В связи с переходом на уровневую систему образования следует сохранить положительный опыт взаимодействия коллективов кафедр, учебно-методического управления университета и дирекции ИВИ по организации учебного процесса. Организация учебного процесса в Институте визуальных искусств будет связана с «параллельной» реализацией образовательных программ ГОС ВПО и основных образовательных программ ФГОС ВПО еще на протяжении пяти с половиной лет. В 2015 году мы будем выпускать специалистов и делать первый выпуск бакалавров, а это потребует согласованности действий и подготовленности всех элементов УП.

Высокий процент ППС – членов творческих союзов России. 39,4 % ППС – члены Союза художников, дизайнеров, архитекторов, журналистов России. Более 50 % преподавателей являются лауреатами и дипломантами международных и всероссийских профессиональных конкурсов.

Высокий процент ППС с государственными почетными званиями. 39,4 % ППС кафедр ИВИ имеют государственные почетные звания, в том числе звания «Заслуженный работник культуры РФ» и «Заслуженный художник РФ». В ФГОС ВПО записано следующее: «К преподавателям с учеными степенями и/или учеными званиями приравниваются лица без ученых степеней и званий, имеющие государственные почетные звания, дипломы лауреатов и степеней международных и всероссийских конкурсов, патенты на промышленные образцы, являющиеся членами Союза художников России, Союза дизайнеров Российской Федерации, Союза архитекторов, а также других российских и международных творческих союзов соответствующего профиля, лауреаты государственных премий в соответствующей профессиональной сфере». По данной позиции мы имеем преимущество, об этом говорят данные SWOT-анализа.

Слабые стороны, выявленные в результате SWOT-анализа:

Низкий процент ППС с ученой степенью. Только 15,2 % ППС трех выпускающих кафедр имеют ученые степени кандидатов и докторов наук.

Слабое техническое и материальное оснащение УП. 80,2 % – степень износа компьютерного оборудования ИВИ. Следует сказать о минимально необходимом для реализации ООП бакалавриата перечне материально-технического обеспечения по направлениям подготовки ИВИ в соответствии с ФГОС ВПО: специально оборудованные кабинеты академического рисунка, академической живописи, скульптуры и пластического моделирования; производственные мастерские; специализированные компьютерные классы; лаборатории по профессиональной подготовке; проектные мастерские по всем видам дизайна; специализированные компьютерные классы; производственные мастерские; студии фото- и светотехники, печати

и полиграфии; лаборатории черчения и моделирования; аудитории, оборудованные проекционным оборудованием, компьютерами, светотехническими и акустическими устройствами; учебные аудитории для точных лекций, групповых и индивидуальных занятий; компьютерный класс; оборудование для кино-, фото-, видеосъемки; видеотека, фильмотека.

Недостаточность локальных актов (положений), регламентирующих УП в условиях реализации ФГОС ВПО. Возникает необходимость разработки положения об организации учебного процесса в условиях реализации ФГОС ВПО с учетом специфики ИВИ.

Внешние характеристики SWOT-анализа – возможности и угрозы, неподвластные влиянию ОУ. Но и эти характеристики важно учитывать при организации учебного процесса.

Обозначим **возможности**, выявленные в результате SWOT-анализа:

Стимулирование учебной деятельности студентов на протяжении всех лет обучения: стипендии Президента РФ, Губернатора КО, Кузбассэнерго, муниципальные, субсидии, премии и др.

Участие социальных партнеров в организации УП. Реализация компетентного подхода предусматривает широкое использование в учебном процессе активных и интерактивных форм проведения занятий с целью формирования и развития профессиональных навыков обучающихся. В рамках учебных курсов будут предусмотрены встречи с представителями российских и зарубежных компаний, государственных и общественных организаций, мастер-классы экспертов и специалистов. К образовательному процессу будут привлечены не менее 5 % преподавателей из числа действующих руководителей и работников профильных организаций, предприятий, учреждений и творческих союзов. Контакты с работодателями, партнерами происходят уже сейчас в условиях реали-

зации ГОС ВПО, это фундамент для дальнейшего взаимодействия с ними не только на практике, но и в учебном процессе.

Обозначим **угрозы**, выявленные в результате SWOT-анализа:

Наличие конкурентов на рынке образовательных услуг. В настоящее время ими являются: филиал Российского государственного профессионально-педагогического университета (РГППУ) в г. Кемерово, Кемеровское областное художественное училище, частные фотошколы.

Уменьшение конкурса на специальности (направления подготовки) ИВИ. Это связано с демографической ситуацией и снижением общего количества выпускников в последние годы.

Отсутствие ПрООП УМО. Примерные ООП УМО Московской государственной художественно-промышленной академии имени С. Г. Строганова (МГХПА им. Строганова) по направлениям подготовки «Дизайн» и «Декоративно-прикладное искусство» представляют собой «укороченный» вариант только с обозначением профилей подготовки, а примерная ООП УМО Московского государственного университета культуры и искусств (МГУКИ) по «Народной художественной культуре» представляет собой «сырой» вариант.

Таким образом, данные SWOT-анализа позволяют структурировать имеющуюся информацию об организации УП, по-новому взглянуть на текущую ситуацию, определить последующие действия ИВИ в организации учебного процесса: сбалансировать расписание, совершенствовать кадровый потенциал, оптимизировать аудиторный фонд, доработать ООП, учебно-методическое обеспечение, материально-техническую базу.

Анализ ФГОС ВПО трех направлений подготовки по основным позициям выявил и проблемные зоны новых стандартов, когда нет совпадений по некоторым позициям (см. табл. 3). Это негативно скажется на организации учебного процесса в новых условиях.

Анализ основных позиций ФГОС ВПО по направлениям подготовки ИВИ

Виды профессиональной деятельности бакалавров	Компетенции общекультурные (ОК), профессиональные (ПК)	Максимальная недельная аудиторная нагрузка	Занятия лекционного типа	Интерактивные формы
ДПИ и народные промыслы				
художественная; проектная; производственно-технологическая; организационно-управленческая; педагогическая	14 (15) ОК/ 5ПК	42 акад. часа в неделю	Лекции – не более 40 % ауд. занятий	Не менее 20 % ауд. занятий
Дизайн				
художественная, проектная; информационно-технологическая; организационно-управленческая; педагогическая	16 ОК/ 6 ПК	36 акад. часов в неделю	Лекции – не более 40 % ауд. занятий	Не менее 20 % ауд. занятий
Народная художественная культура				
педагогическая; художественно-творческая; методическая; организационно-управленческая; культурно-просветительная	16 ОК/ 27 ПК	36 акад. часов в неделю	Лекции – не более 90 % ауд. занятий	Не менее 3 % ауд. занятий

Основные условия организации учебного процесса при реализации ФГОС ВПО

Системный подход в организации УП. Взаимодействие всех подразделений вуза для эффективной организации учебного процесса.

Синхронизация учебных планов и сбалансированность дисциплин учебного плана. Была сделана попытка синхронизировать учебные планы, сбалансировать дисциплины для равномерного распределения нагрузки обучающихся в течение всего периода обучения по базовой части социального, гуманитарного и экономического цикла учебного плана по трем направлениям подготовки и по дисциплинам общепрофессионального и профессионального циклов по двум направлениям подготовки, и это удалось в определенной степени. В рабочих учеб-

ных планах по направлениям подготовки «Дизайн», «Декоративно-прикладное искусство и народные промыслы», «Народная художественная культура» (профиль «Руководство студией кино-, фото-, видеотворчества») продумана синхронизация дисциплин, по которым студенты будут обучаться в одни сроки и получать один объем образовательных услуг: **1 курс** – история, иностранный язык, русский язык и культура речи; история искусств, академический рисунок, академическая живопись, проектирование, пропедевтика; **2 курс** – философия, иностранный язык; история искусств, академический рисунок, академическая живопись, академическая скульптура и пластическое моделирование, проектирование; **3 курс** – культурология; академический рисунок, академическая живопись, проектирование, основы произ-

водственного мастерства; **4 курс** – право-ведение/авторское право; академический рисунок, академическая живопись, проектирование, основы производственного мастерства, методика преподавания специальных дисциплин.

В организации учебного процесса синхронизация дисциплин учебного плана дает возможность оптимизировать использование аудиторного фонда и кадрового потенциала.

Мобильность реагирования на требуемые изменения ООП. В соответствии с ФГОС ВПО высшие учебные заведения будут обязаны ежегодно обновлять основные образовательные программы с учетом развития науки, техники, культуры, экономики, технологий и социальной сферы. В дальнейшем для обучающихся возможен переход на формирование и разработку индивидуальных образовательных программ.

Регламентация учебного процесса. Локальные акты (положения, инструкции) регламентируют и конкретизируют все механизмы организации УП любой модели (системы).

Контроль качества реализации ООП. Выстроив систему организации учебного процесса, важно контролировать ход этого процесса. Для этого необходимо систематически проводить мониторинг учебного процесса и своевременную его корректировку.

Рейтинг преподавателей и студентов. Бально-рейтинговая система, положенная в основу преподавания учебных дисциплин в условиях уровневого образования, позволит использовать ее результаты для установления рейтинга студентов. Рейтинговая система должна предусматривать поощрение студентов за систематическую работу в семестре обеспечением возможности получения семестровой оценки без сдачи экзаменов или зачетов. Рейтинг преподавателя может складываться из четырех параметров, которые оцениваются студентами по удобной пятибалльной шкале. В числе этих параметров: систематичность изложения материала, ясность изложения материала, контакт преподавателя с аудиторией, доступность преподавателя во внеучебное время.

Эффективность деятельности кураторов. В условиях реализации ФГОС ВПО возможен переход к институту тьюторов.

Компьютеризация УП. Использование в образовательном процессе электронных ресурсов становится обязательным, о чем говорится в ФГОС ВПО.

Стимулирование деятельности участников УП. Развитие системы вознаграждений и санкций как в отношении студентов, привязанных к формальным показателям их успеваемости, так и в отношении преподавателей.

Литература

1. Малин А. С. Планирование и организация учебного процесса в инновационном вузе // Экономика образования. – 2008. – № 4. – С. 4–31.
2. Методические рекомендации по применению системы зачетных единиц (ECTS) при разработке и реализации программ высшего профессионального образования в условиях введения федеральных государственных образовательных стандартов / Б. А. Сазонов, Е. В. Караваева, Н. И. Максимов. – М.: Изд-во МГУ, 2007. – 104 с.
3. Переход российских вузов на уровневую систему подготовки кадров в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами: нормативно-методические аспекты. – М.: Университетская книга, 2010. – 248 с.
4. Проектирование основных образовательных программ вуза при реализации уровневой подготовки кадров на основе федеральных государственных образовательных стандартов. – М.: МИПК МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2009. – 168 с.

Г. И. Сбитнева

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ В КУРСЕ «ОТРАСЛЕВЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ»

В статье приводится характеристика традиционной и инновационной образовательной среды. Рассматривается компетентностный подход к подготовке студентов, реализуемый в инновационной программе по курсу «Отраслевые информационные ресурсы».

Ключевые слова: инновации, информационные ресурсы, образовательная среда, профессиональные компетенции.

G. I. Sbitneva

FORMING PROFESSIONAL COMPETENCES FOR THE COURSE «INFORMATION RESOURCES FOR SPECIAL FIELDS»

The article studies the characteristic of components for traditional and innovation educational area. The competence approach for preparing students implemented the innovation program on the course «Information resources for special fields» is considered.

Keywords: innovations, information resources, educational area, professional competens.

Современное экономическое пространство предъявляет жесткие требования к специалистам, которые оказываются в условиях ежедневной конкурентной борьбы за свои рабочие места. Экономические субъекты находятся в динамично изменяющемся окружении, а потому и современная профессиональная деятельность характеризуется высокой степенью непредсказуемости. Подготовка современного специалиста в настоящее время требует не только приобретения знаний, и умений, но овладение компетенциями – таким комплексом личностных качеств, которые обеспечат конкурентоспособность в изменяющихся условиях профессиональной деятельности.

Отличие компетенции от знаний, умений, навыков

Компетенция:

✓ *в отличие от знания* существует в форме деятельности (реальной или умственной), а не информации о ней;

✓ *в отличие от умения* совершенствуется не автоматически, путем превращения в навык, а путем интеграции с другими компетенциями;

✓ *в отличие от навыка* осознана.

Компетенции:

✓ *выражают ожидаемые и измеримые результаты обучения* – конкретные достижения студентов (выпускников), которые определяют, что будет **способен делать** студент (выпускник) по завершении всей или части образовательной программы;

✓ характеризуются утверждениями «**могу делать**», которые отражают **трудоустраиваемость** выпускников, обучающихся по той или иной образовательной программе;

✓ отвечают на вопрос, что *должен знать, понимать и уметь* студент, чтобы быть **востребованным**;

✓ *измеряются* с помощью результатов обучения, которые составляют «реко-

мендательную рамку» или связующее звено для рынка труда, степени, получаемой по окончании образовательной программы (модуля), трудозатрат (ECTS – Европейская система перевода и накопления кредитов), методов обучения и преподавания.

Компетентностный подход к вузовскому образованию требует создания инновационной образовательной среды, которая существенно отличается от современной.

Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) ориентирован на работу в инновационной среде, поэтому требования ФГОС касаются всех без исключения предметов.

Курс «Отраслевые информационные ресурсы» относится к базовым теоретическим и прикладным дисциплинам, обеспечивающим освоение методов создания

Таблица 1

Характеристика образовательной среды настоящего и будущего

Традиционная образовательная среда	Инновационная образовательная среда
Содержание обучения	
Студенты имеют доступ к информации, ограниченный выбором преподавателя или возможностями библиотеки	Студенты имеют неограниченный доступ к источникам информации разного уровня
Студенты запоминают факты и лишь иногда критически анализируют информацию	Студенты занимаются анализом, требующим навыков мышления высокого уровня, оценкой материала, обобщением фактов
Целью является поиск правильного ответа	Целью является поиск одного или нескольких из возможных правильных ответов, генерирование новых идей
Педагог выбирает виды деятельности и предоставляет материалы подходящего уровня	Студенты самостоятельно выбирают виды деятельности из предлагаемых преподавателем, а иногда сами выбирают уровень сложности выполняемой работы
Преподавание	
Преподаватель – источник информации, помогает получать знания и формировать навыки	Педагог – организатор, проводник и наблюдатель – создает возможность применить полученные умения для построения нового знания
Обучение – процесс инструктирования (объяснения)	Обучение – творческий процесс созидания
Студенты выполняют короткие, изолированные задания и упражнения, связанные с изучаемым материалом	Студенты работают над заданиями и проектами, связанными с долгосрочными задачами и нацеленными на глубокое понимание знаний и их последующее применение
Образовательное пространство	
Студенты пассивны, занимаются в аудитории, где чаще всего царит тишина	Аудитория – рабочее помещение, где идет работа, уровень шума зависит от того, чем занимаются студенты
Чаще всего работают индивидуально	Часто работают совместно друг с другом
Оценка	
Чаще всего индивидуально сдают письменные экзамены. Задачи и темы держатся в секрете, так что приходится учить весь материал, хотя только часть его будет проверена	Заранее знают, как будет оцениваться их труд, понимают критерии, по которым их будут оценивать, получают обратную реакцию от своих педагогов и сокурсников и имеют множество возможностей для самооценки

и поиска информации. В проекте программы курса его содержание ограничивается традиционными и электронными ресурсами основных отраслей. В предлагаемой же нами программе курса вводится раздел «Структура информационных ресурсов», в котором рассматриваются правовые аспекты, государственная политика в сфере информационных ресурсов, их мониторинг, первичный и вторичный документный поток как информационный ресурс общества.

Формируемые курсом компетенции:

- ✓ способность к анализу социально значимых проблем и процессов;
- ✓ способность к выявлению, анализу и оценке информационных ресурсов общества;

✓ способность к информационной диагностике предметной области и информационному моделированию;

✓ готовность к созданию информационно-аналитической продукции на основе анализа информационных ресурсов.

В соответствии с формируемыми в дисциплине компетенциями изменилась цель, знания, умения, владения, которые должны приобрести студенты в результате его изучения.

Далее приводится раскрытие этих аспектов в традиционной программе (2006 г.) и инновационной программе, разработанной в настоящее время.

Цель обучения:

<i>Традиционное</i>	<i>Инновационное</i>
Формирование знаний об общих проблемах создания и эксплуатации ИР, роли государства в этих процессах, правовой основе, мониторинге ИР, первичном и вторичном документном потоке, электронных ИР	Формирование системы знаний и навыков использования методов и средств информационной теории и информационных технологий для поиска и последующей обработки профессиональной информации при удовлетворении разнообразных профессиональных информационных потребностей субъектов информационного рынка

Знать:

<i>Традиционное</i>	<i>Инновационное</i>
• основной понятийный аппарат; • классы информационных ресурсов; • законодательную и нормативную основу, обеспечивающую создание и функционирование информационных ресурсов; • электронные информационные ресурсы; • закономерности развития первичного и вторичного документного потока; • состав и структуру отраслевых ИР	• основной понятийный аппарат; • состав, структуру, свойства, классы информационных ресурсов; • законодательную и нормативную основу, обеспечивающую создание и функционирование информационных ресурсов; • государственную политику в сфере информационных ресурсов; • структуру мирового рынка информационных ресурсов и тенденции его развития; • особенности развития и функционирования информационных ресурсов, описывающих отдельные отрасли, узкоотраслевые направления, социально-значимые проблемы; • методы анализа информационных ресурсов

Уметь:

<i>Традиционное</i>	<i>Инновационное</i>
• классифицировать и описывать информационные ресурсы; • выявлять ИР; • анализировать ИР по заданным признакам	• выявлять, классифицировать и описывать информационные ресурсы; • анализировать информационные ресурсы; • изучать ИР по заданным признакам; • прогнозировать развитие ИР; • создавать информационную модель объекта; • проектировать и создавать информационные продукты и услуги, отвечающие информационным потребностям и запросам пользователей

Владеть:

<i>Традиционное</i>	<i>Инновационное</i>
• навыками классификации и анализа ИР по заданным признакам	• методами классификации и анализа информационных ресурсов; • методами проектирования и создания информационных продуктов и услуг; • навыками анализа социально значимых проблем посредством изучения закономерностей; функционирования и развития первичного документного потока; • методами моделирования информационной ситуации в отраслях, отраслевых направлениях, проблемах

В предлагаемой программе делается акцент на практическую составляющую курса за счет формируемых в нем умений и владений.

Компетентностный подход связан не только с получением знаний и умений в области информационных ресурсов, но и с владением методами описания, проектирования, информационных продуктов и услуг, в соответствии с информационными потребностями пользователей, методами моделирования информационной ситуации в определенной сфере.

Степень освоения компетенций зависит от содержания изучаемой темы: в некоторых темах делается упор на знания, в других – на формирование компетенций.

Пример темы, носящий в большей мере «знаниевый» характер:

Государственные информационные ресурсы

Компетенции: способность к анализу и оценке информационных ресурсов.

Знать: состав, структуру, свойства государственных информационных ресурсов.

Уметь: классифицировать и описывать государственные информационные ресурсы.

Владеть: методами анализа и прогнозирования государственных информационных ресурсов.

Виды учебных занятий:

Лекция «Государственные информационные ресурсы».

Практическое занятие «Структурный анализ информационных ресурсов ГСНТИ».

Компетентностный подход реализуется в большей мере в теме «**Первичный документальный поток как информационный ресурс общества**».

Компетенции:

- способность к анализу социально значимых проблем;
- способность к информационной диагностике объекта;
- готовность к моделированию информационной ситуации.
- **Знать:** закономерности развития и функционирования первичного документального потока.

Уметь:

- изучать информационные ресурсы по заданным признакам;
- проектировать ИПУ;
- создавать информационную модель объекта.

Владеть:

- методами анализа социально значимых проблем;
- методами моделирования информационной ситуации;
- методами описания, анализа, диагностики объекта.

Виды учебных занятий:

Лекции:

- «Закономерности развития первичного документного потока».
- «Закономерности функционирования первичного документного потока».

Практические занятия:

- «Изучение закономерности старения первичного документного потока».
- «Изучение закономерности рассеяния первичного документного потока».
- «Изучение особенностей структурирования первичного документного потока».
- «Научомерическое портретирование» (кейс-анализ).

Компетентностный подход способствует усилению практической значимости предмета, готовности студентов к решению задач не только в информационно-библиотечной сфере, но и в любой другой, где функционируют информационные ресурсы.

Вместе с тем введение компетентностного подхода требует решения ряда проблем, среди которых: методические, организационные, экономические.

Должны быть четко зафиксированы межпредметные связи, определена очередность не только читаемых предметов и тем, но и выполняемых практических и самостоятельных занятий.

Необходимо увеличение количества автоматизированных рабочих мест студентов для аудиторных и внеаудиторных занятий.

Разработка инновационных практических занятий и заданий для самостоятельной работы студентов должна быть предусмотрена при планировании учебной нагрузки педагога.

Литература

1. Информационные ресурсы: учеб. программа по курсу «Информационные ресурсы» по специальности 071201 «Библиотечно-информационная деятельность», квалификации «Референт-аналитик информационных ресурсов» / сост.: Г. И. Сбитнева, О. Н. Морева. – Кемерово: Кемеров. гос. ун-т культуры и искусств, 2006. – 28 с.
2. Ли М. Г. Бакалавр и магистр: проектирование профессиональных компетенций // науч. и техн. библиотеки. – 2008. – № 8. – С. 49–55.
3. Отраслевые информационные ресурсы: рабочая программа дисциплины по направлению подготовки 071900 «Библиотечно-информационная деятельность», профиль подготовки «Информационно-аналитическая деятельность» (проект) / сост. Г. И. Сбитнева. – Кемерово: Кемеров. гос. ун-т культуры и искусств, 2011. – 30 с.

УДК 378

*Ю. В. Жегульская***ФАКТОРЫ УЧЕБНОЙ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ ПЕРВОГО КУРСА
(НА ПРИМЕРЕ КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ)**

В статье представлены результаты эмпирического исследования объективных и субъективных факторов, определяющих процесс адаптации студентов на начальном этапе обучения в условиях вуза культуры и искусств.

Ключевые слова: обучение в вузе, студент, учебная адаптация, факторы адаптации.

*Yu. V. Zhegulskaya***FACTORS OF LEARNING ADAPTATION OF THE FIRST-YEAR STUDENTS
(AS IN KEMEROVO STATE UNIVERSITY OF CULTURE AND ARTS)**

The article gives the empirical research results of objective and subjective factors, defining the students' adaptation process at the beginning phase of their studying in conditions of the institute of culture and arts.

Keywords: studying at the institute, student, learning adaptation, factors of adaptation.

Проблема адаптации человека к природной и социальной реальности является предметом изучения многих естественных и общественных наук, изучающих жизнедеятельность человека во всех формах ее проявления. По мнению Г. И. Царегородцева, адаптация может быть отнесена к таким общенаучным понятиям, которые возникают на «стыках», «точках соприкосновения» наук (как и само понятие «адаптация», возникшее первоначально в биологии) и экстраполируются в дальнейшем на многие сферы естественных и социальных наук [1, с. 6–7].

В работах физиологов адаптация понимается как процесс перестройки разнообразных функций и систем организма, направленный на поддержание внутреннего гомеостаза [2, с. 17]. Так, В. И. Медведев определяет адаптацию как «системный ответ организма на длительное и многократное воздействие внешней среды, направленный на такое изменение структуры

гомеостатического регулирования, которое обеспечивает его жизнь и деятельность путем формирования адекватного внешнему фактору первичного ответа и минимальной реакции платы» [3, с. 63]. С позиции социологии и психологии сущность адаптации не устраняет биологических и физиологических форм приспособления, а видоизменяет их от природного приспособления «индивид – природная среда» к социальному приспособлению «личность – социальная среда» [4, с. 12–13]. Отсюда социальную адаптацию в первом приближении можно определить как процесс и результат установления относительного взаимного соответствия между потребностями личности и требованиями социальной среды [5, с. 20].

Необходимость в социальной адаптации актуализируется в условиях существенного изменения деятельности человека, трансформаций в его социальном окружении. С началом обучения в вузе

первокурсник сталкивается с новыми условиями деятельности и социальной среды, эффективность приспособления к которым в значительной мере определяет успешность его учебной деятельности и дальнейшее личностное развитие. С. А. Гапонова отмечает, что для большинства студентов первого курса совершенно новые для них условия жизни (ломка сложившегося динамического стереотипа в учебной деятельности, приспособление к другим условиям быта) – процесс болезненный [6]. В. В. Лагерева определяет адаптацию студентов к обучению в вузе как «интенсивный и динамичный, многосторонний и комплексный процесс жизнедеятельности, в ходе которого индивид на основе соответствующих приспособительных реакций вырабатывает устойчивые навыки удовлетворения тех требований, которые предъявляются ему в ходе обучения и воспитания в высшей школе» [7, с. 5].

В работах [6, 8, 9, 10] выделены характерные особенности, отличающие вузовское обучение от школьного, которые представлены как факторы адаптации первокурсника, являющиеся одновременно причинами «отсева» из вуза: *психолого-педагогические особенности*, связанные в большей степени с содержанием и условиями организации учебно-воспитательного процесса в вузе; *социально-психологические особенности*, отражающие в основном необходимость приспособления студентов к новым видам социальных отношений. К исходным субъективным факторам, негативно влияющим на процесс адаптации и лежащим в основе типичных затруднений студентов начальных курсов, относят: недостаточный уровень фактической подготовленности по программе средней школы, несформированные навыки учебной работы, слабость волевой регуляции, пассивную роль в овладении избранной специальностью, невысокий уровень культуры, социальную инфантильность, не-

достаточную выраженность установки на приобретение профессии, случайность сделанного профессионального и жизненного выбора, неуверенность в собственных силах, сомнение в возможности успешного обучения в вузе как результат осознания студентами рассмотренных выше факторов [7].

В ноябре 2010 г. лабораторией социально-психологической адаптации студентов Кемеровского государственного университета культуры и искусств было проведено комплексное исследование особенностей адаптации студентов 1 курса в образовательном пространстве университета. В данном исследовании приняли участие 248 первокурсников всех специальностей/направлений подготовки дневного отделения (77 % от числа зачисленных студентов на первый курс университета при очной форме обучения). В данной статье представлены результаты изучения некоторых факторов, определяющих процесс адаптации студента в вузе.

К моменту проведения исследования студенты 1 курса имели некоторый опыт обучения в университете, в соответствии с которым при анкетировании им было предложено оценить собственную дидактическую подготовленность (табл. 1), сложность учебной нагрузки (табл. 2) по тем учебным дисциплинам, которые они изучали в течение первых трех месяцев обучения.

Субъективная оценка первокурсниками фактической подготовленности по программе средней школы или другой формы довузовской подготовки показывает, что большинство студентов считают свой уровень дидактической подготовленности достаточным для обучения в университете. В сравнении специальностей/направлений подготовки отмечается, что практически все первокурсники групп «Графический дизайн», «Декоративно-прикладное искусство», «Хореографическое искусство»

считают себя хорошо подготовленными к обучению в университете, что объясняется их предшествующим обучением в системе среднего профессионального образования. Наиболее критическая оценка собственной дидактической подготовленности к обучению в вузе зарегистрирована у студентов группы «Балетмейстер-преподаватель»-102: из 13 первокурсников группы 6 человек отметили свою школьную подготовку как недостаточную, несоответствующую требованиям вуза.

там мне сложно учиться», «Мне тяжело, но терпимо», «Нагрузка на пределе моих возможностей», «Мне очень сложно, я не справляюсь» и др.) и дифференциация по пяти группам тяжести и напряженности учебной нагрузки.

Несмотря на то, что большая часть студентов 1 курса определила сложность учебной нагрузки как незначительную и среднюю, обращает на себя внимание тот факт, что более трети первокурсников считают предъявляемую учебную нагрузку

Таблица 1

Дидактическая подготовленность студентов

Параметры довузовской подготовки	Студенты 1 курса								
	КемГУКИ* 248 чел.		ИИБТ (23 чел.)	ИВИ (41 чел.)	ИМ (40 чел.)	ИСКТ (41 чел.)	ИТ (40 чел.)	ИХ (44 чел.)	СГИ (19 чел.)
Достаточная	203	81,9 %	18	37	31	33	34	34	16
Недостаточная	45	18,1 %	5	4	9	8	6	10	3

* В таблицах и рисунках используются сокращения: КемГУКИ – ФГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств», ИИБТ – Институт информационных и библиотечных технологий, ИВИ – Институт визуальных искусств, ИМ – Институт музыки, ИСКТ – Институт социально-культурных технологий, ИТ – Институт театра, ИХ – Институт хореографии, СГИ – социально-гуманитарный институт.

Таблица 2

Сложность учебной нагрузки

Параметры учебной нагрузки	Студенты 1 курса								
	КемГУКИ 248 чел.		ИИБТ (23 чел.)	ИВИ (41 чел.)	ИМ (40 чел.)	ИСКТ (41 чел.)	ИТ (40 чел.)	ИХ (44 чел.)	СГИ (19 чел.)
Незначительная	20	8,1 %	3	2	4	4	4	2	1
Средняя	128	51,6 %	14	21	19	21	22	19	12
Высокая	92	37,1 %	4	18	12	16	14	23	5
Очень высокая	7	2,8 %	2	0	5	0	0	0	0
Запредельная	1	0,4 %	0	0	0	0	0	0	1

Для анализа субъективной оценки сложности учебной нагрузки проводилась интерпретация вариантов ответов студентов («Я легко справляюсь», «В целом справляюсь», «По отдельным предме-

высокой. С одной стороны, учебная деятельность для студентов, безусловно, является нелегким трудом и соответственно выступает фактором адаптации к условиям обучения в вузе. С другой стороны,

именно эта часть студентов при сохранении у них трудностей в овладении учебно-профессиональной деятельностью имеет высокие риски формирования отклоняющего поведения, социальной дезадаптации, отчисления.

Анализ причин основных трудностей в учебе, которые испытывают первокурсники, позволяет заключить, что студенты сталкиваются с комплексом факторов как субъективных (зависящих главным образом от самих студентов), так и объективных (в большей степени зависящих от внешних обстоятельств), к числу последних можно отнести содержание и организацию учебной деятельности в вузе. Среди объективных факторов (рис. 1) первокурсники отмечают неравномерное распределение учебной нагрузки в течение недели (30 % студентов указали данную причину трудностей в обучении), различие требований и критериев оценки у разных преподавателей (данный фактор является актуальным для 17 % студентов первого курса), недостаток учебной литературы (как затруднение успешного обучения выделяют 10 % первокурсников). С некоторой долей условности в данную группу факторов можно отнести такие указанные студентами затруднения, как: большой объем заданий при подготовке к семинарам, практическим занятиям (19 % студентов) и сложность в понимании лекций преподавателей ввиду непонятного научного языка, избытка информации (10 % первокурсников).

Необходимо отметить, что среди всех объективных факторов адаптации к учебному процессу неравномерность распределения учебной нагрузки в течение недели наиболее часто отмечали студенты групп «Режиссура любительского театра», «Теория и история народной художественной культуры», «Социально-культурный сервис и туризм», «Постановка и продюсирование культурно-досуговых программ».

На различие требований, критериев оценки у разных преподавателей указывала значительная часть первокурсников групп «Референт-аналитик информационных ресурсов», «Педагогика детско-юношеского досуга». Большой объем заданий при подготовке к семинарам, практическим занятиям как фактор, вызывающий значительные затруднения в учебе, выделили студенты групп «Графический дизайн», «Музыкальное образование», «Оркестр народных инструментов»; для первокурсников группы «Балетмейстер-преподаватель»-102 основной трудностью обучения в университете является сложность понимания лекций.

Изучение факторов адаптации студентов к учебной деятельности показало, что общим субъективным затруднением успешной учебной деятельности для первокурсников является личная неорганизованность. Такие факторы, как отсутствие навыков самостоятельной работы, неготовность к активной работе на занятиях, неумение выступать на семинарских занятиях для студентов разных специальностей/направлений подготовки, имеют неодинаковое значение (рис. 2).

Для 25 % студентов первого курса личная неорганизованность является важной причиной имеющихся затруднений в учебной деятельности. По мнению первокурсников группы «Режиссура театрализованных представлений и праздников», данный фактор для них является практически единственным барьером успешного обучения. 15 % респондентов отметили, как значимую причину трудностей вузовского обучения, неумение выступать на семинарских занятиях, что в значительной мере затрудняет их адаптацию к учебной деятельности ввиду ориентированности на пассивное восприятие материала, несформированности умений четко и ясно излагать свои мысли, аргументированно отстаивать свою позицию. Для первокурсников института музыки, по их мнению, именно

неумение выступать на семинарских занятиях является ведущим фактором учебной адаптации. Данное обстоятельство следует учитывать преподавателям, работающим со студентами первого курса, поскольку для эффективной реализации семинарских занятий требуется пропедевтическая работа по обучению студентов подготовке к занятию и работе в ходе семинара.

том обучения в университете, не в полной мере имеет представление о сущности, формах, компонентах (соответственно и навыках) самостоятельной работы студента как основы вузовского образования. Недостаточно критично относятся студенты и к оценке такого умения, как конспектирование лекций, лишь 3 % первокурсников указали, что испытывают сложности

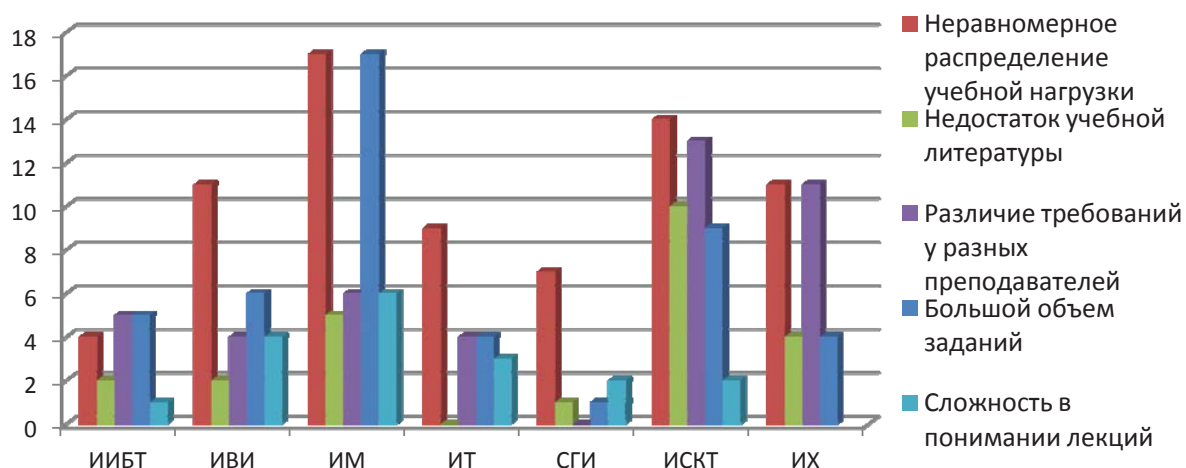

Рис. 1. Объективные факторы учебной адаптации студентов

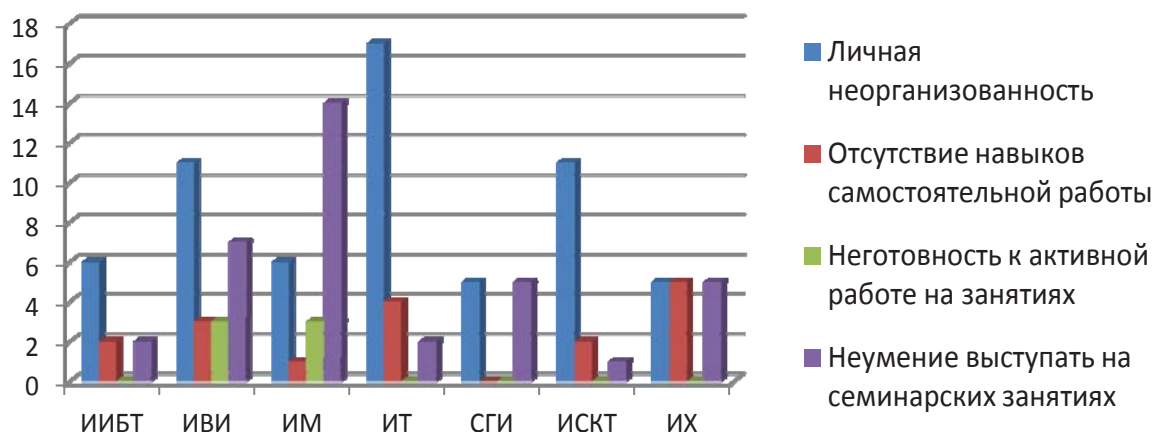

Рис. 2. Субъективные факторы учебной адаптации студентов

Несмотря на то, что отсутствие навыков самостоятельной работы как фактор, препятствующий их успешному вхождению в вузовское обучение, отметило незначительное число студентов (7 %), стоит предположить, что большинство первокурсников, обладая незначительным опы-

при ведении записей на лекционных занятиях.

Особое значение в учебной деятельности студента имеет самостоятельный поиск знаний, эффективность которого во многом определяется заинтересованностью студента в достижении результата.

Поэтому представляется целесообразным выявление причин выбора специальности/направления подготовки и мотивов учебной деятельности первокурсников. Наиболее распространенные ответы студентов, объясняющие их профессиональный выбор, представлены в таблице 3 (респондентам предоставлялась возможность выбора одного и более вариантов ответа, поэтому суммарное значение факторов превышает число студентов, принимавших участие в исследовании, а сумма процентных соотношений факторов превышает 100). Для большинства первокурсников ведущим фактором выбора специальности/направления подготовки в КемГУКИ являлся интерес к профессии, особенно значим данный фактор для студентов институтов

театра, хореографии, визуальных искусств. Как основную движущую силу выбора специальности/направления, интерес к профессии отметили все первокурсники групп «Актер драматического театра», «Хореографическое искусство», «Режиссура театрализованных представлений и праздников», «Фототворчество». Тогда как, по мнению студентов первого курса группы «Технолог автоматизированных информационных ресурсов», при выборе специальности обучения они руководствовались желанием получить высшее образование, а не интересом к данной профессии. Побуждение обретения высшего образования, как обоснованный мотив учебной деятельности, зарегистрирован во всех группах студентов первого курса.

Таблица 3

Факторы выбора специальности/направления подготовки

	Студенты 1 курса								
	КемГУКИ 248 чел.		ИИБТ (23 чел.)	ИВИ (41 чел.)	ИМ (40 чел.)	ИСКТ (41 чел.)	ИТ (40 чел.)	ИХ (44 чел.)	СГИ (19 чел.)
Интерес к профессии	171	69,0 %	8	32	22	22	38	39	10
Желание получить высшее образование	146	58,9 %	18	17	20	20	15	26	10
Довузовское обучение, близкое к данной специальности	77	31,1 %	2	16	13	12	12	22	0
Наилучшие способности именно в этой области	68	27,4 %	5	17	6	7	12	19	2
Бесплатное обучение	51	20,8 %	9	7	10	14	2	3	6
Совет друзей, знакомых	27	10,9 %	4	2	6	5	3	2	5
Авторитет вуза	20	8,1 %	2	1	3	3	3	7	1
Случайность	21	8,5 %	5	2	4	4	2	0	4
Престиж профессии	19	7,7 %	5	7	1	1	3	1	1
Желание родителей	8	3,2 %	1	4	1	1	0	0	1

Третьей по частоте причиной, определившей обучение респондентов в КемГУКИ по конкретной специальности/направлению подготовки, является довузовское обучение, близкое к выбранной специальности. Данный фактор имеет особое значение (первое и второе место в рейтинге факторов выбора специальности) для студентов институтов хореографии, визуальных искусств, музыки, театра, но практически не играет роли для первокурсников институтов социально-гуманитарного, информационных и библиотечных технологий. Для всех студентов наименьшее значение при определении профессионального пути имели семейные традиции, желание родителей. Наличие определенного числа неаргументированных выборов профессии, вуза объясняется естественным фактором случайности (в основном совпадением сданных абитуриентом Единых государственных экзаменов с перечнем вступительных испытаний по специальности/направлению подготовки в КемГУКИ).

Изучение мотивов учебной деятельности первокурсников позволяет заключить, что студенты «творческих» специальностей имеют более сформированные мотивы, нацеленные на конечный результат обучения в вузе («стать высококвалифицированным специалистом», «обеспечить успешность будущей профессиональной деятельности», «получить диплом» и др.), тогда как студенты «нетворческих» специальностей отличаются установками, в большей мере ориентированными на процессуальную сторону обучения («успешно учиться», «быть готовым к очередным занятиям», «выполнять требования преподавателей», «постоянно получать стипендию» и др.). Указанные различия можно объяснить большей социальной зрелостью студентов «творческих» специальностей и наличием отмеченного выше четко оформленного интереса к профессии: у них имеется практика учебной, профессиональной творческой деятельности, опыт обучения

в системе среднего профессионального образования, и соответственно они более старшего возраста (разница в 2–3 года в студенческом возрасте является весомой). Общим мотивом, имеющим выраженное среднее значение для всех первокурсников, является установка на достижение уважения со стороны преподавателей, что указывает на то, что педагоги, являясь носителями норм, ценностей, знаков культуры, выполняют важную роль агентов социализации и социальной адаптации студентов в образовательном пространстве университета.

Характер межличностных отношений первокурсников внутри своей учебной группы является существенным моментом их социальной адаптации. Данные о субъективной оценке первокурсниками особенностей их взаимоотношений в студенческой группе, полученные посредством анкетирования, представлены на рисунке 3.

Итак, 80 % первокурсников оценивают свои отношения со студентами учебной группы как дружеские, конфликтные отношения внутри учебной группы выделяет лишь 3 % респондентов. Наибольшее число конфликтных взаимоотношений наблюдалось в группе «Режиссура театрализованных представлений и праздников» (3 чел.); определили свои отношения с однокурсниками как конфликтные по 1 студенту в группах «Актер драматического театра», «Режиссура любительского театра», «Социальная педагогика», «Балетмейстер-преподаватель»-101, «Балетмейстер-преподаватель»-102.

Таким образом, представленные результаты изучения лишь некоторых факторов учебной адаптации студентов позволяют заключить, что адаптация первокурсников к учебной деятельности в условиях КемГУКИ не может быть сведена к воздействию какого-либо одного фактора. Обнаруживается ряд факторов, воздействие которых приводит к однонаправленным и разнонаправленным реакциям. Между деятельностью обучающихся в услови-

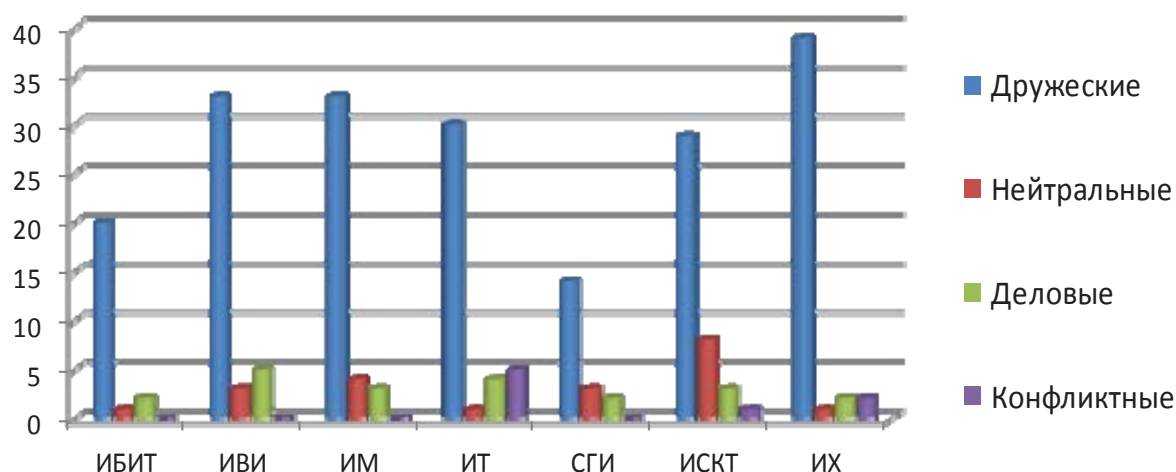

Рис. 3. Особенности взаимоотношений первокурсников в учебной группе

ях школы и студентов в условиях вуза имеются существенные количественные и качественные различия, которые представляют собой факторы адаптации, воздействующие на личность студента как непосредственно, так и опосредованно, преломляясь через субъективную картину мира, формируя многие образцы действий и поведенческие установки.

Так как при зачислении абитуриента в вуз в основном учитываются сведения о результатах его обучения на предыдущих этапах, то информация

об особенностях личности новых студентов, их интересах, мотивах выбора профессии становится малозначимой. Игнорирование этой информации в учебно-воспитательном процессе может увеличивать период вхождения студента в вузовское обучение. Успешность обучения студентов в вузе, с одной стороны, отражает степень адаптированности к соответствующим условиям, с другой стороны, сама адаптация служит предпосылкой успешного обучения в вузе, дальнейшего личностного развития студента.

Литература

1. Философские проблемы теории адаптации / под ред. Г. И. Цареградцева. – М.: Мысль, 1975. – 277 с.
2. Дикая Л. Г. Адаптация: методологические проблемы и основные направления исследований // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. – М.: Институт психологии РАН, 2007. – С 17–41.
3. Медведев В. И. Адаптация человека. – СПб.: Институт мозга человека РАН, 2003. – 584 с.
4. Пакулина С. А. Адаптивные способности студентов педвуза: структура, факторы и средства развития: дис. ... канд. психол. наук. – Челябинск, 2004. – 164 с.
5. Розум С. И. Психология социализации и социальной адаптации человека. – СПб.: Речь, 2006. – 356 с.
6. Гапонова С. А. Особенности адаптации студентов вузов в процессе обучения // Психологический журнал. – 1994. – Т. 15. – № 3. – С. 131–135.
7. Лагереv В. В. Адаптация студентов к условиям обучения в техническом вузе и особенности организации учебно-воспитательного процесса с первокурсниками // Содержание, формы и методы обучения в высшей школе: Обзор. информ. / НИИВО. – М.: НИИВО, 1991. – Вып. 3. – 48 с.

8. Беляев А. Что мешает студенту учиться // Высшее образование в России. – 1998. – № 3. – С. 64–67.
9. Подойницына И. И. Адаптация студентов в новой социокультурной среде как предмет образовательного дискурса // Социальные проблемы. – 2008. – № 2: <http://socprob.ru/2008/adaptatsiya-studentov-v-novoy-sotsiokulturnoy-srede-kak-predmet-obrazovatel'nogo-diskursa.html> (дата обращения: 15.05.2011).
10. Жиркова А. В. Психолого-педагогическое сопровождение образовательного процесса как условие социально-психологической адаптации студентов // Наука и образование. – 2008. – № 2. – С. 10–13.

УДК 378

Н. Л. Хижняк

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ОДАРЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ: НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ОЦЕНКИ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ СФЕРЫ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

В статье рассматриваются научно-методические основания оценки конкурентоспособности образовательных учреждений сферы культуры и искусства (детская школа искусств – училище – вуз) в рамках маркетингового подхода. Особое внимание уделяется проблемам выявления художественной одаренности личности как сегмента маркетинга образовательных учреждений художественного профиля. Художественная одаренность личности ребенка и развитие его таланта определяются как специфические отличительные особенности маркетинговой деятельности образовательных учреждений сферы культуры и искусства.

Ключевые слова: конкурентоспособность, маркетинг образовательных учреждений сферы культуры и искусства, образовательные учреждения сферы культуры и искусства, система подготовки кадров для сферы культуры и искусств, система управления деятельностью образовательных учреждений (детская школа искусств – училище – вуз) сферы культуры и искусства, талант, художественная одаренность.

N. L. Khizhnyak

ARTISTICALLY GIFTED PERSON: SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL BASEMENT FOR CULTURE AND ART EDUCATIONAL INSTITUTIONS COMPETITIVENESS ASSESSMENT

The article discusses scientific and methodological basement for culture and art educational institutions competitiveness assessment (children's art school-college-higher educational institution) within marketing approach. Special attention is paid to revealing an artistically gifted person as a part of marketing strategy of art profile educational institutions. A child's artistically gifted personality and developing the talent are defined as specific peculiarities of culture and art educational institutions' activity.

Keywords: competitiveness, culture and art educational institutions marketing, culture and art educational institutions, system of staff training for culture and art sphere, system of managing the activity of culture and art educational institutions (children's art school-college-higher educational institution), talent, artistic gift.

Сохранившаяся и сложившаяся в России уникальная система подготовки профессиональных кадров для отрасли культуры и искусства (детская школа искусств – училище – вуз) не имеет аналогов в мировом образовательном пространстве. У каждого из звеньев данной трехуровневой системы образования в сфере культуры и искусства не только своя история и уникальные традиции, но и проблемы, возникшие за последние годы перехода к рыночной экономике в образовании [6]. На уровне управления трехступенчатой системой подготовки профессиональных кадров для отрасли культуры и искусства требуется не только сохранить лучшее в российском образовании и обеспечить адаптацию образовательных учреждений художественного профиля к новым социально-экономическим условиям, но и решить проблемы художественной одаренности личности и образования в условиях учреждения, специализирующегося на обучении детей творческой деятельности [9].

«Имеется печальная статистика относительно состоявшихся в профессии одаренных детей – в лучшем случае их число не превышает 2–3 %. Речь идет в данном случае, конечно, о достижениях, сопоставимых с уровнем проявлявшихся в детстве необычных способностей. Несостоявшиеся одаренные люди – это не только беда для нации, которая нуждается в выдающихся людях, это трагедия и для самого бывшего “чудо-ребенка”, который на всю жизнь страдает “синдромом бывшего вундеркинда”, проявляющимся в депрессии, потере интересов, часто в повышенной агрессии» [Цит.: 7, с. 11].

При этом маркетинг образовательных услуг нами представляется как важнейший элемент системы управления деятельностью образовательных учреждений (детская школа искусств – училище – вуз) сферы культуры и искусства в рыночных условиях. Он направлен на организацию

и координацию через соответствующие структуры и службы плотного взаимодействия образовательного учреждения (ОУ) с рынком труда (РТ) и рынком образовательных услуг (РОУ), особенно по выявлению художественной одаренности личности.

Формирование маркетингового взгляда на образование в сфере культуры и искусства является условием и результатом становления институтов «новой экономики». В рамках этой общей стратегической тенденции проявляют себя обстоятельства, стимулирующие проникновение маркетинговых подходов и рациональных принципов управления и организации в системе образования в сфере культуры и искусства [5].

Нельзя сказать, что маркетинговые идеи, подходы вообще ранее не использовались в деятельности ОУ сферы культуры и искусства, а в Кузбассе они не имели своего бренда, имиджа, не осуществляли усилий по поддержанию и развитию своего престижа.

Во-первых, их реализация носила скорее фрагментарный характер, делалось это интуитивно, а не профессионально-целенаправленно. Интуитивно открывались (и открываются) новые отделения, факультеты, специальности, интуитивно выбирался (и выбирается) свой сегмент рынка, бессистемно используются элементы выявления художественной одаренности учащихся и позиционирования образовательных учреждений сферы культуры и искусства Кемеровской области. Во-вторых, подобные меры, акции, носили фрагментарный характер, не представляли собой единой концептуальной целостной системы действий. В-третьих, государственная система финансирования и государственная система распределения приводила к тому, что маркетинговые успехи слабо сказывались на материальном положении ОУ, хотя государственная градация

по категориям вносила определенную дифференциацию в материально-техническое обеспечение и зарплату персонала.

В настоящее время рынок образовательных услуг сегментируется по таким параметрам, как: уровень образования, профиль подготовки, уровни фундаментальности, широта образования, глубина специализации, формы обучения, сроки (объемы) обучения, используемые технологии обучения и др. Для нашего исследования, связанного с образовательной услугой специфического характера, важно добавить такой сегмент, как художественная одаренность. На наш взгляд, работа с одаренными детьми выступает одним из вариантов конкретной реализации права личности на индивидуальность, реализовать которое в большей мере возможно в системе дополнительного образования, позволяющего более эффективно расширять сферу творчества одаренного ребенка.

Следует остановиться и еще на одном часто используемом в ходе маркетинговых исследований типе сегментации рынка – это его сегментация по основным конкурентам. Главное, что может дать такая сегментация, – это понимание того, почему пользуются спросом не собственные товары и услуги, а те, что предлагаются конкурентами. Но перед этим необходимо достаточно четко определиться с самим понятием «конкурент» и установить, кто из образовательных учреждений сферы культуры и искусства предприимчивее.

Понятие «конкурент» весьма многослойно, предполагает как минимум несколько уровней широты его применения. Рассмотрим эти уровни последовательно.

Для конкретного образовательного учреждения, например, детской музыкальной школы, конкурентами являются другие образовательные учреждения сферы культуры и искусства, производящие аналогичные дополнительные услуги и назначающие за них те же цены.

Конкурентом также может быть признана любая организация, производящая продукцию, которая позволяет удовлетворять те же потребности, что образовательные услуги ОУ в сфере культуры и искусства; в частности, это могут быть производители печатных, видео-, аудио-, компьютерных учебных пособий. К числу таких конкурентов, безусловно, относятся образовательные каналы и передачи радио и телевидения [14].

Положение образовательных учреждений на рынке может испытывать также сильное воздействие со стороны даже таких фирм, которые сами никак не выходят на рынок образовательных услуг, но своими успехами существенно снижают спрос на образовательные услуги. В условиях незрелого рынка это весьма мощный слой фирм, которым удастся добиться коммерческих успехов, не опираясь на образовательный потенциал своих кадров, талант и художественную одаренность учащихся.

Однако важно остановиться на наиболее близких слоях конкуренции на рынке образовательных услуг, имея в виду лишь собственно образовательные учреждения, причем – того же или близкого профиля подготовки. Именно этот круг конкурентов подлежит в первую очередь определению и изучению в целях сегментации рынка и выработки соответствующей стратегии рыночного поведения образовательного учреждения художественного профиля.

Рассмотрим критерии оценки и выбора сегментов рынка образовательных услуг образовательных учреждений (детская школа искусств – училище – вуз) сферы культуры и искусства.

Итогом работы по сегментации рынка должен стать выбор оптимальных для образовательного учреждения сегментов, что позволяет приступить к формированию стратегии ОУ. Мы предлагаем следующие основные критерии оценки и выбора сегментов рынка, реализуемые с помощью

комплекса шкал и процедур «porto-folio» («портфельного») анализа [2, 4, 11]:

- количественные параметры – количество потенциальных потребителей, компактность их размещения, а также количество человеко-часов (человеко-дней, месяцев, лет) занятий;
- доступность сегмента для образовательного учреждения (и наоборот, образовательного учреждения для потребителей из данного сегмента), с учетом развития и каналов продвижения образовательных услуг;
- существенность сегмента, включая его устойчивость по объединяющим признакам и перспективы роста;
- рентабельность сегмента, определяемая для внебюджетных образовательных услуг по показателям нормы прибыли, прироста общей массы прибыли и др.;
- совместимость сегмента с рынками основных конкурентов: мера его обособленности, готовность конкурентов поступиться данным сегментом, вступить в кооперацию или в жесткую конкуренцию, с учетом уровня своей защищенности;
- эффективность работы в выбираемом сегменте рынка, с учетом сложившихся традиций образовательного учреждения, его потенциала и ресурсов.

Таким образом, сегментация РОУ и РТ – это разновидность комплексного исследования, с неизбежностью затрагивающая все основные объекты маркетинговых исследований: целевые группы потребителей, возможных конкурентов, ассортимент и качество самих образовательных услуг, ценообразование, коммуникации и продвижение образовательных услуг на РОУ и РТ, а также собственные возможности и ресурсы образовательных учреждений (детская школа искусств – училище – вуз) сферы культуры и искусства.

Предполагаемая в ходе сегментации рынков информационно-аналитическая работа объемна и многопланова, но в результате позволяет выйти на возможность разработки и осуществления оптимальной маркетинговой стратегии и тактики поведения на рынке образовательных услуг и рынке труда образовательных учреждений сферы культуры и искусства.

Анализ конкурентных позиций образовательных учреждений сферы культуры и искусства является основой для общей оценки их конкурентоспособности. Конкурентные позиции ОУ определяются наличием или отсутствием тех или иных конкурентных преимуществ.

Конкурентные преимущества – это те характеристики, свойства образовательного учреждения и оказываемых им услуг, которые создают для него определенное превосходство над своими прямыми конкурентами. Эти характеристики могут относиться как к самим образовательным продуктам и услугам, так и к дополнительным услугам, формам обучения, сбыта, специфичным для учебного заведения или образовательных продуктов и услуг, наличием показателей художественной одаренности учащихся и преподавателей. Кроме того, можно говорить о конкурентных преимуществах ОУ в целом, не относящимся к каким-либо конкретным услугам.

Следовательно, конкурентные преимущества можно сгруппировать в две категории в зависимости от сферы их проявления.

1) Внутренние конкурентные преимущества являются следствием высокой внутренней эффективности функционирования образовательного учреждения, могут быть основаны на превосходстве в отношении издержек производства, в отношении качества предоставляемых образовательных услуг, на эффективной системе управления образовательным учреждением. Сфера проявления внутренних конку-

рентных преимуществ – внутренняя среда ОУ. Их оценка может проводиться по данным образовательного учреждения им самим или профессиональными экспертами, с использованием матрицы SWOT-анализа (сильные, слабые стороны внутренней среды, возможности, ограничения и риски).

2) Внешние конкурентные преимущества основаны на отличительных качествах образовательных услуг ОУ в целом перед конкурентами, проявляющихся на рынке образовательных услуг и рынке труда. В качестве внешних конкурентных преимуществ может выступать цена обучения, наличие отличных от конкурентов отделений, специальностей и специализаций, имидж и репутация образовательных учреждений. Сфера проявления внешних конкурентных преимуществ – внешняя среда ОУ. Их оценка может проводиться субъектами рынка образовательных услуг и рынка труда на основании информации об образовательном учреждении сферы культуры и искусства, имеющейся на рынке.

Необходимо отметить тесную взаимосвязь внутренних и внешних конкурентных преимуществ образовательного учреждения. По сути дела, внешние преимущества являются результатом внутренних, так, например, более низкая, чем у конкурентов, цена на образовательную услугу может быть обусловлена превосходством в отношении издержек производства, а большое количество художественно одаренных преподавателей, преподавателей-профессионалов (заслуженных работников культуры, заслуженных и народных артистов, заслуженных деятелей искусств, кандидатов и докторов наук, доцентов, профессоров) в штате образовательного учреждения сферы культуры и искусства значительно повышает его имидж и престиж.

В то же время нельзя говорить об идентичности внутренних и внешних преимуществ, так как зачастую многие

внутренние преимущества не выходят за рамки внутренней среды ОУ, для этого необходимы определенные маркетинговые мероприятия в сфере продвижения услуг и коммуникаций. Случается и обратное – внешняя оценка образовательного учреждения сферы культуры и искусства, его преимущества с точки зрения субъектов рынка образовательных услуг и рынка труда могут быть завышены и не подкреплены внутренними характеристиками ОУ и предоставляемых им образовательных услуг.

Совокупность конкурентных преимуществ определяет конкурентоспособность ОУ, под которой в общем смысле можно понимать текущее положение на рынке и уровень потенциала образовательного учреждения.

Под потенциалом ОУ мы понимаем совокупность характеристик учреждения, дающих возможность удержать или расширить занимаемую долю рынка в условиях конкурентной борьбы. Конкурентоспособность ОУ является совокупностью конкурентоспособности образовательных продуктов и услуг, а также управленческого, кадрового, материально-технического, методического уровней образовательного учреждения. Основой оценки конкурентоспособности образовательных учреждений сферы культуры и искусства является оценка качества образования, оценка качества предоставляемых образовательных услуг.

Оценка конкурентоспособности зависит от стадии развития маркетинговой деятельности ОУ.

Первая стадия характеризуется выделением функции трудоустройства. Однако в образовательных учреждениях (училище – вуз) сферы культуры и искусства отсутствуют отделы или службы маркетинга, то есть нет специального подразделения, которое ставило бы перед собой задачи оценки конкурентоспособности ОУ. В то же время образовательными учрежде-

ниями сферы культуры и искусства предпринимаются определенные попытки оценить свои конкурентные позиции, которые носят, преимущественно, интуитивный характер [1].

На данном этапе проводится в основном оценка внутренних конкурентных преимуществ. И это связано не столько с инициативой ОУ, сколько с необходимостью такой оценки по требованию процедур государственной аккредитации и лицензирования учебных заведений. Именно поэтому ОУ оценивают свою материально-техническую базу, образовательные программы, уровень подготовки обучающихся и студентов, количественный и качественный состав педагогических кадров и прочие показатели. В данном случае такую оценку можно называть оценкой конкурентоспособности, так как конкурентоспособность – это относительный показатель, предполагающий обязательное сравнение своих конкурентных преимуществ с преимуществами конкурентов. На первой стадии развития маркетинговой деятельности ОУ в большинстве случаев учреждения не знакомы с уровнем аналогичных показателей конкурентов и не могут адекватно оценить свое положение на рынке образовательных услуг, и тем более на рынке труда.

Дополнительным инструментом оценки конкурентоспособности ОУ на первой стадии развития маркетинговой деятельности может выступать методика расчета рейтинга (для вузов). Эта методика принята Министерством образования и науки РФ. На базе 44 показателей рассчитываются рейтинг потенциала вуза (показатели интеллектуального потенциала, материальной и социально-культурной базы) и рейтинг активности вуза (показатели подготовки кадров, научных исследований и международных связей). Затем вычисляется оценка эффективности (деление активности на потенциал), которая вводится мультипликативно в значение рейтинга

по интеллектуальному потенциалу, после чего выполняется повторное вычисление рейтинга потенциала вуза и общего рейтинга вуза. Так же, как и при государственной аккредитации, оцениваются только внутренние конкурентные преимущества, используется информация, предоставленная самими вузами. Несомненный плюс этой методики – ее сравнительный характер: вуз, принявший участие в ранжировании, определяет не только абсолютное значение своих показателей, но и место в ряду своих конкурентов.

Итак, особенности оценки конкурентоспособности образовательных учреждений сферы культуры и искусства на первой стадии развития маркетинговой деятельности состоят в интуитивном и нецеленаправленном характере оценки, в оценке только ряда внутренних показателей, в отсутствии исследований рынка, в отсутствии сравнительной оценки.

Второй этап развития маркетинговой деятельности в ОУ характеризуется выделением функции маркетинга и созданием специального подразделения, на третьем этапе маркетинг становится координирующей функцией управления образовательными учреждениями сферы культуры и искусства.

На этих этапах ОУ начинает и развивает активное исследование внешней среды, изучение рынков образовательных услуг и труда. Оценка конкурентоспособности уже не ограничивается оценкой внутренних конкурентных позиций, изучается мнение субъектов рынка образовательных услуг и рынка труда, то есть определяются внешние конкурентные преимущества.

Как варианты методик оценки конкурентоспособности на второй и третьей стадиях маркетинговой деятельности ОУ можно рассматривать некоторые, представляющие, несомненно, большую ценность для образовательных учреждений работы отечественных авторов [1, 3, 8, 12, 15].

Одной из наиболее полных и проработанных методик оценки конкурентоспособности вузов является методика составления рейтинга вузов [13]. Двадцать основных показателей работы вуза рассчитаны в соответствии с данными, представленными редакции самими учебными заведениями. Эти данные отражают характеристики студентов, профессорско-преподавательского состава и условий обучения. Кроме того, добавлены еще два показателя – показатель международного признания и показатель популярности вуза, который определялся путем опроса руководителей регионов, агентств по подбору персонала и работодателей.

При использовании данных методик происходит сравнительная оценка конкурентоспособности, ОУ оцениваются не только по внутренним преимуществам, принимается во внимание мнение работодателей, то есть производится внешняя оценка.

Несмотря на более совершенный, чем на первой стадии подход к оценке конкурентоспособности, образовательные учреждения культуры и искусств сталкиваются при этом с рядом серьезных проблем.

Одной из важных проблем оценки конкурентоспособности ОУ и оценки качества обучения является определенное противоречие между понятием качества в глазах потребителя и в представлении педагогического персонала образовательных учреждений. Если для образовательного учреждения главным является соблюдение требований государственных образовательных стандартов, совершенствование технологии обучения, то для потребителя, наряду с функциональными признаками качества, наиболее важными часто являются качества психологического порядка, художественная составляющая. Так, престижное ОУ обычно ассоциируется с высоким качеством обучения по всем образова-

тельным профессиональным программам, а ОУ творческого профиля еще и показателями развития одаренных детей и проявлениями таланта выпускников.

Другая проблема оценки конкурентоспособности ОУ – вопрос об определении областей конкуренции. В целом изначально все образовательные учреждения сферы культуры и искусства вне зависимости от своего статуса и профиля подготовки являются конкурентами друг друга. Они ведут борьбу за привлечение наиболее подготовленных, художественно одаренных, талантливых абитуриентов. И эта борьба начинается гораздо раньше вступительных экзаменов, ее главное поле – профориентационная деятельность ОУ, работа с родителями школьников на этапе выбора профессии, а значит и выбора образовательных учреждений сферы культуры и искусства.

Еще одна важнейшая проблема конкурентоспособности – оценка конкурентных позиций ОУ на рынке труда. В последнее время много говорится о том, что на рынке образовательных услуг представлены две группы потребителей – абитуриенты (обучающиеся и студенты) и работодатели. Но оценка ОУ в большинстве случаев ведется только с позиций первой группы потребителей. Однако в той ситуации, когда конечный продукт образовательных учреждений сферы культуры и искусства – образование, полученное за время обучения, – не востребовано работодателями или не устраивает их в полной мере, на наш взгляд, абсолютно неправомерно рассуждать о качестве образования или о конкурентоспособности того или иного образовательного учреждения.

Четвертый этап развития маркетинговой деятельности предполагает полное и всесторонне изучение рынков образовательных услуг и труда, выход маркетинговой функции на центральное место в

системе управления ОУ. И одним из главных факторов успешного маркетингового управления, определения направлений дальнейшего развития ОУ и повышения эффективности функционирования образовательного учреждения является полная и комплексная оценка его конкурентоспособности [1].

Для того чтобы ОУ могло объективно оценить свои конкурентные позиции на рынке образовательных услуг, необходимо создать такой инструмент оценки, который учитывал бы, во-первых, все составляющие конкурентоспособности, а во-вторых, возможность их оценки всеми участниками рынка образовательных услуг: ОУ и потребителями (абитуриентами, студентами, родителями, работодателями и государством). Результаты комплексной оценки конкурентоспособности могут использоваться образовательными учреждениями как для маркетингового анализа и стратегического планирования, для эффективного позиционирования в качестве весомых аргументов продвижения на региональном рынке образовательных услуг, так и для работы с одаренными детьми. Л. Г. Луныкова считает, что «в условиях коммерциализации специального профессионального воспитания и образования многим одаренным детям закрыта дорога для полноценного развития их природных способностей. При крайней дифференциации современного общества одаренные дети должны быть выделены в специальную целевую группу, которая бы поддерживалась независимо от их социального происхождения и материального положения» [7, с. 16].

С нашей точки зрения оценка конкурентоспособности ОУ должна идти по двум направлениям:

- 1) оценка внутренних конкурентных преимуществ, которые определяют потенциал учебного заведения;
- 2) оценка внешних конкурентных

преимуществ с точки зрения текущего положения образовательных учреждений (детская школа искусств – училище – вуз) сферы культуры и искусства вуза на РОУ и РТ.

Таким образом, оценка конкурентоспособности образовательного учреждения носит комплексный характер. Основные научно-методические принципы оценки конкурентоспособности образовательных учреждений (детская школа искусств – училище – вуз) сферы культуры и искусства состоят в следующем:

- конкурентоспособность определяется наличием внутренних и внешних конкурентных преимуществ, определяющих потенциал образовательного учреждения и его текущее положение на РОУ и РТ;
- все конкурентные преимущества ОУ имеют определенную значимость;
- оценка конкурентоспособности должна носить комплексный характер и производиться как с точки зрения самого образовательного учреждения (детская школа искусств – училище – вуз) сферы культуры и искусства, так и с точки зрения всех субъектов РОУ и РТ;
- конкурентоспособность ОУ определяется на рынке конкретных образовательных услуг региона и в конкретный период времени.

Маркетинговый подход в деятельности образовательных учреждений культуры и искусства представляет собой важное направление в педагогической системе выявления художественной одаренности детей. «Выявление одаренных детей – продолжительный процесс, связанный с анализом развития конкретного ребенка. Эффективная идентификация одаренности посредством какой-либо одноразовой процедуры тестирования невозможна. Поэтому вместо одномоментного отбора одарен-

ных детей необходимо направлять усилия на постепенный, поэтапный поиск одаренных детей в процессе их обучения по специальным программам (в системе дополнительного образования) либо в процессе индивидуального образования (в условиях общеобразовательной школы)» [10, с. 25].

На наш взгляд, маркетинговая деятельность в образовательных учреждениях сферы культуры и искусства, основное предназначение которых – поиск, развитие и продвижение таланта, должна стать одним из важных направлений их деятельности в новых социально-культурных условиях.

Литература

1. Бешкинская И. В., Иоффе М. Я. Образовательные услуги вуза (методология и практика исследования рынка). – М.: РЭА, 2000. – 132 с.
2. Васильев В., Тягунова Т. Новая парадигма оценки качества образования // Высшее образование в России. – 2007. – № 2. – С. 19–23.
3. Евсеенко Т. П. Доступность высшего образования в условиях формирования рынка образовательных услуг // Экономика образования. – 2007. – № 3. – С. 114–132.
4. Колесов В. Рынок образовательных услуг и ценности образования (Между ВТО и Болонским процессом) // Высшее образование в России. – 2006. – № 2. – С. 3–8.
5. Концепция развития образования в сфере культуры и искусства в Российской Федерации на 2008–2015 годы // www.consultant.ru/online/base/?req=doc;base=LAW;n=79661
6. Абдулатипов Р. Г., Бусыгин А. Е., Кобзон И. Д. Культурная динамика России в XXI веке: ресурсы, преемственность, перспективы: Коллективная монография – М.: Издательский дом МГУКИ, 2011. – 320 с.
7. Лунякова Л. Г. Одаренные дети – ресурс человеческого потенциала современной России // ecsosman.edu.ru/db/msg/334679.html (по состоянию на 22.06.2011 г.)
8. Мурадова Н. Маркетинг – рыночная инновация в управлении вузом // Ученый совет. – 2007. – № 2. – С. 25–27.
9. Никитин А. А. Художественная одаренность. – М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2010. – 176 с.
10. Одаренность. Рабочая концепция. – 2-е изд. – М., 2003.
11. Одинцова Т. Отдел маркетинга в инновационном вузе // Высшее образование в России. – 2006. – № 6. – С. 65–70.
12. Платошина Г. Г. Стратегический маркетинг высшего образования // Экономика образования. – 2007. – № 4. – С. 14–20.
13. Попов М. Повышение качества образования – основа развития университета // Высшее образование в России. – 2006. – № 8. – С. 96–104.
14. Экономические стратегии // Мониторинг экономики образования: стратегии учреждений профессионального образования: проблемы качества. – 2006. – № 4(22). – С. 23–35.
15. Хотяшева О. М. Инновационный менеджмент. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2006. – 378 с.

ФИЛОСОФИЯ

PHILOSOPHY

УДК 101.1:316+323.28

С. Г. Барышников

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРЕДЕЛ ВОЕННОГО СПОСОБА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

В статье с социально-философских позиций обосновывается наступление исторического предела военного способа осуществления государственной политики, который предопределяет историческую необходимость исключения ракетно-ядерного военного способа разрешения межгосударственных политических проблем, а также возникновение новой формы исторического процесса – сосуществования государств без ракетно-ядерной войны.

Ключевые слова: исторический предел, государственная политика, мир, ракетно-ядерная война.

S. G. Baryshnikov

THE HISTORICAL LIMIT OF THE MILITARY WAY OF THE STATE POLICY IMPLEMENTATION: A SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECT

Based on the socio-philosophical positions the article deals with the historical limit of the military way of the state policy implementation, which determines the historical necessity of the elimination of nuclear-missile military way of inter-state political problems solution, as well as the appearance of the new form of historical process – co-existence of states without nuclear missile war.

Keywords: historical limit, state policy, peace, nuclear missile war.

Известно, что устойчивая, необходимая, повторяющаяся зависимость всех внутренних элементов вооруженной борьбы (обмена военным способом осуществления государственной политики) от достигнутой в данный момент ступени производства есть социально-философский закон их исторического развития в общественной жизни.

Данный закон выражает связь экономического положения государств через их активную политическую деятельность

с вытекающей отсюда разновидностью их политической формы борьбы – вооруженной борьбой, существование, историческое развитие и исчезновение необходимых элементов которой определяет возникновение, существование и исчезновение войны как формы исторического процесса.

Следовательно, для того чтобы показать и раскрыть объективную основу возникновения «холодной войны» и формы существования исторического процесса – сосуществования государств без «ракетно-

ядерной» войны в ядерный век, необходимо вскрыть конкретно-исторический «механизм» действия объективного закона зависимости непрерывного исторического развития необходимых элементов вооруженной борьбы государств от достигнутой в данный момент ступени производства.

Раскрыть этот «механизм» действия данного закона представляется возможным путем обнаружения и анализа воспроизводимых им через политическую деятельность государств внутренне присущих необходимым элементам вооруженной борьбы связей и внутреннего источника их исторического развития.

Уже неоднократно подчеркивалось, что источник всякого движения и развития составляют диалектические противоречия в самой социально-философской сущности предмета, явления. Важнейшее диалектическое противоречие сущности любого общественного явления составляет противоречие между содержанием данного явления и внутренней формой его развития – структурой, способом соединения элементов этого содержания.

Исходя из этой общей методологической посылки, можно сказать, что основным диалектическим противоречием, составляющим внутренний источник развития вооруженной борьбы, является противоречие между характером военно-политических целей, состоянием боевой мощи вооруженных сил каждого государства и способом их соединения – системой организации и ведения вооруженной борьбы.

Кратко рассмотрим данное противоречие в непрерывном историческом развитии сущности вооруженной борьбы государств, для чего важно раскрыть процесс детерминации в развитии элементов вооруженной борьбы на каждой ступени общественного развития.

В общем виде процесс детерминации в непрерывном историческом разви-

тии необходимых элементов вооруженной борьбы в себя включает: совокупность конкретно-исторических условий, прежде всего экономическое положение государств и определяемый им характер политических отношений между ними; отношения взаимосвязи, взаимообусловленности развития необходимых элементов вооруженной борьбы, определяемые достигнутой ступенью материального производства; внутренний предел, качественную границу их развития на каждой ступени исторического процесса.

В результате смены способа материального производства в первую очередь изменяются важнейшие элементы вооруженной борьбы – военно-политические цели и вооруженные силы, развитие которых непосредственно определяет сбрасывание, упразднение устаревшего способа их соединения – системы организации и ведения вооруженной борьбы (тактики и стратегии), ее внутренней формы, которая и выражает собой внутренний предел, качественную границу развития вооруженных сил и содержания их задач в данную историческую эпоху. Иначе говоря, разрешение основного противоречия в непрерывном историческом развитии сущности вооруженной борьбы есть преодоление его внутреннего предела, качественной границы, которое заключается в сбрасывании устаревшей системы организации и ведения вооруженной борьбы и в возникновении новой. Сам «механизм» исторического развития сущности вооруженной борьбы классов, государств предельно четко выражен в методологическом положении: борьба содержания с формой и обратно. Сбрасывание формы, переделка содержания.

Каким же образом конкретно-исторически осуществлялся процесс развития необходимых элементов вооруженной борьбы в «доядерный век»?

В эпоху рабовладения развитие необходимых элементов вооруженной борьбы

осуществлялось в тех качественных границах, которые определялись экономическими возможностями рабовладельческого общества. Внутренним пределом развития, разрешающей формой движения основного противоречия вооруженной борьбы была ее единственно возможная система организации и ведения – система форм и способов рукопашной схватки в плотных построениях, на небольшой территории с ограниченной продолжительностью.

Военно-политические цели государств в эпоху феодализма могли быть достигнуты вооруженными силами, состоящими из наемников и имеющими огнестрельное оружие, только в линейном способе их соединения, организации и ведения противоборства. Выражением качественной границы, внутреннего предела развития необходимых элементов вооруженной борьбы в эпоху феодализма была линейная система ее организации и ведения.

Военно-политические цели революционной буржуазии в период ее вооруженной борьбы за политическую власть с феодалами не могли быть достигнуты путем использования изменившегося «солдатского материала» и оружия в устаревшей линейной системе организации и ведения вооруженной борьбы, поэтому ей на смену пришла система колонн и рассыпного строя – внутренний предел, качественная граница исторического развития необходимых элементов вооруженной борьбы в эпоху домонополистического капитализма. В эпоху концентрации производства, возникновения монополий достижение военно-политических целей государств, направленных на их выживание в конкурентной борьбе, потребовало роста милитаризации экономики, небывалого развития вооруженных сил, появления массовых многомиллионных армий, применение которых в колонной системе организации и ведения вооруженной борьбы стало невозможным, и преодоление качественной

границы, внутреннего предела в развитии всех элементов вооруженной борьбы выразилось в возникновении общевойсковой системы ее организации и ведения.

Таким образом, вследствие непрерывного исторического развития необходимых элементов вооруженной борьбы, применение военного способа осуществления политики государственной безопасности определяло существование и развитие исторического процесса в непрерывной смене его двух противоположных форм: войны (внутренней и внешней) и мира (мирной «передышки»). Качественная граница, внутренний предел развития необходимых элементов вооруженной борьбы являлись военным выражением внутреннего предела развития самого способа материального производства на каждой ступени исторического процесса.

Таковым был «механизм» действия объективного закона, обуславливающего деятельность государств, развитие военного способа осуществления государственной политики в «доядерный век». Каков же «механизм» действия данного закона в «ядерно-космический век»?

Для того чтобы дать ответ на поставленный вопрос, важно рассмотреть все моменты детерминации развития необходимых элементов, вооруженной борьбы в ядерно-космический век. Иначе говоря, важно выяснить: характер политических отношений между двумя противоположными социально-политическими системами; обусловленность развития необходимых элементов вооруженной борьбы, достигнутой ступенью материального производства как капиталистического, так и социалистического; внутренний предел, качественную границу развития необходимых элементов вооруженной борьбы в ядерно-космический век.

Когда США обладали монополией на ядерное оружие, а их территория была неуязвимой, они решили, по выражению

военного министра США Г. Стимсона, «научить Советский Союз «новым правилам игры» [1, с. 829]. Следовательно, на первом этапе «холодной войны» политические отношения между двумя противоположными мировыми социально-политическими системами характеризуются осуществлением государственной политики с «позиции силы». Развитие необходимых элементов вооруженной борьбы определяется возникшей небывалой гонкой вооружений, ростом милитаризма.

Начавшийся в шестидесятые годы второй этап «холодной войны», после того как была ликвидирована монополия США на ядерное оружие и средства его доставки, характеризуется равновесием сил на международной арене и борьбой за достижение военно-стратегического паритета. Однако гонка вооружений продолжается, что обусловило дальнейшее развитие необходимых элементов вооруженной борьбы.

В 1961 году возникает проблема знаменитой «Берлинской стены». Осенью того же года – Карибский кризис, который приблизил мир к грани войны и тем самым показал всю опасность, трагичность осуществления в ядерно-космический век политики государственной безопасности военным способом.

Исход Карибского кризиса в условиях складывающегося военно-стратегического равновесия был решен на основе компромисса: в ответ на вывод с Кубы советских ракет, президент США дал обязательство не вторгаться на Кубу и вывести американские ракеты средней дальности из Турции.

Однако ни Карибский кризис, ни доказанное военно-стратегическое равновесие не только не уменьшили накал антисоветской политики США, но и придали ей новые импульсы. Начинается широкая кампания по форсированному развертыванию стратегического оружия, которая привела к новому взрыву гонки вооружений – «ракетному буму».

Если в начале 1962 года США имели около 60 межконтинентальных ракет (МБР), то к 1965 году у них уже было 900 МБР и 464 ракеты на атомных подводных лодках. В начале 1967 года была приведена в боеготовность последняя, тысячная ракета «Минитмен». Осенью того же года выходит на боевое дежурство 41-я американская атомная ракетная подводная лодка. Советский Союз также развивает собственный потенциал межконтинентальных ракет.

В результате неустанного повышения боевой мощи вооруженных сил путем всемерного совершенствования обычного оружия и оружия массового уничтожения возникает качественно новая система организации и ведения вооруженной борьбы – система форм и способов применения сил и средств массового уничтожения наземного и морского базирования, содержание которой выражали в первую очередь военно-стратегические концепции НАТО и составляли основу отнюдь не оборонительной военной доктрины. В Вооруженных силах стран Варшавского договора также принимается данная система организации и ведения вооруженной борьбы, выражая военно-техническую часть советской военной доктрины.

Между тем возникшая разрабатываемая новая система организации и ведения вооруженной борьбы, выражая собой качественную границу, внутренний предел развития необходимых элементов вооруженной борьбы в ядерно-космический век, обнаружила, что военный способ осуществления политики государственной безопасности достиг такого порога, который стал крайне опасен для всех государств.

Перед всеми государствами, прежде всего перед США и СССР, возникла проблема выбора: либо мирное межгосударственное сосуществование, либо неизбежная гибель, всеуничтожение. Обе стороны рас-

полагали стратегическими силами, основную часть которых невозможно было уничтожить «первым ударом». США не могли поразить советские стратегические ракеты и избежать возмездия.

В ходе второго этапа «холодной войны» наступает перелом. Философия ракетно-ядерного всемогущества, военная доктрина «массированного возмездия», а также советская военная доктрина обнаруживают свою несостоятельность. Стало ясно, что военным способом осуществления политики государственной безопасности межгосударственные противоречия разрешить невозможно.

Министр обороны США Макнамара подчеркивал в конце 60-х годов: «Мы не обладаем способностью к первому удару против СССР по той же самой причине, по которой он не обладает такой способностью против нас». Вслед за признанием равновесия ракетно-ядерных сил США и СССР на смену военной доктрины «массированного возмездия» принимается военная доктрина «гибкого реагирования».

В ядерно-космический век закон развития необходимых элементов вооруженной борьбы обуславливает действие двух факторов в государственной политике: первый – сохранение потребности государств в военном способе осуществления политики государственной безопасности; второй – создание оружия массового поражения, применение которого вследствие его разрушительной и уничтожающей силы угрожает существованию, выживанию самих государств.

В своем взаимодействии эти факторы породили внутреннее противоречие государственной политики между потребностью государств в военном способе ее осуществления и невозможностью ее удовлетворения военными силами и средствами, применением оружия массового уничтожения. Это противоречие нашло

своеобразное отражение на эмпирически-обыденном уровне мышления в следующем тезисе: в ядерно-космический век война перестала быть средством политики. «Ядерная война не может быть средством достижения политических, экономических, идеологических, каких бы то ни было целей» [2, с. 143].

В действительности же суть данного противоречия заключается в том, что ввиду неизбежной гибели самих государств, в случае применения ими оружия массового уничтожения, все попытки разрешить межгосударственные противоречия военным способом осуществления государственной политики, в ракетно-ядерной системе организации и ведения вооруженной борьбы, стали невозможным. Наступил исторический предел применения военного способа государственной политики.

В эпоху «перестройки» исторический предел применения военного способа государственной политики в «философии внешней политики» был представлен как объективный предел для классовой конфронтации на международной арене.

Разработчики концепции «нового политического мышления» устами его проповедника и практического реализатора М. С. Горбачева утверждали: «Ядром нового мышления является признание приоритета общечеловеческих ценностей и еще точнее – выживания человечества... Понятие «общечеловеческое» рассматривалось как функция и конечный результат борьбы рабочего класса – последнего класса, который, освобождая себя, освобождает и все общество от классовых антагонизмов... Но теперь, с появлением оружия массового – всеобщего! – истребления, появился объективный предел для классовой конфронтации на международной арене: это угроза всеобщего уничтожения. Впервые возник реальный, а не умозрительный, сегодняшний, а не отдаленный, общечелове-

ческий интерес – отвести от цивилизации катастрофу».

Следовательно, в «философии внешней политики» и ее стержне – концепции «нового политического мышления» – утверждалось, что оружие всеобщего истребления, угроза им всеуничтожения устраняют внутригосударственные и межгосударственные противоречия, определяют предел классовой конфронтации.

Получается так: противоречия на международной арене исчезают, а внешняя политика с ее «философией» и «новым политическим мышлением» остаются. В таком случае, каков смысл внешней политики? В реализации общечеловеческого интереса – отвести от цивилизации катастрофу, обеспечить выживание человечества. Но ведь очевидно, что внешняя политика существует только лишь потому, что существуют не только общечеловеческие интересы, но и межгосударственные противоречия, разрешаемые в государственной политике. Налицо абсурд «нового политического мышления», устраняющего внешнюю политику.

Никакое оружие само по себе, вне внутригосударственного и межгосударственного взаимодействия социальных сил, не может отменить действие объективного закона единства и борьбы противоположностей – единства и борьбы противоположных межгосударственных интересов. Действительно, с исчезновением внутригосударственных и межгосударственных противоречий исчезает всякая потребность в каком-либо оружии. Но эта возможность весьма отдаленного будущего.

В «ядерно-космический век» объективная причинно-следственная связь между классовой конфронтацией и оружием всеобщего истребления заключается в том, что наступает не предел классовой конфронтации, а наступает предел применения военного способа государственной

политики с использованием оружия всеобщего истребления.

На базе устранения (парализации) «классовой конфронтации» и практической реализации принципов «нового политического мышления»: единства и взаимозависимости мира; верховенства общечеловеческих интересов над классовыми интересами; свободы выборов общественного развития; деидеологизации межгосударственных отношений; демилитаризации, демократизации и гуманизации международных отношений – «был связан широкий и интенсивный многосторонний диалог, в который удалось вовлечь фактически большинство государств мира, и начался трудный процесс перевода всеобъемлющей концепции международной безопасности в плоскость практической политики, конкретных шагов» [3, с. 10].

Оценка результатов этого диалога, конкретных шагов практической политики в эпоху «перестройки» дана Г. Киссинджером: «И Рейган и Горбачев верили в конечную победу собственной стороны. Однако существовало знаменательное различие между этими двумя столь неожиданными партнерами. Рейган понимал, какие силы движут его обществом, в то время как Горбачев абсолютно потерял с ними связь. Оба лидера апеллировали к тому лучшему, что видели в своих системах. Но Рейган высвободил дух своего народа, пустив в ход золотой запас инициативы и уверенности в себе. Горбачев же резко ускорил гибель представляемой им системы, призывая к реформам, провести которые он оказался не способен» [1, с. 695]. Действительно, яснее сказать трудно.

Подведем некоторые итоги рассмотрения вопроса о месте и роли военного способа осуществления государственной политики на основе анализа действия закона зависимости развития необходимых элементов вооруженной борьбы государств

от достигнутой в данный момент ступени материального производства.

Первый итог. В доядерный век данный закон, обуславливая своим действием применение военного способа осуществления государственной политики, определял существование двух противоположных форм исторического процесса и их непрерывный взаимопереход друг в друга – войны и мирной «передышки».

Второй итог. В ядерно-космический век данный закон, обуславливая своим действием достижение исторического предела развития необходимых элементов вооруженной борьбы, предопределяет историческую необходимость исключения ракетно-ядерного военного способа осуществления государственной политики, а потому и возникновение новой формы исторического процесса – сосуществования государств без ракетно-ядерной войны, в которой межгосударственные противоречия не исчезают, а потому не исчезает конфронтация. В государственной политике усилия сосредоточиваются на других способах ее осуществления. Социально-философский анализ государственной политики своим следствием (результатом) имеет следующие группы выводов.

1. Государственная политика как социально-политическое явление имеет конкретно-исторический этап и процесс своего возникновения, исходным пунктом которого были дополитические отношения первобытного общества, которое возникло одновременно с первой исторической общностью людей (род, племя) как необходимое условие сохранения и укрепления ее жизнеспособности, способа существования в борьбе со стихийными силами природы.

Возникновение, существование и развитие государственной политики обусловлено дальнейшим развитием производительных сил, коренными изменениями в условиях материального производства

и обмена и вытекающим отсюда возникновением классов, государств, политической организации власти и политического насилия.

Функция государственной политики заключается в сохранении и укреплении государства экономически господствующего и политически командующего класса военным, конспиративным и дипломатическим способами политического насилия, в защите его коренных интересов путем применения военных, конспиративных и дипломатических сил и средств на внутригосударственном и межгосударственном уровнях общественной жизни.

2. Сущность (второго более глубокого порядка) государственной политики выражают и представляют ее основное противоречие и функция государств в ней на внутригосударственном и межгосударственном уровнях исторического процесса, а также объективный закон ее существования и развития – закон функциональной зависимости содержания и направленности всех способов политического насилия от характера государственной власти.

Существование и развитие основного противоречия государственной политики определяется действием объективного закона – закона единства и борьбы противоположностей, который в общественной жизни имеет такое же значение, какое имеет закон сохранения и превращения энергии в природе. Внеклассовой или надклассовой государственной политики в историческом процессе не существует. Все попытки построения различных политических доктрин и стратегий вне анализа государственной политики являются вненаучными, так как не отражают объективную реальность исторического процесса.

3. Основной закон существования и развития государственной политики, определяющий зависимость конкретно-исторического содержания в ней функции государств от характера государственной

власти, решаемых ею задач, распространяет свое действие на все сферы общественной жизни. Областями существования функции классов, государств в государственной политике являются политическая борьба (вооруженная, конспиративная, дипломатическая), экономическая борьба и сотрудничество и информационно-психологическая борьба. Функция классов, государств в государственной политике дифференцирована по основным направлениям и непосредственным объектам осуществления. Основными направлениями ее осуществления являются: политическая система; экономический способ существования (способ материального производства); идеологическое господство; социальная политика; национальная политика, в пределах которых существуют ее непосредственные объекты, то есть те органы, организации и учреждения, которые решают политические, экономические и социальные задачи государственной власти.

4. В «ядерно-космический век» исторического процесса объективный закон зависимости развития необходимых элементов вооруженной борьбы государств от достигнутой в данный момент ступени материального производства своим действием обусловил возникновение исторического предела военного способа осуществления государственной политики.

Сущность и содержание сосуществования государств в «ядерно-космический век» заключаются в том, что центр тяжести в осуществлении государственной политики переносится с военного способа на расширение и активизацию экономического, дипломатического, конспиративного и информационно-психологического способов. Военный способ не утратил своего значения, но получил ограниченное (локальное, региональное) применение, стал вспомогательным способом, в определенном смысле стал способом устрашения.

Литература

1. См.: Киссинджер Г. Дипломатия. – М.: Ладомир, 1997. – С. 695, 829.
2. Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. – М.: Политиздат, 1987. – С. 143.
3. Международная жизнь. – 1989. – № 12. – С. 10–11.

РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

В. И. Марков

МИР ИНФОРМАЦИИ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД. РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ К. К. КОЛИНА «ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАТИКИ»

Статья представляет собой рецензию на монографию К. К. Колина «Философские проблемы информатики» (Колин К. К. Философские проблемы информатики. – М.: БИНОМ: Лаборатория знаний, 2010. – 264 с.).

Ключевые слова: информация как философская проблема, информатика, информационные науки, информационное общество, система образования.

V. I. Markov

INFORMATION WORLD: NEW VIEW. REVIEW FOR K. K. KOLIN'S MONOGRAPH «INFROMATICS PHILOSOPHY PROBLEMS»

The article presents a review for K. K. Kolin's monograph «Informatics Philosophy Problems».

Keywords: information as a problem of philosophy, informatics, information science, information society, education system.

Недавно фонд научной библиотеки КемГУКИ пополнился новым ценным изданием, подаренным вузу К. К. Колиным, известным ученым, главным научным сотрудником Института проблем информатики Российской академии наук, доктором технических наук, заслуженным деятелем науки Российской Федерации, давно и активно сотрудничающим с нашим вузом.

Особенность этой монографии – широкий эпический взгляд на проблемы информатизации современного мира, сочетание научной страстности, размаха мышления и творческого поиска со строгой логичностью, органичным структурированием материала и направленностью в итоге на практические проблемы совершенствования системы образования. Наконец, можно отметить и популяризатор-

ский пафос данной работы К. К. Колина, он явно стремится «заразить» этими вопросами научную молодежь, всех членов научного сообщества, рисуя грандиозные перспективы развивающегося древа информационных наук.

Тематически монография вписывается в рамки принятой в 2010 г. Государственной программы «Информационное общество 2011–2020 гг.» и является результатом проводимых автором в течение 20 лет исследований в Институте проблем информатики РАН по вопросам философских и научно-методологических основ информатики как фундаментальной науки междисциплинарного характера, приобретающей все более важное мировоззренческое и социально-экономическое значение.

Автор, рассматривая историю становления этой сферы исследований, доказывает, что именно нашей российской спецификой с самого начала являлось максимально широкое рассмотрение информационных проблем, вписывание их не только в глобальный, но и поистине космический аспект, фундирующий основы развития Вселенной. К. К. Колин тщательно обрисовывает двухуровневую структуру исследуемой предметной области, включающую теоретическую сферу и особые направления физической, технической, биологической и социальной информатики, отличающиеся спецификой информационной среды. В социальную входят естественным образом и работы коллектива ученых КемГУКИ, возглавляемого проф. Н. И. Гендиной. Таким образом, информатика предстает как одна из точек роста современного научного знания, как дисциплина, воплощающая единство естественных и гуманитарных наук.

Для философов представит особый интерес раздел, посвященный философ-

скому обоснованию информатики, включающий такие проблемы, как структура реальности, соотношение информации, движения и времени, понятийный анализ, информационная революция в обществе. С педагогической точки зрения для всех работников высшей школы будет полезно ознакомиться с проблемами информатизации образования, сочетания компетентностного и знаниевого подходов, с предлагаемой автором программой учебного курса. В целом книга, при вдумчивом чтении, позволит любому специалисту увидеть новые моменты в своей научной теме под углом зрения информационных аспектов деятельности человека в новом мире. Автор рецензии, например, обнаружил для себя новые моменты давно разрабатываемой им концепции отчуждения деятельности, проявляющиеся только под углом зрения рассматриваемых в монографии вопросов. Монография будет полезна и аспирантам, студентам, всем интересующимся перспективами развития современной науки и общественной жизни.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

SCIENTIFIC LIFE CHRONICLES

О. Ю. Астахов

ИТОГИ МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО ФОРУМА «СЛОВО И ОБРАЗ В РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ»

Рассматриваются основные итоги мероприятий Международного научно-практического форума «Слово и образ в русской художественной культуре», организованного в рамках реализации проекта фонда «Русский мир».

Ключевые слова: международный научно-практический форум, межкультурные коммуникации, русская художественная культура, слово и образ.

O. Yu. Astakhov

THE RESULTS OF «WORD AND IMAGE IN THE RUSSIAN ARTISTIC CULTURE» INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL FORUM

The article tells about the main results of the events held within the program of the international scientific and practical forum called «Word and Image in the Russian artistic Culture» organized in cooperation with «Russian world» fund.

Keywords: international scientific and practical forum, inter-cultural communication, Russian artistic culture, word and image.

28 мая 2011 года завершил работу Международный научно-практический форум «Слово и образ в русской художественной культуре», организованный при финансовой поддержке фонда «Русский мир». С 12 мая в рамках Дней славянской письменности и культуры был проведен ряд просветительских и научных мероприятий, ориентированных на популяризацию и сохранение русского языка, культуры и искусства. Насыщенная программа форума способствовала привлечению широкого круга общественности к вопросам сохранения национальной культуры в условиях процессов глобализации в современном мире.

Началом работы форума явилась организация и проведение научно-практической конференции на базе Даляньского университета иностранных языков (КНР) «Язык в пространстве межкультурных коммуникаций: Россия – Китай». С 11 по 15 мая 2011 года делегация Кемеровского государственного университета культуры и искусств в составе ректора Е. Л. Кудриной, проректора по научной и инновационной деятельности А. В. Шункова, проректора по творческой и международной деятельности В. Д. Пономарева, ведущего научного сотрудника, координатора научных проектов О. Ю. Астахова посетила Даляньский университет иностранных языков

для участия в научно-практической конференции. Доклады и презентации, посвященные вопросам изучения русского языка и культуры, были представлены специалистами гг. Кемерово, Тюмени, Даляня, Пекина, Харбина и др.

Во время пребывания делегации из Кемерово в Китае состоялась встреча с руководителем русского центра фонда «Русский мир» при Даляньском университете иностранных языков Жень Сюемей. В ходе обсуждения вопросов сотрудничества Кемеровского государственного университета культуры и искусств с русским центром были определены направления совместной работы, связанные с популяризацией русской культуры и искусства.

Значимым событием явилось подписание 13 мая 2011 года договора о сотрудничестве между Кемеровским государственным университетом культуры и искусств и Даляньским университетом иностранных языков. Ректоры университетов Е. Л. Кудрина и Сунь Юйхуа обозначили стратегию партнерства, связанную с установлением отношений в области научной, учебно-методической, творческой деятельности и отметили необходимость дальнейших встреч, связанных с обсуждением вопросов координации совместной работы.

Следующим важным мероприятием явилась презентация итогов социокультурной акции «Чистое Слово» 24 мая 2011 года на базе Кемеровского государственного университета культуры и искусств.

В рамках акции был организован научно-практический семинар, на котором были заслушаны доклады специалистов по проблемам психологических и психофизических аспектов формирования речи и воздействия слова на состояние здоровья; по проблемам современной риториче-

ской критики и современного литературного процесса; соотношения вербального и визуального ряда организации социокультурного пространства нашего города; употребления сленга в речи молодежи.

Вопросы, рассмотренные на семинаре, были вынесены для обсуждения на круглом столе, где были затронуты проблемы, с которыми пришлось столкнуться организаторам и участникам акции. Однако в итоге были отмечены ее положительные результаты. На необходимость проведения подобных мероприятий обратили внимание заместитель начальника Управления культуры, спорта и молодежной политики администрации города Кемерово Н. С. Бледнова и заведующий отделом молодежной политики Управления С. С. Григорьев.

Акция получила благословение епископа Кемеровского и Новокузнецкого владыки Аристарха. Под свой патронаж ее взял председатель комиссии по культуре и духовно-нравственному воспитанию Общественной палаты Кемеровской области А. Б. Коновалов.

В это же день, 24 мая 2011 г., состоялась презентация литературно-художественного журнала «Университет культуры». Участники презентации, среди которых были как внешние авторы, так и студенты, преподаватели вуза, отметили роль журнала в формировании культурной политики в вузе и регионе.

Было отмечено, что за короткий срок своего существования журнал смог заявить о себе в литературном процессе не только региона, но и страны, поскольку в числе его авторов, опубликовавших свой материал на страницах журнала, есть имена российского масштаба. Главный редактор журнала И. А. Куралов, член Союза писателей России, заместитель председателя Союза

писателей Кузбасса, поблагодарил ректора университета Е. Л. Кудрину за поддержку, оказываемую литературному периодическому изданию, проректор по научной и инновационной деятельности университета А. В. Шунков вручил благодарственные письма авторскому коллективу журнала.

25 мая 2011 года в Кемеровском государственном университете культуры и искусств в рамках Международного научно-практического форума «Слово и образ в русской художественной культуре» преподаватель Красноярского краевого колледжа культуры и искусств г. Минусинска, руководитель мастерской-студии «Рукотворная кукла», член Международного объединения авторов кукол (МОАК), член ЕврАзийского кукольного союза (ЕАКС), участница российских и международных выставок авторских кукол, обладатель Гран-при II Сибирского кукольного карнавала в Красноярске, участник IV Международного салона кукол в Москве, участник Международной выставки «Чудное творение – 2009» в Новосибирске, Н. И. Сафронова давала мастер-классы по созданию русской традиционной куклы и куклы художественной. В мероприятии приняли участие студенты кафедры декоративно-прикладного искусства, педагоги учреждений дополнительного образования, директора Дворцов культуры из городов Кемеровской области и любители народного творчества.

Обращение к методикам и технологиям создания эскизов и самой куклы явилось практическим примером образного воплощения в творческой деятельности национальных традиций. Кропотливо подобранные детали одежды, скрупулезно выполненная работа, вдохновение при лепке открытых частей куклы превращают игрушку в произведение искусства.

Мастер-класс позволил обмениваться опытом работы, повысить уровень мастерства кукольников и приобщить студентов к новым формам творчества.

26 мая 2011 года состоялось открытие итоговой научно-практической конференции «Слово и образ в русской художественной культуре», цель которой заключается в рассмотрении актуальных вопросов исследования развития русского языка, художественной культуры и современных межкультурных коммуникаций.

В адрес организаторов и участников конференции пришли приветствия от **Екатерины Эдуардовны Чуковской**, заместителя министра культуры Российской Федерации; **Вячеслава Алексеевича Никонова**, исполнительного директора Фонда «Русский мир», доктора исторических наук, профессора, декана факультета государственного управления Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; **Елены Леонидовны Рудневой**, заместителя губернатора Кемеровской области по вопросам образования и культуры, доктора педагогических наук, профессора; **Ларисы Теодоровны Зауэрвайн**, начальника Департамента культуры и национальной политики администрации Кемеровской области, кандидата философских наук, доцента; **Кристины Янашек**, директора Института славянских языков Щецинского университета, доктора наук, профессора (Польша).

В конференции приняли участие специалисты и ученые университетов гг. Кемерово, Минусинска, Красноярска, Екатеринбурга, Москвы, Новосибирска, Томска, Омска, Санкт-Петербурга и др. Обсуждение вопросов осуществлялось в рамках следующих секционных заседаний и круглых столов: «Слово и образ в художественных практиках»: «Образ сценического слова в русской художественной куль-

туре»; «Слово и образ в музыкальном искусстве», «Русское слово в визуальных и аудиовизуальных видах художественного творчества»; «Слово и образ в литературном творчестве»; «Слово и образ в межкультурных коммуникациях»; «Современный русский язык: состояние и тенденции развития»; «Интерпретации художественного образа в пространственных и пространственно-временных искусствах в русской культуре XX–XXI вв.».

В рамках мероприятия были представлены выставки и экспозиции, посвященные славянской письменности и культуре: тематическая выставка научной литературы из фонда библиотеки Кемеровского государственного университета культуры и искусств; выставка творческих работ студентов Красноярского колледжа культуры и искусств (г. Минусинск) и МУ Клуб «Радуга» (г. Белово) «Рукотворное чудо»; выставка студенческих работ по истории костюма Музея истории Кемеровского государственного университета культуры и искусств «От Слова к Образу»; выставка учебно-творческих работ студентов кафедры дизайна Кемеровского государственного университета культуры и искусств «Русское слово в визуально-графических образах», выставка творческих работ В. П. Кравчука, заслуженного художника РФ, доцента кафедры дизайна Кемеровского государственного университета культуры и искусств; фотовыставка Л. В. Фурс, фотографа художественно-творческого отдела Кемеровского государственного университета культуры и искусств «Кузбасс – Китай: диалог культур».

Для участия в конференции с ответным визитом прибыла делегация из КНР: ректор Даляньского университета иностранных языков госпожа **Сунь Юйхуа** и

руководитель русского центра фонда «Русский мир» г. Далянь **Жень Сюемей**. С приветственным словом гости обратились к участникам мероприятия и отметили большое значение проводимых встреч для развития межкультурных отношений и популяризации русского языка и культуры. Это явилось главной темой на приеме китайской делегации в городской администрации зам. главы г. Кемерово по социальным вопросам Ириной Федоровной Федоровой и пресс-конференции в Международной школе изучения иностранных языков «Бенедикт», состоявшихся накануне конференции.

27 мая на встрече с ректором и ректором КемГУКИ прошло обсуждение протокола совместных мероприятий двух вузов на 2011–2012 год. В ходе беседы руководитель русского центра фонда «Русский мир» г. Далянь **Жень Сюемей** отметила необходимость дальнейшего проведения совместных научных мероприятий, посвященных проблемам изучения русской культуры, госпожа **Сунь Юйхуа** выразила благодарность ректору КемГУКИ за приглашение к участию в научно-практическом форуме и возможность реализации дальнейших проектов в области исследований межкультурных коммуникаций при поддержке фонда «Русский мир», ФЦП «Культура России».

Итогом работы международного научно-практического форума явилось решение о подготовке коллективной монографии, посвященной проблемам функционирования слова и построения образа в художественных текстах. Было предложено продолжить обсуждение вопросов межкультурной коммуникации в рамках очередной Международной научно-практической конференции «Диалог культур. Славянский мир», которая состоится 17–18 октября 2011 г.

С. А. Золотарева

**ЕЖЕГОДНАЯ МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО: ПОИСКИ И ОТКРЫТИЯ»**

Подведение итогов 41-й Межрегиональной студенческой научно-практической конференции «Культура и искусство: поиски и открытия». Краткий отчет о работе секций конференции на втором этапе. Описание мероприятий, прошедших в рамках конференции.

Ключевые слова: студенческая научно-практическая конференция, студенческая наука, поиски и открытия, ФГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств».

S. A. Zolotareva

**«CULTURE AND ARTS: RESEARCH AND DISCOVERIES»
ANNUAL INTER-REGIONAL STUDENTS' SCIENTIFIC
AND PRACTICAL CONFERENCE**

The article tells about the results of 41st «Culture and Arts: Research and Discoveries» inter-regional students' scientific and practical conference. It contains a brief report on the work of the sections of the conference's second stage and the descriptions of the events held within the program of the conference.

Keywords: students' scientific and practical conference, students' science, research and discoveries, Kemerovo State University of Culture and Arts.

В марте – апреле 2011 года в Кемеровском государственном университете культуры и искусств проходила 41-я Межрегиональная студенческая научно-практическая конференция «Культура и искусство: поиски и открытия». Традиционно для студентов КемГУКИ конференция проходит в 2 этапа, что позволяет привлечь максимальное количество участников: на первом этапе докладчики и слушатели в количестве более 480 человек приняли участие в работе 40 кафедральных секций, а 28 апреля состоялся второй этап, который собрал в свои ряды победителей первого этапа конференции, а также молодых ученых из учебных заведений Кемеровской, Томской областей, Алтайского края и Хакасии. Силами профессорско-преподавательского состава университета были организованы следующие программные мероприятия, отличающиеся многообразием и разносторонностью: профессиональный творческий конкурс «Космоарт»

(руководитель – В. В. Зилева, канд. пед. наук, ст. преп. кафедры ТАОИ), конкурс по сольфеджио среди студентов Института музыки КемГУКИ (руководитель – Н. С. Попова, ст. преп. ТИИ), олимпиада по английскому языку среди студентов 1–2 курсов КемГУКИ (руководитель – М. В. Денисенко, ст. преп. кафедры ин. яз.), историко-краеведческая конференция, посвященная памяти А. В. Циркина (руководитель – А. М. Кулемзин, доктор культурологии, профессор) и др. Благодаря широте спектра представленных мероприятий в них смогли принять участие значительное количество молодежи университета.

В рамках второго этапа конференции прошли выставки и показы, где студенты КемГУКИ получили возможность продемонстрировать коллегам из других регионов свои высокие достижения в учебной, научной и творческой деятельности. Были организованы ярмарки-продажи удивительных по разнообразию и оригинально-

сти изделий народного промысла и хэнд-мейд студентов Института визуальных искусств.

Церемония торжественного открытия конференции стала ярким, увлекательным событием, ставшим воплощением атмосферы делового, доброжелательного сотрудничества, энергии научного творчества студентов.

В церемонии открытия отразился один из главных принципов нашего университета – гармоничный синтез учебы, науки и творчества. С приветственным словом выступили: ректор университета Екатерина Леонидовна Кудрина, пожелавшая участникам конференции успехов и новых достижений, проректор по научной и инновационной деятельности Александр Викторович Шунков, обозначивший актуальные направления научно-исследовательской работы студентов в КемГУКИ, а также проректор по учебной и воспитательной работе Новосибирского государственного театрального института Василий Иванович Кузин. Своими выступлениями порадовали присутствующих ансамбль современной хореографии «Вечное движение» (руководитель – Надежда Валерьевна Руссу, канд. филос. наук, доцент) и вокальный ансамбль «Театро» (руководитель – Елена Сергеевна Бойцова, преп. кафедры АХ).

В этом году работа второго этапа конференции проходила в рамках 15 секций по основным направлениям научно-исследовательской деятельности университета: «Исследование и разработка информационно-коммуникационных технологий как основа информатизации общества» (руководитель – Н. И. Колкова, канд. пед. наук, профессор); «Информационные, образовательные и социокультурные технологии в библиотечно-информационной деятельности» (руководитель – И. С. Пилко, доктор пед. наук, профессор); «Формирование информационной культуры личности» (руководитель – Н. И. Гендина, доктор пед. наук, профессор); «Историко-

культурное наследие и современное общество» (руководитель – А. М. Кулемзин, доктор культурологии, профессор); «Концептуальные и художественные аспекты визуальных искусств» (руководитель – Г. С. Елисеенков, профессор); «Народная художественная культура: актуальные проблемы теоретических и прикладных исследований» (руководитель – Н. Д. Ултургашева, доктор культурологии, профессор); «Современные проблемы развития искусства» (руководитель – О. Ю. Астахов, канд. культурологии, доцент); «Сценическое искусство в современных условиях: проблемы и поиски решения» (руководитель – Н. Л. Прокопова, доктор культурологии, профессор); «Актуальные проблемы теории и практики психолого-педагогических исследований» (руководитель – Н. Н. Григоренко, канд. филос. наук); «Актуальные проблемы научных исследований социально-педагогической деятельности» (руководитель – Л. И. Лазарева, канд. пед. наук); «Художественный текст в пространстве межкультурных коммуникаций» (руководитель – А. В. Шунков, канд. филол. наук); «Экономические проблемы социально-культурной сферы» (руководитель – Н. М. Трусова, канд. экон. наук); «Актуальные проблемы научных исследований теории и практики социально-культурной деятельности» (руководитель – Н. С. Коргожа, канд. пед. наук); «Проблемы и перспективы современного менеджмента» (руководитель – Е. А. Малкина, канд. пед. наук).

На обсуждение молодых исследователей было представлено более 140 докладов широчайшего диапазона: «Создание официального сайта Совета ветеранов г. Кеморова», «Создание виртуальной выставки “Информационная культура личности”», «Сравнительная характеристика электронных выставок библиотек России», «Православная литература в составе документных ресурсов библиотеки», «Конкурентная разведка и промышленный шпионаж:

сходство и различия», «Интернет: цензура быть или не быть?», «Современное состояние традиционной культуры коренных жителей Кемеровской области», «Роль колыбельных песен в традиционной культуре тувинцев», «Религиозная живопись в храмах г. Кемерово (иконография святого Георгия)», «Концепция развития театров как катализатор репертуарного поля г. Кемерово», «История газосветной рекламы», «Семья как субъект педагогического взаимодействия и социокультурная среда воспитания и развития личности», «Проблема организации малого бизнеса в социально-культурной сфере» и многие другие. Студенты, присутствовавшие на секциях, принимали активное участие в обсуждении, задавали вопросы авторам докладов, вступали в дискуссии.

На торжественном закрытии конференции руководители направлений подвели итоги работы своих секций, вручили дипломы победителям, а также благодарственные письма участникам, доклады которых были отмечены конкурсной комиссией. Конференция еще раз показала важность развития студенческой науки и научных связей в регионе, а тот факт, что она вызвала широкий резонанс среди представителей других учебных учреждений, говорит о том, что КемГУКИ становится одним из важнейших центров гуманитарных наук в Сибири.

По итогам работы прошедшей конференции будет издан сборник статей, в который войдут лучшие студенческие научно-исследовательские работы, представленные на секционных заседаниях.

Е. Н. Лапинкова

**МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
АСПИРАНТОВ, СОИСКАТЕЛЕЙ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ»**

15–18 марта 2011 г. состоялась Межрегиональная научно-практическая конференция аспирантов, соискателей и преподавателей «Актуальные проблемы социокультурных исследований», на которой были представлены доклады, посвященные вопросам теоретических и эмпирических культурологических исследований, философии культуры, музееведения, педагогики социально-культурной деятельности, информационно-образовательных ресурсов и технологий.

Ключевые слова: научно-практическая конференция, актуальные проблемы, социокультурные исследования.

E. N. Lapinkova

**«TOPICAL PROBLEMS OF SOCIO-CULTURAL RESEARCH»
INTER-REGIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE
OF POSTGRADUATE STUDENTS, SEEKERS AND TEACHERS**

On 15–18 of March 2011 there was held an inter-regional scientific and practical conference of postgraduate students, seekers and teachers called «Topical Problems of Socio-Cultural Research» where there have been presented some reports devoted to the issues of theoretical and empiric researches in culture studies, philosophy of culture, museology, pedagogics of socio-cultural activity, informational and educational resources and technologies.

Keywords: scientific and practical conference, topical problems, socio-cultural research.

Конференция аспирантов, соискателей и преподавателей «Актуальные проблемы социокультурных исследований» проходит в нашем университете с 2002 года ежегодно. Цель данной конференции – рассмотрение теоретических и практических актуальных проблем социокультурных исследований.

В конференции приняли участие более 115 человек из Кемерово, Томска, Красноярска, Новосибирска, Канска, Новокузнецка и других городов.

В рамках конференции было выделено 5 секций по основным направлениям работы аспирантуры университета. Руководство секциями осуществляли ведущие ученые, руководители направлений научных специальностей аспирантуры нашего вуза: «Теоретическое и эмпирическое в культурологическом исследовании» (руководители – доктор культурологии, профессор В. И. Марков; доктор культурологии, профессор Г. Н. Миненко); «Философия и практика: традиции и инновации» (руководители – доктор филос. наук, профессор П. И. Балабанов; канд. филос. наук, доцент Ю. В. Клецов); «Педагогика социально-культурной деятельности: теория, социально-культурное проектирование и технологии» (руководитель – доктор пед. наук, профессор В. Д. Пономарев); «Музей: его сущность и назначение» (руководитель – доктор культурологии, профессор А. М. Кулемзин); «Информационно-образовательные ресурсы и технологии: от информационного общества к обществу знаний» (руководитель – доктор пед. наук, профессор Н. И. Гендина).

На секционных заседаниях было заслушано более 70 докладов, большая часть из которых сопровождалась презентациями. В обсуждении докладов приняли активное участие научные руководители, приглашенные доктора и кандидаты наук соответствующих кафедр университета, на которых осуществляется подготовка аспирантов, а также сами аспиранты и соискатели.

Доклады секции «Теоретическое и эмпирическое в культурологическом исследовании» отличались многообразием рассматриваемых проблем, отражающих междисциплинарный, интегративный характер современной культурологии. За все годы, что проходит конференция, секция культурологической направленности – самая многочисленная. Это объясняется тем, что она в наибольшей мере совпадает с направленностью деятельности диссертационного совета КемГУКИ и востребована в нашей аспирантуре. Тематика докладов секций «Педагогика социально-культурной деятельности: теория, социально-культурное проектирование и технологии» и «Информационно-образовательные ресурсы и технологии: от информационного общества к обществу знаний» также являются приоритетными для вуза, они отражают единство теоретического анализа и практической направленности подготовки специалистов. Практической проектировочной направленностью отличались и исследования, представленные на секции музееведения.

Интересными оказались отзывы наших аспирантов и соискателей о прошедшей конференции: «Доклады на секции “Информационно-образовательные ресурсы и технологии: от информационного общества к обществу знаний” были разноплановыми и информационно насыщенными. Участие в работе секции аспирантов и соискателей разных лет обучения познавательно и полезно тем, что первокурсники могли увидеть и проанализировать опыт старшекурсников, а старшекурсники имели возможность познакомиться с новыми направлениями и аспектами исследований» (Е. В. Роот, соискатель 1 года обучения по специальности 05.25.03 «Библиоковедение, библиографоведение и книговедение»); «Мы принимали участие в заседаниях секций, которые состоялись 17 марта “Теоретическое и эмпирическое в культурологическом исследовании” и 18 марта “Информационно-образователь-

ные ресурсы и технологии: от информационного общества к обществу знаний». Положительным считаем заинтересованность преподавателей и научных руководителей, которые активно посещали заседания секций. В работе секций были представлены интересные доклады различной тематики, выступило много участников, в том числе не являющихся сотрудниками КемГУКИ» (Н. Д. Бибикина, аспирантка 1 года обучения по специальности 07.00.10 «История науки и техники»; С. В. Савкина, соискатель для подготовки и сдачи кандидатских экзаменов по специальности 05.25.03 «Библиотечноеведение, библиографоведение и книговедение»); «Я участвовала в работе секции «Философия и практика: традиции и инновации». Опыт очень полезный: важно послушать, кто и как работает среди аспирантов, какой уровень у них и какой у тебя на их фоне. Важны задаваемые вопросы. У меня новые мысли появились, когда я слушала доклады других аспирантов» (И. П. Басалаева, аспирантка 1 года обучения по специальности 09.00.01 «Онтология и теория познания»); «Сроки проведения конференции четко соблюдены и удобны тем, что предваряют студенческую конференцию, что дает возможность помощи студентам в подготовке более содержательных докладов, учитывая свой опыт выступления. Участие в работе секции приносит пользу, так как учит выступать перед аудиторией... Интерес руководителей к работе каждого докладчика, вопросы и ценные замечания помогают в дальнейшем при написании кандидатской диссертации» (М. А. Алексеенко, аспирантка 3 года обучения по специальности 24.00.01 «Теория и история культуры»); «Я впервые участвовала в конференции аспирантов. В работе понравилось хорошее техническое оснащение аудитории, выдержанный регламент выступлений, четкая организованность конференции. Даже определенная жесткость требований уместна, так как дисциплинирует и не позволяет рас-

слабиться» (Е. В. Косолапова, аспирантка 1 года обучения по специальности 05.25.03 «Библиотечноеведение, библиографоведение и книговедение»).

По результатам работы конференции были подведены итоги и 22 победителям были вручены дипломы 1, 2 и 3 степени «За лучший доклад». Особенно хотелось бы отметить аспирантов и соискателей, которые награждены дипломами 1 степени: И. В. Гладковская, аспирантка 1 года обучения по специальности 13.00.05 «Теория, методика и организация социально-культурной деятельности» за доклад «Адаптация студенческих семей в культурно-досуговой деятельности вуза» (научный руководитель – Е. В. Милькова, канд. пед. наук, доцент); Н. А. Примеров, соискатель 2 года обучения по специальности 24.00.01 «Теория и история культуры» за доклад «Исполнительство на народных инструментах как фактор сохранения традиционной культуры России» (научный руководитель – Ю. Г. Марченко, доктор культурологии, профессор); Л. Н. Рябцева, научный сотрудник НИИ информационных технологий социальной сферы за доклад «Алгоритм адаптации курса “Основы информационной культуры личности” к условиям библиотеки: проблемы теории и методики» (научный руководитель – Н. И. Гендина, доктор пед. наук, профессор); С. В. Савкина, соискатель для подготовки и сдачи кандидатских экзаменов по специальности 05.25.03 «Библиотечноеведение, библиографоведение и книговедение» за доклад «Возможности применения интеллектуальных систем в оценке качества электронных книжных выставок» (предполагаемый научный руководитель – И. С. Пилко, доктор пед. наук, профессор); О. В. Самаковская, аспирантка 2 года обучения по специальности 24.00.03 «Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов» за доклад «Этнографические музеи Западной Сибири в эпоху информационно-

го общества» (научный руководитель – Н. И. Гендина, доктор пед. наук, профессор); Е. А. Трощенко, начальник отдела организационно-документального обеспечения за доклад «Социокультурное проектирование на современном этапе» (научный руководитель – П. И. Балабанов, доктор филос. наук, профессор); Т. А. Шимчук, соискатель 2 года обучения по специальности 24.00.01 «Теория и история культуры» за доклад «Церковь и культура: традиции и современность (проект христианской культуры в трудах русских религиозных мыслителей)» (научный руководитель – И. Ф. Петров, доктор филос. наук, профессор).

В рамках конференции работали специализированные книжные выставки по всем секционным направлениям конференции, где были представлены монографии, научные журналы, сборники по материа-

лам научных конференций. Организацией книжных выставок занималась научная библиотека нашего университета.

По результатам работы межрегиональной научно-практической конференции формируется 7-й выпуск сборника научных статей «Актуальные проблемы социокультурных исследований», в котором будут представлены статьи по разделам: культурология и философия культуры, социально-культурная деятельность, музееведение, информационно-образовательные ресурсы и технологии.

Проведение подобного уровня конференций дает возможность своевременно выявить теоретические и практические проблемы в диссертационных исследованиях, позволяет с определенной периодичностью апробировать собранный материал, приобрести опыт публичных выступлений и овладеть навыками научной дискуссии.

В. И. Марков

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ФИЛОСОФИЯ – ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ – КУЛЬТУРОЛОГИЯ: НОВЫЕ ВОДОРАЗДЕЛЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ»

В статье описывается проведение Российским институтом культурологии очередной конференции по вопросам определения статуса культурологии в системе социальных и гуманитарных наук и определению границ ее проблемного поля в соотношении с исследованиями в области философии культуры.

Ключевые слова: философия культуры, культурология, единство и многообразие в культуре, постмодернизм, европоцентризм и мультикультурализм.

V. I. Markov

INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE «PHILOSOPHY – PHILOSOPHY OF CULTURE – CULTURE STUDIES: NEW BORDERLINES AND PROSPECTS OF INTERACTION»

The article describes the conference devoted to defining the status of culturology in the system of social science and humanities and limiting its problem area in correlation with researches in philosophy of culture.

Keywords: philosophy of culture, culture studies, unity and diversity in culture, postmodernism, europocentrism and multiculturalism.

7–9 апреля 2011 г. в Фестивальном центре Госфильмофонда «Белые Столбы» проходила Международная научная конференция «Философия – философия культуры – культурология: новые водоразделы и перспективы взаимодействия», организованная Министерством культуры Российской Федерации, Российским институтом культурологии, Государственным фондом кинофильмов РФ в партнерстве с Институтом философии РАН, Российским государственным гуманитарным университетом при поддержке Научного совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия.

Этот научный форум явился продолжением серии конференций, посвященных взаимодействию смежных с культурологией научных дисциплин, проводимых ежегодно Российским институтом культурологии. Отличительная их особенность – свободный дискуссионный формат работы, позволяющий выявить «болевые» точки современного гуманитарного и социального знания и обсудить перспективные направления его развития.

Он стал четвертым в списке научных встреч, представляющих стратегический проект Российского института культурологии. Предыдущие были посвящены взаимодействию культурологов с антропологами и этнологами (2008 г.), с филологами и искусствоведами (2009 г.), с социологами (2010 г.). По итогам конференций регулярно издаются соответствующие материалы, включающие не только тексты докладов, но и весь ход их дискуссионного обсуждения.

Основная цель данной встречи состояла в выявлении проблемных полей, взаимодействие в рамках которых позволяет наиболее полно раскрыть возможности междисциплинарного сотрудничества философского и культурологического знания.

Среди участников дискуссии были такие известные специалистам персо-

ны, как К. Э. Разлогов, О. Н. Астафьева, И. М. Быховская, Гейдар Джемаль, С. Н. Иконникова, В. М. Межуев, Э. А. Орлова, В. Н. Порус, В. Л. Рабинович, Ю. М. Резник, О. К. Румянцев, М. Т. Степанянц, С. Д. Серебряный, А. Ю. Шеманов, а также другие видные российские и зарубежные ученые – культурологи, философы, антропологи, историки и социологи. Всего в работе конференции приняли участие около 120 ученых из России, Украины, Польши, США и Японии.

Основные вопросы конференции были связаны с постоянно изменяющимся предметным полем и внутренними границами наук о культуре. Эти дискуссии необходимы не с точки зрения взаимного отделения, а в порядке взаимо- и самоопределения социальных и гуманитарных наук с целью налаживания эффективного диалога и организации междисциплинарных исследований.

В ходе обсуждения обнаружилось, что реальные проблемы связаны не столько с водоразделом между философией культуры и культурологией, сколько с противостоянием классической традиции и попыток освоить в познании новые реалии современного мира внутри каждой из дисциплин.

Поэтому одной из ведущих тем стало обсуждение вопроса о соотношении классической философской (и воспринятой от нее другими науками) парадигмы рассмотрения культуры человечества как единого и универсального образования с постмодернистским видением этой проблематики культурологией в ракурсе многообразия равноправных культурных миров современности. Оказалось, что формальное признание этого многообразия, вроде состоявшееся уже десятилетия назад, во многом не затронуло концептуальных основ видения мира культуры. Тем более, что проблема Единого в культуре приобрела новый импульс уже в ракурсе

будущего, связанного с процессами глобализации.

В некоторых выступлениях с философской стороны жестко прозвучали тезисы европоцентристского характера вплоть до отрицания права других культур вообще считаться культурами в полном смысле слова или же их признания, но с выделением европейской культуры в особую, наиболее полно воплощающую все универсальные и всеобщие характеристики. Это во многом напомнило средневековое противостояние номинализма и реализма в понимании статуса всеобщего. Таким образом, выявилось, что установка на единство культуры остается до сих пор во многом связанной с европоцентристским мировоззрением.

Естественно, такой подход вызвал бурную реакцию не только среди культурологов, но и части философов. Многие из них отмечали, что сама философия уже не может рассматриваться как нечто единое, ее аристократизм и претензии на определяющую роль в мире знания уходят в прошлое. Отмечалось, что кризисные явления характерны в целом для институционального существования всех теоретико-гуманитарных наук и это требует общей стратегии, ориентированной на выживание всего этого комплекса дисциплин. В Европе закрываются философские кафедры и факультеты, заменяясь кафедрами гендерных исследований, изучения проблем сексуальных меньшинств и т. д. Это связано с прагматическими ориентациями современного общества, с его специфическим социальным заказом. В рамках философского дискурса все новое порождается уже с конца XIX века большей частью талантливыми дилетантами, а не профессиональными философами. Кризис и кардинальная смена установок касаются ныне всех отраслей социогуманитарного знания, и поэтому необходимы новые, междисциплинарные по своему характеру, стратегии и проекты.

При таком диагнозе ситуации обсуждение плавно перетекло в плоскость общих задач и попыток уловить в понятийные сети динамичную, пластичную сущность современного мира. В этом мире во многом утрачивает смысл разделение на Запад и Восток, постоянно порождается множество новых субкультур, индивиды становятся поликультурными а завершающийся мир постмодерна стоит перед новой, пока еще неясной постпостреальностью.

Представлявший на данном форуме КемГУКИ проф. В. И. Марков в своем пленарном докладе предложил рассматривать вопрос о статусе и интенциях культурологии не с точки зрения абстрактных рассуждений о том, чем она могла бы и должна стать, а с точки зрения ее исторического генезиса и общественных потребностей, вызвавших ее появление. В этом ракурсе исходным моментом можно считать формирование именно в общественной практике (и практике европейских колониальных захватов, прежде всего) представлений о культурном многообразии мира. Насущная необходимость эффективной организации самых различных контактов (политических, торговых, военных) выдвинула на первый план задачу рассмотрения культурных миров человечества как отдельных, целостных, взаимодействующих систем. Эту задачу на тот момент не могли реализовать ни философия культуры, понимающая ее как абстрактную культуру человечества в целом (да еще с европоцентристских позиций), ни частные науки, изучавшие отдельные элементы культурной жизни разных народов и эпох. Данную теоретическую лакуну в качестве своеобразной теории среднего уровня, опирающейся на эмпирический фундамент частных исследований, и заполнила культурология. Тогда структура культурологического знания может рассматриваться в рамках известной диалектики общего – особенного – единичного (философия культуры – культурология – культурография), а сама культуроло-

логия в перспективе обладает огромными потенциальными возможностями для решения (в том числе – и практического) главной проблемы противоречиво глобализирующегося человечества – достижения взаимопонимания между народами и культурами.

Выступая на заключительном этапе дискуссии, В. И. Марков отметил, что по сути дела разговор шел не столько о границах с культурологией, сколько о внутренних проблемах самого философского видения культуры. Фактически – о новых веяниях в философии культуры, которая при всей тяге к концепту Единого, вынуждена как-то вместить в себя современный полицентричный мир культуры. И это оказалось не так-то просто. Стремясь к Единому на протяжении веков, она сплелась с европоцентризмом и фактически философское Единое всегда моделировалось именно на этой основе. Соответственно, новая мультикультурная ситуация вкупе с глобализацией и ее неоднозначными измерениями и последствиями потребовала переосмысления многих установок, укоренившихся в философских исследованиях. И стремительное «вторжение» культурологии в комплекс наук о культуре только обнажило эти внутренние противоречия философского осмысления культуры. Признание же реального многообразия не может не быть болезненным, поскольку тогда ставятся под вопрос укоренившиеся фило-

софские претензии на универсальное значение своих постулатов. И, наконец, все разговоры о постмодерне и постмодерне, глобальном космополитичном обществе и индивиде не учитывают ряда моментов. Во-первых, ущербности метода прямого проецирования в будущее тенденций сегодняшнего дня. История не раз доказывала, что они могут смениться на противоположные. Ведь и попытка глобализации далеко не первая в прошлом человечества. Каждый раз она срывалась, поскольку одна из сторон пыталась своекорыстно использовать ее в политике глобализма. Это наблюдается и сейчас. К тому же многие процессы, характерные якобы для всего современного мира, совсем иначе смотрятся из сибирской глубинки, точно так же, как и из «глубинки» африканской или азиатской. Это пространственное разделение тоже необходимо учитывать в прогнозах.

Конференция закончилась позитивными выводами о необходимости совместного освоения реалий современного мира и определением перспектив дальнейших дискуссий. В частности, по предложениям ряда ученых на следующий аналогичный форум, возможно, будет поставлен вопрос не о границах между культурологией и исторической наукой, как предполагалось ранее РИКом, а о насущных проблемах преподавания культурологических дисциплин.

В. И. Марков

ЖУРНАЛ «ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ». ЮБИЛЕЙНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Статья посвящена юбилейной конференции и основным итогам работы за 10 лет Научно-исследовательского института философии образования при Новосибирском государственном педагогическом университете и журнала «Философия образования».

Ключевые слова: философия, методология, модернизация, реформа образования.

V. I. Markov

**«PHILOSOPHY OF EDUCATION» JOURNAL.
ANNIVERSARY CONFERENCE**

The article is devoted to the anniversary conference and gives a review of the main results for 10 years' work of philosophy of education scientific and research institute at Novosibirsk State Pedagogical University, as well as of «Philosophy of Education» Journal.

Keywords: philosophy, methodology, modernization, education reform.

30 марта 2011 г. на базе Новосибирского государственного педагогического университета прошла Всероссийская конференция с международным участием «Новая философия образования – ответ на вызовы времени», посвященная 10-летию Научно-исследовательского института философии образования и журнала «Философия образования». Этот журнал, включенный в список изданий, рекомендуемых ВАК РФ для публикации результатов диссертационных исследований, хорошо знаком специалистам Сибири, России в целом, а также многим профессионалам из зарубежных стран. Достаточно регулярно печатаются в нем и диссертанты КемГУКИ. Как отметила во вступительном слове главный редактор журнала, доктор философских наук, профессор, директор НИИ философии образования НГПУ Нина Васильевна Наливайко, благодаря сформировавшемуся в рамках деятельности журнала и НИИ сплоченному работоспособному коллективу за 10 лет работы удалось добиться серьезных результатов. Вышло 34 номера журнала, коллектив авторов составил более 2000 персон. Международные связи НИИ и журнала включают научные организации таких стран, как Испания, Колумбия, Турция, Украина, Чехия, Южная Корея и Япония. В 2008–2010 гг. издано три спецвыпуска на английском языке на базе Карлова университета (Прага). Журнал опирается в своей работе на солидный контингент экспертов, отвечающих за качество выпус-

каемых публикаций. Несмотря на далеко не безоблачную историю, журнал сумел создать и сохранить свое неповторимое лицо, свой имидж издания, ставшего, по сути дела, пионером в развитии нового научного направления. За счет сочетания углубленной философско-теоретической разработки проблем реформы образования с обобщением конкретного практического опыта профессионалов коллектив НИИ и журнала проводит работу, которая фактически должна была предшествовать началу самой образовательной реформы. Широчайшая научная дискуссия, развернутая в монографиях, материалах конференций и на страницах журнала с привлечением ряда отечественных и иностранных специалистов в течение прошедших десяти лет позволила выявить ряд уязвимых мест в совершаемых преобразованиях, и, в конечном счете, способствовала более осознанному включению научно-педагогического сообщества в решение насущной задачи – модернизации системы образования на основе сохранения лучших традиций, наработанных за многовековую историю России. Данный тезис представляет собой принципиальную позицию журнала, которую он отстаивает на протяжении многих лет.

Несмотря на юбилейный повод, конференция носила отнюдь не парадный характер. На ней собрались специалисты, не только поддерживающие длительное время продуктивные творческие отноше-

ния с коллективом НИИ, но и искренне болеющие за состояние дел в сфере образования.

С общим анализом кризисных проблем сферы образования в стране на фоне активно внедряющихся реформационных проектов и процессов глобализации на конференции выступила профессор Е. В. Ушакова из Барнаула. Проф. О. Б. Майер (Новосибирск) не только продолжил данную линию рассуждений, но и обрисовал основные черты своей концепции понимания сущности образования как основного фактора общественной адаптации через воспроизводство определенного типа личности. Одновременно он предложил участие в исследуемой им теме о современной эпистемологии философии образования и в разработке соответствующего понятийного аппарата. В рамках телемоста с коллегами из Украины на конференции выступил давно сотрудничающий с журналом проф. М. В. Жук, подчеркнувший роль журнала и поднимаемой им тематики в условиях глобализации, информационных революций, инноваций и социальных транзитов современности. Проф. Н. П. Чупахин (Томск) остановился на оригинальном аспекте – рассмотрении происходящих процессов с точки зрения логической семантики. При этом он выстраивал аргументы на основе терминологического анализа принимае-

мых законов в области образования и отметил, что проводящиеся сверху реформы предполагают фактически полную неопределенность. Затем несколько выступающих дали критику ряда параметров Болонского процесса и, в частности, компетентностного подхода, заложенного в его основы. В завершение обсуждения Л. В. Пугачев резюмировал многие позиции, остановившись на анализе правовой основы реформы образования, которая, по его мнению, вразрез с исторической традицией, включает эту сферу в гражданско-правовые отношения (в разряд услуг), которые уже потом должно закреплять государство. Тем самым с государственных органов снимается их конституционная обязанность обеспечения прав граждан в этой области. В качестве истоков должны, наоборот, рассматриваться государственные обязательства, составляющие фундамент всех других правоотношений в образовании.

КемГУКИ на данной конференции представлял профессор кафедры культурологии В. И. Марков, выступивший с пленарным докладом на тему «Культурология в системе гуманитарного образования», в котором обрисовал свои представления об особой роли и особой ответственности культурологических предметов в образовательно-воспитательном процессе.

И. С. Пилко

16-я КОНФЕРЕНЦИЯ РОССИЙСКОЙ БИБЛИОТЕЧНОЙ АССОЦИАЦИИ «РОССИЙСКОЕ БИБЛИОТЕЧНОЕ СООБЩЕСТВО: ЦЕЛИ И ПЕРСПЕКТИВЫ»

Об участии делегации КемГУКИ в работе Всероссийского библиотечного конгресса и 16-й ежегодной конференции Российской библиотечной ассоциации. Обсуждение вопросов подготовки библиотечно-информационных кадров эпохи Интернет, формирования медиаграмотности и информационной культуры личности.

Ключевые слова: Российская библиотечная ассоциация, Всероссийский библиотечный конгресс, подготовка специалистов библиотечно-информационной сферы, информационная культура личности, опыт КемГУКИ.

*I. S. Pilko***16TH RUSSIAN LIBRARY ASSOCIATION CONFERENCE:
«RUSSIAN LIBRARY COMMUNITY: AIMS AND PROSPECTS»**

On KemGUKI delegation having participated in the work of Russian Library Congress and the 16th annual Russian Library Association Conference. Discussion of some aspects of library and information staff teaching in the age of the Internet, of a person's media literacy and information culture formation.

Keywords: Russian Library Association, Russian Library Congress, teaching library and information sphere staff, a person's information culture, KemGUKI experience.

22–27 мая 2011 года в Тюмени состоялся Всероссийский библиотечный конгресс и 16-я ежегодная конференция Российской библиотечной ассоциации (РБА). Тема конференции – «Российское библиотечное сообщество: цели и перспективы». КемГУКИ на этой конференции представляла делегация в составе: ректор, доктор педагогических наук, профессор Е. Л. Кудрина; проректор по учебной работе, доктор педагогических наук, профессор И. С. Пилко; директор НИИ ИТ СС, доктор педагогических наук, профессор Н. И. Гендина; директор Института информационных и библиотечных технологий, старший научный сотрудник НИИ ИТ СС, кандидат педагогических наук, доцент О. И. Алдохина.

Кемеровская делегация приняла активное участие в мероприятиях конгресса: обсуждении «Приоритетов развития Российской библиотечной ассоциации на 2011–2015 гг.», выборах президента и членов Совета РБА на период 2011–2014 гг., работе секций библиотечной профессии, кадров и непрерывного образования; центральных библиотек субъектов Российской Федерации; библиотек высших учебных заведений; специальных библиотек по обслуживанию людей с ограничениями жизнедеятельности; просмотре выставки издательской продукции, новых информационных технологий, продуктов, това-

ров, услуг. Состоялись конструктивные встречи с коллегами из Тюменской государственной академии культуры, искусств и социальных технологий.

25 мая 2011 года директор НИИ ИТ СС КемГУКИ профессор Н. И. Гендина принимала участие в работе научно-практического семинара «Формирование медиа- и информационной грамотности – императив XXI века», который проходил в Тюменском государственном университете. Семинар был организован Российским комитетом программы ЮНЕСКО «Информация для всех», Межрегиональным центром библиотечного сотрудничества, при финансовой поддержке Министерства культуры Российской Федерации. Н. И. Гендина выступила с ключевым докладом «Информационная грамотность и информационная культура личности: российский и международный форматы решения проблемы подготовки граждан к жизни в информационном обществе», ответила на вопросы, касающиеся проблем информационной подготовки граждан в России.

В рамках семинара состоялась оживленная дискуссия и обмен опытом представителей вузовских, публичных, школьных библиотек Иркутска, Барнаула, Тюмени, Омска и других городов, внедряющих разработанные в НИИ ИТ СС учебные программы по курсу «Основы информационной культуры личности». Все они

отметили востребованность, высокое качество и практическую полезность учебно-методических материалов по формированию информационной культуры личности, созданных в НИИ ИТ СС КемГУКИ.

25 мая 2011 года программой конференции было предусмотрено специальное мероприятие «День Кемеровского государственного университета культуры и искусств на конференции РБА», которое состоялось в Тюменской областной научной библиотеке им. Д. И. Менделеева при полном аншлаге. Его тема «Библиотекарь эпохи Интернет. Кемеровская библиотечная школа и профессиональное сообщество: грани взаимодействия». Мероприятие имело целевую установку:

- **познакомить** с достижениями кемеровской библиотечной школы, образовательная программа которой включена в разряд *лучших образовательных программ инновационной России 2010 г.*;

- **поделиться** опытом многолетнего взаимодействия КемГУКИ с профессиональными библиотечными ассоциациями: ИФЛА, РБА, РШБА, а также с крупнейшими библиотеками РФ и Сибири;

- **предложить** механизм формирования стандарта библиотечной профессии;

- **показать**, как овладение технологией формирования информационной грамотности и информационной культуры личности связано с переосмыслением профессии библиотекаря и реализацией библиотекой образовательной функции в информационном обществе;

- **осветить** подходы к проектированию контента сайтов библиотек, основанные на результатах многолетних исследований НИИ информационных технологий социальной сферы КемГУКИ;

- **обсудить** идеи совместных научных и образовательных проектов, которые позволят изменить кадровую ситуацию в отрасли;

- **выработать** конструктивную позицию по вовлечению вузовского сообщества в реализацию Приоритетов развития РБА на 2011–2015 гг.

В рамках Дня КемГУКИ были представлены следующие доклады и презентации:

- 1) Кудрина Е. Л. Вуз и профессиональные библиотечные ассоциации: ракурсы социального партнерства;

- 2) Пилко И. С., Алдохина О. И. Кто он, библиотекарь XXI века: компетентностная модель специалиста и подходы к ее реализации в КемГУКИ;

- 3) Пилко И. С. Технологический подход к библиотеке как научная методология и практическая идеология;

- 4) Гендина Н. И. Информационная культура личности как индикатор профессиональной состоятельности и интеллектуальной мобильности библиотекаря эпохи Интернет;

- 5) Гендина Н. И., Алдохина О. И. Библиотеки в зеркале Интернет: проблемы создания и эксплуатации электронных ресурсов.

Представленные презентации и доклады вызвали живой интерес аудитории и желание сотрудничать с КемГУКИ в плане проведения научных исследований, реализации творческих проектов, подготовки, переподготовки и повышения квалификации библиотечных кадров информационного общества. Участники мероприятия оценили его как «великолепное интеллектуальное шоу», мастер-класс для коллег и единомышленников, которых оказалось достаточно много на тюменской земле. На память о встрече Е. Л. Кудрина подарила Тюменской областной научной библиотеке им. Д. И. Менделеева и библиотеке Тюменской государственной академии культуры, искусств и социальных технологий комплект научных, учебных и художественно-творческих печатных и электронных изданий, подготовленных в КемГУКИ.

ПАНОРАМА PANORAMA

18 марта 2011 года издательский дом «**LAP – LAMBERT Academic Publishing**» (Германия) выпустил книгу д-ра пед. наук, профессора, проректора по творческо-исполнительской и международной деятельности КемГУКИ В. Д. Пономарева «Педагогика игры в сфере досуга». В книге рассматривается теория и практика формирования игровой культуры личности: методология игровой культуры, аксиология игровой культуры, пространство и время игровой деятельности, проектирование

игровых сообществ, игровая технология. «Важнейшим понятием педагогики игры, – по словам автора монографии, – является «игровая культура», которая отражает объективные и субъективные параметры человеческой жизни». Монография адресована студентам, аспирантам и преподавателям вузов, педагогам, социальным работникам и широкому кругу специалистов сферы досуга, культуры и образования.

АНОНС МОНОГРАФИЯ

К. К. Колина, А. Д. Урсула

Информационная культурология

**ANNOUNCEMENT
MONOGRAPH**

of K. K. Kolin, A. D. Ursul

Information Culturology

В издательском доме «**LAP – LAMBERT Academic Publishing**» (Германия) готовится выйти в свет монография главного научного сотрудника Института проблем информатики РАН, д-р. тех. наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ К. К. Колина; академика Академии наук Молдавии, д-ра филос. наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ, директора Центра исследований глобальных процессов и устойчивого развития Российского государст-

венного торгово-экономического университета, профессора МГУ им. М. В. Ломоносова А. Д. Урсула «Информационная культурология».

В монографии К. К. Колина, А. Д. Урсула впервые комплексно разобраны философские, научно-методологические и прикладные аспекты данного нового научного направления. Авторы рассматривают информационную культурологию как абсолютно новую науку, изучающую феномен культуры и развитие информационной культуры общества на основе концепции информации и информационного подхода. Согласно научной концепции авторов, эта наука находится в начальной стадии формирования, однако изучаемые ею проблемы являются исключительно актуальными. Они требуют обсуждения, как в науке, так и в образовании. «Уровень развития информационной культуры сегодня определяет качество жизни в той или иной стране, степень ее социально-экономического развития, место в мировом сообществе. В монографии проведен системный анализ состояния, задач и перспектив развития информационной культурологии, ее философских основ и взаимосвязи с проблемами развития информационного общества», – констатируют авторы. В монографии сформулированы определения информационной и электронной культуры, рассмотрена структура и содержание предметной области информационной культурологии. Книга предназначена для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов университетов, а также для тех категорий читателей, которых интересует состояние и перспективы развития современной науки и культуры.

МОНОГРАФИЯ

А. В. Шункова

Литературное творчество царя Алексея Михайловича

MONOGRAPH

of A. V. Shunkov

Tsar Alexey Mikhailovich's Literature Works

В издательском доме «**LAP – LAMBERT Academic Publishing**» (Германия) готовится выйти в свет монография А. В. Шункова «Литературное творчество царя Алексея Михайловича», посвященная изучению литературного наследия русского монарха (его переписка, церемониальные тексты). В книге впервые проводится исследование жанровой природы литературных сочинений царя, анализируется авторский стиль монарха. В Приложении к книге помещен ряд литературных сочинений, позволяющих современному читателю познакомиться с творчеством писателя-монарха.

Монография адресована как специалистам в области отечественной медиевистики, так и широкому кругу читателей, интересующихся историей отечественной литературы переходного периода.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алпеева Лариса Владимировна, кандидат философских наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета водных коммуникаций. E-mail: lars41@yandex.ru

Антипов Александр Геннадьевич, доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики и риторики Кемеровского государственного университета. E-mail: sante3@yandex.ru

Астахов Олег Юрьевич, кандидат культурологии, доцент, ведущий научный сотрудник научного отдела Кемеровского государственного университета культуры и искусств. E-mail: astahov_oleg@mail.ru

Барышников Сергей Геннадьевич, кандидат юридических наук, ст. инженер Учреждения Российской академии наук Института минералогии Уральского отделения РАН. E-mail: SG.Baryshnikov@mail.ru

Бочкарев Александр Александрович, кандидат философских наук, преподаватель факультета русского языка Даляньского университета иностранных языков (г. Далянь, Китай). E-mail: grobick2000@gmail.com

Жегульская Юлия Владимировна, старший преподаватель кафедры социальной педагогики, младший научный сотрудник Лаборатории социально-психологической адаптации студентов Кемеровского государственного университета культуры и искусств. E-mail: zhegulskaya@list.ru

Золотарева Светлана Александровна, кандидат культурологии, доцент, ведущий научный сотрудник научного отдела Кемеровского государственного университета культуры и искусств. E-mail: s.a.zolotareva@gmail.com

Казарина Татьяна Юрьевна, доцент кафедры дизайна, директор Института визуальных искусств Кемеровского государственного университета культуры и искусств. E-mail: tatkazarina@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alpeeva Larisa Vladimirovna, Candidate of Philosophy, Docent of St. Petersburg State University for Waterway Communications. E-mail: lars41@yandex.ru

Antipov Aleksandr Gennadievich, Doctor of Philology, Professor at the chair of Stylistics and Rhetoric in Kemerovo State University. E-mail: sante3@yandex.ru

Astahov Oleg Yurievich, Candidate of Culturology, Docent, Senior Specialist of Scientific Department of the Kemerovo State University of Culture and Arts. E-mail: astahov_oleg@mail.ru

Baryshnikov Sergey Gennadievich, Candidate of Jurisprudence, Senior Engineer at Russian Science Academy (RSA) Institution – Mineralogy Institute of the Ural RSA branch. E-mail: SG.Baryshnikov@mail.ru

Bochkarev Aleksandr Aleksandrovich, Candidate of Philosophic Sciences, Teacher at Russian language faculty at Dalian University of Foreign Languages (Dalian, China). E-mail: grobick2000@gmail.com

Zhegulskaya Yulia Vladimirovna, Senior Teacher at Social pedagogy chair, Junior Scientist at Students' social and psychological adaptation laboratory in Kemerovo State University of Culture and Arts. E-mail: zhegulskaya@list.ru

Zolotareva Svetlana Aleksandrovna, Candidate of Culturology, Docent, Senior Specialist of Scientific Department of Kemerovo State University of Culture and Arts. E-mail: s.a.zolotareva@gmail.com

Kazarina Tatiana Yurievna, Docent at chair of design, Director of Visual Arts Institute in Kemerovo State University of Culture and Arts. E-mail: tatkazarina@gmail.com

Касаткина Наталья Эмильевна, доктор педагогических наук, профессор, зав. межвузовской кафедрой общей и вузовской педагогики Кемеровского государственного университета, лауреат премии Правительства РФ, заслуженный работник высшей школы РФ, академик МАН ВШ, почетный профессор Кузбасса, почетный учитель Кузбасса. E-mail: kasatkina@kemsu.ru

Киселев Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент Кемеровского государственного университета культуры и искусств, заслуженный учитель РФ. E-mail: nir@kemguki.ru

Колин Константин Константинович, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, действительный член МАН ВШ, главный научный сотрудник Института проблем информатики РАН (г. Москва). E-mail: kolinkk@mail.ru

Лапинкова Елена Николаевна, заведующая отделом аспирантуры Кемеровского государственного университета культуры и искусств. E-mail: aspirantura@kemguki.ru

Марков Виктор Иванович, доктор культурологии, профессор кафедры культурологии Кемеровского государственного университета культуры и искусств. E-mail: vikt-markov@yandex.ru

Марьяк Христина, Щецинский университет (Польша). E-mail: nir@kemguki.ru

Пилко Ирина Семеновна, доктор педагогических наук, профессор, проректор по учебной работе Кемеровского государственного университета культуры и искусств. E-mail: skip_95@mail.ru

Пономарев Валерий Дмитриевич, доктор педагогических наук, профессор, проректор по творческой и международной деятельности Кемеровского государственного университета культуры и искусств. E-mail: ponomarev@kemguki.ru

Рыбникова Елена Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка и славяно-русского языкознания Кемеровского государственного университета. E-mail: ree-elena@yandex.ru

Kasatkina Natalia Emilievna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of inter-university chair of general and higher education pedagogics in Kemerovo State University, Winner of RF government prize, Honoured Worker of RF higher education, Academician of IAS HE, Kuzbass Honoured professor, Kuzbass Honoured teacher. E-mail: kasatkina@kemsu.ru

Kiselev Aleksandr Vladimirovich, Candidate of Historic Science, Docent of Kemerovo State University of Culture and Arts, RF Honoured Teacher. E-mail: nir@kemguki.ru

Kolin Konstantin Konstantinovich, Doctor of Technical Sciences, Professor, Honoured Scientist of RF, Current Member of IAS HE, Chief Scientist of the Institute for Informatics Problems of the Russian Academy of Sciences (Moscow). E-mail: kolinkk@mail.ru

Lapinkova Elena Nikolaevna, Head of postgraduates studies Department in Kemerovo State University of Culture and Arts. E-mail: aspirantura@kemguki.ru

Markov Victor Igorevich, Doctor of Culturology, Professor of culturology chair in Kemerovo State University of Culture and Arts. E-mail: vikt-markov@yandex.ru

Maryak Khristina, Szczecin University, Poland. E-mail: nir@kemguki.ru

Pilko Irina Semenovna, Doctor of Pedagogic Sciences, Professor, Vice-rector for academic Activity Kemerovo State University of Culture and Arts. E-mail: skip_95@mail.ru

Ponomaryov Valeriy Dmitrievich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vice-Rector for Creative and International Activity in Kemerovo State University of Culture and Arts. E-mail: ponomarev@kemguki.ru

Rybnikova Elena Evgenievna, Candidate of Philology, Docent at the Chair of Language Theory and Slavic-Russian linguistics in Kemerovo State University. E-mail: ree-elena@yandex.ru

Сбитнева Галина Ивановна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры технологии документальных коммуникаций Кемеровского государственного университета культуры и искусств. E-mail: nir@kemguki.ru

Степанская Тамара Михайловна, доктор искусствоведения, профессор, зав. кафедрой истории отечественного и зарубежного искусства Алтайского государственного университета, член-корреспондент Российской академии естествознания. E-mail: stm@art.asu.ru

Суй Жань, доктор филологических наук, профессор Столичного педагогического университета (г. Пекин, КНР). E-mail: suiransr@sohu.com

Ханзина Валентина Игоревна, аспирантка кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. (Научный руководитель – д. ф. н., профессор Н. Е. Сулименко). E-mail: valensia000@gmail.com

Хижняк Наталья Леонидовна, аспирантка Кемеровского государственного университета культуры и искусств, заместитель начальника Департамента культуры и национальной политики Кемеровской области. E-mail: HNL@ako.ru

Хилько Николай Федорович, доктор педагогических наук, доцент, профессор ОмГУ им. Ф. М. Достоевского. E-mail: Fedorovich59@mail.ru

Черняк Максим Витальевич, аспирант Кемеровского государственного университета культуры и искусств. E-mail: m4x1m@rambler.ru

Шарифова Салида Шаммед кызы, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института литературы Национальной академии наук Азербайджана. E-mail: salidasharifova@yahoo.com

Шунков Александр Викторович, кандидат филологических наук, доцент, проректор по научной и инновационной деятельности Кемеровского государственного университета культуры и искусств. E-mail: alexandr_shunkov@mail.ru

Sbitneva Galina Ivanovna, Candidate of Pedagogics, Docent at chair of Documental Communications Technology in Kemerovo State University of Culture and Arts. E-mail: nir@kemguki.ru

Stepanskaya Tamara Mikhailovna, Doctor of History of Arts, professor, Head of Native and Foreign Art Chair in Altai State University, Correspondent Member of Russian Natural Science Academy. E-mail: stm@art.asu.ru

Sui Zhan, Doctor of Philology, Professor at Capital Pedagogics University (Beijing, CPR). E-mail: suiransr@sohu.com

Khanzina Valentina Igorevna, postgraduate student at the chair of the Russian language in Herzen Russian State Pedagogical University. (Scientific Supervisor – N. E. Sulimenko, Doctor of Philology, Professor). E-mail: valensia000@gmail.com

Khizhnyak Natalia Leonidovna, postgraduate student of the Kemerovo State University of Culture and Arts, Deputy Head of Culture and National Policy Department of Kemerovo Region. E-mail: HNL@ako.ru

Khilko Nikolay Fedorovich, Doctor of Pedagogics, Professor of Dostoevsky State Omsk University. E-mail: Fedorovich59@mail.ru

Chernyak Maxim Vitalievich, postgraduate student of the Kemerovo State University of Culture and Arts. E-mail: m4x1m@rambler.ru

Sharifova Salida Shammed kızı, Candidate of Philology, Senior Scientific Worker at the Institute of Literature in Azerbaijan National Academy of Science. E-mail: salidasharifova@yahoo.com

Shunkov Aleksandr Victorovich, Candidate of Philological Sciences, Docent, Vice-rector for Research and Innovation Activity of Kemerovo State University of Culture and Arts. E-mail: alexandr_shunkov@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПУБЛИКУЕМЫМ В ЖУРНАЛЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ «ВЕСТНИК КЕМГУКИ»

1. Правила оформления статьи:

- объем статей 8–12 страниц формата А 4;
- текст статьи должен быть тщательно вычитан и подписан автором, который несет ответственность за научно-теоретический уровень публикуемого материала; статьи аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук дополнительно подписываются научным руководителем;
- ссылки на цитируемую литературу приводятся в конце статьи в Литературе в алфавитном порядке, в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления;
- статья представляется в бумажном виде и на электронном носителе (по e-mail или на диске) в формате Microsoft Word. Бумажный вариант должен полностью соответствовать электронному. При наборе статьи рекомендуется учитывать следующее: шрифт – Times New Roman, размер кегля – 14 пт, межстрочный интервал – полуторный, форматирование – по ширине; все поля – по 20 мм.

2. Сопроводительные документы к статье:

- аспиранты КемГУКИ при предоставлении статьи должны в обязательном порядке приложить рецензию ведущего преподавателя, кандидата или доктора наук, соответствующего по профилю кафедры, как правило, научного руководителя, или выписку из протокола заседания кафедры;
- аспиранты сторонних организаций прилагают рецензию доктора или кандидата наук соответствующего профиля;
- кандидаты наук и докторанты предоставляют рецензии, написанные доктором наук соответствующего профиля;
 - в рецензии обязательно должны быть указаны, кроме фамилии, имени, отчества (полностью), должность, ученая степень, ученое звание эксперта, его служебный адрес и телефон, а также дата написания рецензии. Рецензия должна быть подписана рецензентом и заверена печатью учреждения, где работает рецензент;
 - сведения об авторе(ах) (в бумажном и электронном вариантах): фамилия, имя, отчество (полностью на русском и английском языках), ученая степень, ученое звание, должность, место работы (место учебы или соискательства), контактные телефоны, факс, e-mail, почтовый адрес с индексом;
- название статьи, аннотация статьи (до 400 символов с пробелами) и ключевые слова (не более 10 слов) на русском и английском языках;
- указание раздела журнала, в котором должна быть размещена статья (перечень рубрик см. в п. 3);
- индексы УДК (Универсальная десятичная классификация).

3. Перечень основных разделов журнала:

1. Гуманитарное знание.
2. Социально-экономическое знание.
3. Культурология.
4. Педагогика и социально-педагогическая деятельность.
5. Искусство. Искусствоведение.

Статья направляется в редакцию журнала по адресу: 650029, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17, КемГУКИ, отв. секретарю Кагакиной Елене Андреевне; e-mail: nir@kemguki.ru.

Редакционная коллегия правомочна отправлять статьи на дополнительное рецензирование.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие установленным требованиям или тематике журнала.

Подписка на журнал является обязательным условием существования «Вестника КемГУКИ» как ваковского издания. Редакция журнала не будет рассматривать и печатать статьи авторов, не предоставивших квитанцию почтовой годовой подписки на издание. При этом наличие подписки не является гарантией публикации авторского материала, который проходит всестороннюю научную экспертизу и рецензирование. Цена подписки на 2011 год – 1400 рублей, одного экземпляра – 350 рублей.

Оплата статьи производится после одобрения ее редколлегией журнала.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. Статьи публикуются в авторской редакции.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отбора материалов.

Отклоненные статьи авторам не возвращаются и не рецензируются.

Подписано к печати 03.08.2011.
Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Заказ № 355.
Уч.-изд. л. 13,0. Усл. печ. л. 21,0.
Тираж 500 экз.

Отпечатано в издательстве Кемеровского
государственного университета
культуры и искусств:
650029, г. Кемерово,
ул. Ворошилова, 19. Тел. (3842)73-45-83.
E-mail: izdat@kemguki.ru

Signed for print 03.08.2011.
Offset paper. Font «Times».
Order № 355.
Author's sheets 13,0. Printer's sheets 21,0.
Number of copies 500.

Printed at the Publisher of Kemerovo State
University of Culture and Arts:
650029, Kemerovo,
19 Voroshilov Street. Tel. (3842)73-45-83.
E-mail: izdat@kemguki.ru